

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ТРЕТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

1893.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ
матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской
(1839—1842).

LV.

№ 44.

Сплѣтъ. 7-го Іюля.

Письмо предидущее лежитъ еще не отправленное на столѣ, потому что забылъ справиться, гдѣ почта; а вотъ я уже начинаю другое.

Въ Сплѣтъ мы пріѣхали вчера съ однимъ изъ трехъ трагетто, которые ежедневно ходятъ сюда изъ Трогира. Сначала были хлопотни съ полиціей, потомъ съ квартирой, далѣе съ перемѣной бѣлья, далѣе съ кофіемъ; такъ что выбрались изъ дому уже вечеромъ—и отправились къ майору Каталиничу, Далмат. историку ¹⁾). Оказался предобрый, толстой старикъ. Сегодня вмѣстѣ съ нимъ мы осматривали древности Сплѣта—остатки Діоклетіанова дворца или, лучше сказать, замка, и что потомъ строено Венгерцами и Венеціанами. Отъ Діоклетіанова дворца осталось немногое, и то такъ перемѣшано съ новыми пристройками и конопатками, что жалость смотрѣть: между колоннами врѣзались домишки, огромныя окна замѣнены маленькими, изъ одного яруса кое-гдѣ стало два, кое-гдѣ полтора, гдѣ были языческіе храмы, тамъ теперь христіан. церкви. Понять ничего нельзя; видно только, что прежде было такъ величественно, какъ теперь гадко. Старый такъ наз. Греческій храмикъ долженъ былъ быть прекрасенъ, а теперь воняетъ и снаружи и внутри; храмъ Діаны стоитъ безъ свода, и едва даетъ проходъ; изъ храма Юпитера сдѣлали соборъ. Къ нему приставлена прекрасная сквозная колокольня въ XIV в. Венграми. Изъ сѣней сдѣлали площадь; около нея остатки величеств. колоннады. Замокъ Венгерской съ тяжелыми башнями хорошъ для картины. Остатки Венец. укрѣпленій вовсе не живописны. Сплѣтъ довольно великъ,

¹⁾ Авторъ „Storia della Dalmazia.“ Zara, 1834—1835.

но улицы — лабиринтъ, и есть не шире шага или аршина. Тутъ не ѣздятъ, какъ и всюду въ Венец. городахъ. Жителей съ 4-мя предмѣстьями до 10,000. Дѣятельности торговой довольно; есть купцы и изъ Босніи. Есть 2 книжныя лавчонки. Есть продаватели старыхъ Римскихъ древностей, открываемыхъ неподалеку въ развалинахъ древней Салонны, гдѣ теперь село Салингъ. Портъ великъ и малыхъ кораблей не мало. Съ набережной (magina) видишь острова Солту и Брачь и прекрасной разливъ моря. Говорятъ тутъ по-Итальянски испорченнымъ Венец. нарѣчіемъ. Народъ одѣвается или въ лохмотья, такъ что всѣ части тѣла видны, или (женщины) со вкусомъ (женщины особенно): напр. на головѣ платокъ такъ: на талии кофточка сверхъ корсета, большею частію прямая, съ серебр. пуговицами, безъ рукавовъ, а рукава отъ рубахи бѣлыя широкия, сверхъ юбки передниѣ перевязанной пояскомъ, за которой заткнутъ платокъ и серебр. цѣпь съ ключомъ, красныя чулки на ногахъ.—Все это очень мило. — Другое знакомство наше, — учитель Ставичъ. Обѣдали въ кан. тракторіи: нечисто.

8-е Іюля.

Между Трогиромъ и Сплѣтомъ по берегу залива горы хоть и довольно высоки, но не очень круты, и къ морю опускаются полями. Эти поля засѣяны виноградомъ, маслинами, разными плодовыми деревьями, хлѣбами, цвѣтутъ и красуются. Въ прежнее время, когда владѣли еще Турки въ горахъ, были тутъ кое-гдѣ хуторки, и были построены какъ замки противъ нападенія Турокъ, и получили по этому названіе *castelli*. Это названіе сохранилось и доселѣ, хотя замки-хуторки превратились въ деревни. Всѣхъ 7. Почти всѣ, особенно три крайніе къ Трогиру, довольно чисто построены; есть домики премилые, и прекрасно опустились въ воду и окружены зеленью. Народъ богатъ и прекрасно одѣвается, и всего имѣетъ вдоволь. Въ эти *castelli* ѣздили мы сегодня на лодкѣ. Заѣзжали къ попу въ одинъ изъ нихъ, въ другомъ пили кофе у знакомой старухи, и т. д. Народъ весь на улицахъ: кто работаетъ, кто такъ сидитъ или лежитъ, кто спитъ, подъ тѣнію. Эти мѣста называются садомъ Далмаціи и стоятъ названія. Жаль только, что къ тѣни рая и кипарисовъ не прибавляется тѣни липъ или другихъ подобныхъ широколистныхъ деревьевъ.

9-е. Пароходъ Митровскій у Курцолы.

Въ 7 часовъ утра вскочили мы сегодня на пароходъ и помчались отъ Сплѣта внизъ. Общество наше хоть и мало разнообразно, за то очень ве-

лико: 200 человекъ солдатъ, переправляемыхъ въ Рагузу, и нѣсколько офицеровъ. У городка Лесины остановились мы въ 11-мъ часу и простояли тамъ около 2-хъ часовъ; на берегъ мы не сходили. Въ 5 часовъ вечера прѣѣхали сюда къ городку Курполъ и остановились тутъ на цѣлую ночь. Вѣдемъ быстро, но видѣть нечего: то одинъ, то другой островъ, то съ той, то съ этой стороны островъ гористой, сѣрой, такъ что зелень едва замѣтна. Въ Курполъ мы сошли на берегъ, чтобы немного осмотрѣться: городокъ, окруженный стѣнами, занимаетъ весь полуостровокъ, на которомъ построенъ; и страшно ходить по нему: дома надъ домами, много по архитектурѣ хорошихъ, но еще болѣе совершенно пустыхъ, безъ оконъ, безъ крышъ, отчасти потому что чума переморила жителей, отчасти потому что жители сами оставили дома и переселились кто въ предмѣстия, кто далеко. Мы бродили по городку до захода солнца, прячась отъ жару, потомъ вышли на набережную. Тутъ пристали къ намъ два медика, а между тѣмъ на лодкѣ ѣхалъ преторъ изъ Оребича (на Сабіончелло) домой. Онъ предлагаетъ намъ прокатиться съ нимъ, говоря что переѣздъ полчаса,—мы садимся и поѣхали. По дорогѣ онъ рассказывалъ намъ объ огромныхъ сомахъ, о семиручкахъ ¹⁾, о ядовитыхъ змѣяхъ, о сѣрной пещерѣ въ горѣ Иліи, соединяющейся съ моремъ, и т. д. Подѣзжаемъ,—видимъ прекрасные чистенькіе домики, кипарисы, пальмы и дивные костюмы. Женщины на головахъ носятъ шляпы (клубуки) изъ соломы съ лентами цвѣтами и перначемъ и волосы прелестно завиты, юбка голубая съ красно-желтою каймою, на лифѣ корсетъ, рукавички синенькіе (трауръ черной). Я не успѣлъ еще сказать, что нахожу сходство костюма съ Испанскимъ, какъ преторъ объявилъ мнѣ, что дѣйствительно сюда переселилась когда-то Испанская колонія. Говорятъ впрочемъ теперь всѣ по-Далматински. Поздно ворочались мы домой—на 4-хъ веслахъ: маестраль дулъ противъ насъ, но по маестралу хорошо ѣхать и противъ вѣтра. И наконецъ мы опять на пароходѣ. Завтра намѣрены пуститься въ путь въ 8 утра и къ 5 послѣ обѣда быть въ Дубровникѣ (Рагуза). Теперь покойная ночь.

10-е. Пароходъ.

Въ 3 часа пристали къ Дубровнику, сами не зная, что сдѣлаемъ—поѣдемъ-ли далѣе въ Котаръ, или останемся тутъ. Пошли прямо къ нашему консулу Гагичу, съ его помощью достали вещи наши, посланныя нами изъ Рѣки, деньги, посланныя изъ Триеста, и т. д., и рѣшили ѣхать въ Котаръ на пароходѣ. Оттуда до Черной горы уже не далеко, и къ ней-то мы приближаемся. Дубровникъ стоитъ на мысу, окруженъ вѣтвеными стѣнами,

¹⁾ Въ подлинномъ текстѣ рисунковъ.

опускающимися величественно въ море, съ двухъ сторонъ тянутся предмѣстья, а на горѣ, круто опускающейся къ городу, стоитъ высоко-высоко крѣпость. Видъ чудесный. И внутри городъ тоже хорошъ; главныя улицы широки и прямы, дома всё хороши, а нѣкоторые прекрасны; всюду часто. Всего пріятнѣе слышать всюду родные звуки: хоть и говорятъ по-Итальянски, какъ у насъ по-Французски, хоть и на Итальянск. языкѣ ведутся всё дѣла, по-Иллирски говорить не стыдится никто. Гагичъ предобрый старикъ. Еще познакомились мы съ Казначичемъ ¹⁾, адвокатомъ и писателемъ; характерный старикъ. Онъ проводилъ насъ къ берегу, гдѣ мы на лодочкѣ переправились на пароходъ. О пріѣздѣ нашемъ всюду знаютъ, знаютъ даже, гдѣ мы были, куда ѣдемъ.

Но Боже мой, что за жаръ! На 23° стоитъ, не сдвигаясь, и ни утромъ, ни вечеромъ, ни ночью нѣтъ утѣшенія. Нѣтъ, въ эти мѣсяцы плохо путешествовать по такимъ южнымъ странамъ, и въ такіе жары у насъ лучше.

11-е. Катаро.

Сегодня мы выѣхали изъ Рагузы въ 6 утра. Я еще спалъ; пароходъ шумѣлъ колесами, югъ (scirocco) морщилъ море и вылъ, но я ничего не слышалъ. Часа 3½ мы ѣхали по открытому морю; потомъ завернули въ Восса di Cattaro. Тутъ море все уже, горы все выше, но у моря внизу покрыты роскошною зеленью, и между зеленью у самого моря домики такіе миленькіе, веселенькіе, а надъ ними высоко стремнины скалъ. — Теперь въ Каттаро. Городокъ лежитъ какъ разъ подъ стѣнами скалъ, и въ этомъ мѣстѣ заливъ малъ и такъ окруженъ горами, что кажется озеромъ. На[дъ] городомъ высятся Черныя горы такъ, что надобно голову заламывать, глядя на нихъ, не только въ городѣ стоя, но и на набережной; горы дикія, стремнистыя, величественныя и страшныя. Въ Каттаро живетъ Чевкинъ ²⁾: съ чиновникомъ Австрійскимъ они хлопотали объ опредѣленіи границъ между Черногоріей и Австріей. Онъ былъ у насъ въ Триестѣ; мы отплатили ему визитъ здѣсь. Все на насъ смотреть и не одинъ Черногорецъ протягивалъ намъ сегодня руку, славя Московитовъ и Николая. Сегодня у Черногорцевъ большой праздникъ: Петра, а покойнаго митрополита Петра тѣло осталось нетлѣннымъ, и онъ считается ими святымъ. Очень жаль, что мы не успѣли быть на этомъ праздникѣ. Теперь прощайте до завтра.

¹⁾ Ант. Казначичъ—поэтъ и историкъ Далмаціи.

²⁾ Александръ Владиміровичъ Чевкинъ.

12-е. Петинь въ Черной горѣ.

Сегодня утромъ въ 5 часовъ стали мы подниматься на Черную гору. Поднимались часа два,—подъемъ тяжелой,—съ каждымъ шагомъ выше по крайнѣй мѣру на поларшина, и кое-гдѣ, чуть не карабкаясь. Крѣпость Котарская снизу намъ казалась Богъ знаетъ какъ высоко; поднявшись на 6-ю долю высоты, она уже была подъ ногами, а заливъ Котарскій какъ озерцо. Далѣе раскрылась вся бокка, а потомъ и море. И тутъ насъ встрѣтилъ туманъ. До границы Черногорской тропинка пренесносная. Далѣе идетъ порядочная дорожка, стоившая большихъ трудовъ. Поднявшись совсѣмъ на гору, мы пошли по вершинѣ далѣе и далѣе и дошли до деревни Нѣгуши, откуда родомъ и владыка. Жалкая деревня. Тутъ мы сварили себѣ кофе, пили вино, ѣли колѣчи. Далѣе я сѣлъ на мула и поѣхали въ Петинь. Съ проходящими Черногорцами говорили мы часто. Многіе останавливали насъ вопросомъ, кто мы, но узнавши, что мы Русскіе, были очень дружелюбны. У одного колодца встрѣтили процессію: знамена, образъ, евангеліе, крестъ, — священникъ, одѣтый какъ и всѣ Черногорцы, только риза накинута сверху. Это очень странно, когда представите, что онъ въ опанкахъ, чулкахъ, коротк. шароварахъ курткѣ и за поясомъ ганжаръ (кинжалъ) и пистолеты. Приближаясь къ Петини мы увидѣли башню и на ней на шестахъ множество Турецкихъ головъ. Было уже около 4 часовъ, когда мы подошли къ Петини; епископъ спалъ, мы пришли къ его брату, и потомъ къ секретарю. Между тѣмъ епископъ проснулся, насъ позвали, — и можете представить мое новое изумленіе, когда я увидѣлъ епископа Петра Петровича Нѣгуша въ такомъ же Черногорскомъ костюмѣ только съ бородой. Гигант. роста, красавецъ, молодой, онъ говоритъ по Русски, Французски, Нѣмецки, Итальянски, очень обходителенъ, уменъ въ разговорѣ, и съ нами очень милъ. Въ главной комнатѣ его билиардъ, по стѣнамъ ружья отнятыя у Турокъ и портреты — Николая, Наполеона, Георгія Чернаго и Байрона. Николая тутъ всѣ чудно любятъ, называя своимъ императоромъ. Обѣдали вмѣстѣ. Далѣе кофе и трубки. Спать. Гулять. Вечерній разговоръ. Опять спать.—Все шумитъ, поетъ, оканчиваетъ вчерашнее празднество. Черногорцы молодцы, и владыку любятъ, хоть онъ съ ними и не шутитъ. Петинь — монастырь, возлѣ него господарева куча (дворецъ), обведенный стѣною, и нѣсколько корчемъ, а въ томъ числѣ и гостинница съ прекрасною комнатою. Камня много — нигдѣ столько, зелени мало; но не жарко, не душно и свѣжо.

13-е. Катаро.

Мы просили владыку позволить намъ путешествовать по его владѣніямъ дня два-три; онъ, разумѣется, былъ согласенъ, но самъ же и отсовѣ-

товалъ. «Я не говорю уже о томъ, сказалъ онъ намъ, что вы вмѣсто хорошихъ ночлеговъ найдете только гостепріимство бѣдняка, душою любящаго Русскихъ, но тѣмъ не менѣе слишкомъ бѣднаго; я боюсь за ваше здоровье: пары Волота (Lago di Scutari, куда мы хотѣли идти), въ это время и сильны и вредны». Мы послушались его совѣта и рѣшились ѣхать изъ Черной горы вмѣстѣ съ нимъ въ Катаро, тѣмъ болѣе, что такое возвращеніе могло быть для насъ любопытнѣе и полезнѣе 10 дней одинокаго пути. Сегодня рано, часу въ 5-мъ стучать къ намъ въ двери. «Avanti» (= herein = войдите). Входитъ одинъ изъ перьяниковъ (гвардейцевъ), говоря, что господарь проситъ насъ. Мы одѣлись, пошли въ церковь (церковка) къ гробу Петра, оттуда къ владыкѣ, напились кофе, и на коней. Намъ, почитая насъ за трусовъ, дали лошаковъ (мезга). Петру Ив. лошакъ порвалъ вчера скрутку, и онъ пошелъ пѣшкомъ, а я сѣлъ и ѣхалъ половину дороги. Отъ самаго выѣзда начались выстрѣлы, и продолжались до Катаро, а гдѣ ѣхали мимо церкви начинался звонъ колоколовъ. Картина чудесная: колокола звонятъ, выстрѣлы гремятъ и по три, по четыре раза повторяются горами, караванъ вьется по тропинкѣ и шумитъ; встрѣчающіеся доверчиво глядятъ въ лице владыкѣ и привѣтствуютъ его поклономъ и поцѣлуемъ въ свою руку. И чуденъ караванъ: впереди перьяники пѣшкомъ, далѣе владыка, Австрійскій капитанъ Оремовичъ, одинъ изъ сердарей, братъ владыки, два или три изъ сенаторовъ, мы, кто на конѣ, кто на мулѣ, кто пѣшкомъ, нашъ проводникъ, слуги владыки, — странная смѣсь. Мезга моя отстала и мы съ Петромъ Ив. потеряли караванъ изъ виду, не доѣзжая до Нѣгушей. Какъ бѣжитъ Черногорецъ и говоритъ, что владыка ждетъ насъ у своего дома (онъ изъ этой деревни). Я соскочилъ и пошелъ пѣшкомъ вдвое скорѣе нежели ѣхалъ. Домъ порядочной, но устроенъ по мужицки, только больше и чище. Въ комнатѣ собралось все, подали кофе, потомъ окорокъ, баранины, вина. «Sans cégémonie!» сказалъ владыка намъ, и усадилъ около себя. Отца его мы видѣли въ Цетини (почтен. 80 лѣт. старикъ); а тутъ живетъ его мать и сестра. Мать здоровая, добрая, простая женщина, глядящая на сына какъ на солнце; мы адресовались къ ней съ привѣтствіемъ и по христіански облобызались. Завтракъ скоро кончился и мы далѣе. Я пошелъ пѣшкомъ, не отставая отъ владыки, и говоря съ нимъ о чемъ на умъ всходило — большою частію по французски. Такъ шло до границы. Тутъ сошли всѣ съ коней и муловъ и послѣ удалыхъ выстрѣловъ и криковъ пошли пѣшкомъ всѣ. Я сошелся съ однимъ изъ перьяниковъ, побратимился съ нимъ и отдался въ его волю, потому что безъ его помощи вѣрно упалъ бы не одинъ разъ. Взошедши на дорогу большую, владыка пересѣлъ на другого коня, котораго вели до сихъ поръ подъ уздцы, приказалъ мнѣ сѣсть на его перваго коня, и такимъ образомъ поѣхали мы къ городу. — Мы вошли на

минуто въ его квартиру, поблагодарили и отправились къ себѣ. — А теперь спать.

14-е.

Сегодня мы были опять у владыки, потомъ пошли съ нимъ и съ Чевкинѣмъ гулять на марину. Чѣмъ болѣе съ нимъ говоришь, тѣмъ болѣе удивляешься ему какъ человѣку и какъ правителю Черногорцевъ. Говоритъ хорошо, умно, съ чувствомъ, съ достоинствомъ и безъ натяжки, и во всѣхъ словахъ видна любовь къ народу такъ-же, какъ въ обращеніи Черногорская простота.

Видъ съ марины на Катаро чудесной: внизу городъ, надъ городомъ крѣпость, надъ крѣпостію Черныя горы—градъ Пустинь и Ловчинь, почти такъ:

Но и страшно жарко въ Катарѣ: 28° и духота. Одно утѣшеніе на маринѣ. Я только что воротился. Тамъ все живо. На баркахъ огни, море отсвѣчиваетъ огни съ противоположнаго берега, а надъ Катаромъ горы какъ тучи.

(Въ Катарѣ 2 православ. церкви: Николая—большая и Ду-

ки—маленькая. Церковь, построенная Душаномъ, сдѣлалась теперь главною Римскою.

15-е Новыи (Castelnuovo).

Наняли барку, простились съ владыкой, и поѣхали по Катарскому заливу. Заливъ очаровательный: вода какъ зеркало, по берегу предельныя деревеньки, окруженныя виноградомъ, фигами, гранатами, оливами, кипарисами, орѣхами, черешнями; надъ ними скалы, упирающіяся въ небо. Особенно прекрасно то мѣсто залива, гдѣ море сгузилось какъ рѣка, и которое называется Цѣпями (Вериги = Catene). Новыи лежитъ амфитеатромъ на горѣ и окруженъ развалинами крѣпости; а на возвышеніи горы новая крѣпость. Городокъ бѣдной. Солдатъ множество. Верстахъ въ 2-хъ отъ города тоже на берегу моря лежитъ Савинъ монастырь. Въ надеждѣ найти тамъ старыя рукописи мы отправились туда. Дорожка, ведущая въ монастырь, поразила насъ: камня по ней мало, съ обѣихъ сторонъ надъ нею деревья и кустарники садовъ и лѣса, и сквозь вѣтвей видишь море. Монастырь почти со всѣхъ сторонъ окру-

женъ тоже лѣсомъ и садами. Среди главнаго двора стоитъ большая церковь, точно большая, прекрасно сложенная изъ большихъ камней, внутри высланная мраморомъ, чистая и очень хорошо украшенная. Подлѣ нея стоитъ другая крошечная церковка, а на другомъ дворѣ вели, гдѣ та-же чистота, что и въ церкви, Игуменъ прекрасной старикъ. Остальныхъ монаховъ четыре. Мы ворочались вечеромъ и старались продлить прогулку.

17-е. Дубровникъ.

Въ Новомъ наняли мы верховыхъ лошадей и поѣхали въ Старой Дубровникъ. Пути—съ небольшимъ 6 часовъ. (Запложено за три лошади 5 фл. 40 кр.). Сначала ѣхали близъ берега моря, дорога обворожительная. Далѣе у Суторины пришли на границу Турецкую. Тутъ намъ дали гвардіяна и съ нимъ шли мы около часа по Турціи: населенія меньше, дорога гораздо хуже. Въ Дубровникъ Старый пришли мы въ концѣ 1-го. Жаръ былъ страшной. Переждавши его, мы сѣли на барку и поѣхали въ Дубровникъ. Пути съ хорошимъ вѣтромъ не болѣе 1-го часу.—Мы остановились въ Локандѣ al Varоге, лучшей. Намъ отвели 2 комнаты. Часу въ 11-мъ мы разошлись по постелямъ, и я скоро заснулъ. Вдругъ слышу кто то стучится въ дверь. «Кто тамъ?»—Отворите, Измаилъ Ивановичъ!» и вошелъ Петръ Ивановичъ со свѣчемъ: «Я тутъ боюсь, я спать не буду». Что такое? «Пойдемъ посмотримъ: моя комната полна блохъ, клоповъ, таракановъ, всякой дьявольщины, и я видѣлъ что-то черное, величиною въ палецъ, со множествомъ ногъ». Мы искали этого стонога, но не нашли, и Петръ Ивановичъ сѣлъ читать-писать, а я легъ на свою постель такъ, чтобы осталось мѣсто и Петру Ив. Словомъ это была ночь въ родѣ Нинской ночи. Сегодня съ утра стали хлопотать о квартирѣ, и долго ничего не удавалось. Наконецъ (въ кофейнѣ) подходитъ къ намъ одинъ человѣкъ (Будмани), и предлагаетъ у себя квартиру. Мы было думали, что за деньги, и спросили есть ли у него двѣ комнаты. «Хоть десять» отвѣчаетъ онъ. «Мое семейство теперь въ Кампаньи, и вы можете быть у меня полными хозяевами, лишь бы вамъ понравилось. Можетъ быть развѣ далеко: вонъ на взгорьи». Мы не могли не принять его предложенія,—и вотъ у него въ домѣ. Домикъ прелестной, чистой. Намъ даны всѣ удобства, а изъ оконъ видъ на городъ и море. Словомъ, лучше ничего быть для насъ не можетъ. Одно горе: безъ платы.

Но что за жара! Страшно! Я весь облитъ потомъ, хоть вотъ уже 10¹/₂ вечера.

У кофейни sotto pile есть площадь, урешая ивами и орѣхами, вѣчно въ тѣни. Сюда Дубровчане собираются гулять, пить кофе, ѣсть мороженное. Сегодня была и музыка. Владыка сегодня утромъ пріѣхалъ сюда, и мы тутъ съ нимъ видѣлись. На него все засматривается, и толпы ходятъ въ слѣдъ за нимъ. Мы слышали, какъ одинъ Австріецъ говорилъ «какъ можно позволить этимъ Черногорцамъ ходить тутъ по городу въ вооруженіи». Мнѣ хотѣлось спросить его, уже-ли и Австрійскій офицеръ могъ бы ходить безъ шпаги въ чужомъ государствѣ, какъ арестованный.

Стона (Stagno). 21-е.

Еще третьяго дня мы наняли мѣста на баркѣ (за 2 фл.), но до вчерашняго вечера вѣтеръ не выпускалъ насъ изъ Дубровника; наконецъ,—и выбравшись вчера въ 7-мъ вечера и ѣхавши цѣлую ночь, едва, едва доѣхали сюда въ 1 послѣ обѣда. Тутъ отдыхаемъ, и потомъ далѣе въ путь. Благодаря Бога, комната порядочная. До Сплѣта мы хотимъ по суку, а далѣе, на пароходъ, если только успѣемъ, чего не дай, Боже. Дубровникъ оставляетъ въ насъ по себѣ пріятное воспоминаніе: Адвокатъ Казначичъ (литераторъ) и православный священникъ отецъ Григорій Николаевичъ (тоже литераторъ) доставили намъ много пріятныхъ минутъ, а нашъ добрый хозяинъ Будманъ выше описанія. Консулъ Гагичъ насъ забылъ, но мы равно забыли о немъ. Стона дрянной городишка съ дрян. крѣпостью и съ крѣпостными стѣнами, возвышающимися надъ городомъ по горѣ, какъ и въ Котарѣ.

Трагетто изъ Наренты въ море. 23-е.

Трагетто—корабликъ длиною сажня 2¹/₂, шириною сажня 1¹/₂, идетъ на парусахъ и на веслахъ; внутри его ямка съ крышкой въ 1 квадр. сажень, гдѣ и дрова и бочки съ бивандой (вода съ виномъ), и наша поклажа, и мы, спасаясь отъ жара. Ѣдемъ по рѣкѣ Нарентѣ изъ Опузина (Fort Opuz) въ море, чтобы пробраться въ Макарскую. Вчера ночью, выѣхавши вечеромъ изъ Стона, спали мы на маленькой барочкѣ, гдѣ едва могли помѣститься на ночлегъ 6 человекъ (мы и 4 весельщика) у берега моря при устьи Наренты. Спать было тѣсно, но спалось хорошо; а просыпавшись, я видѣлъ на морѣ огни рыболововъ, ловящихъ сарделля (крошеч. рыбка въ родѣ сѣвдоковъ): огнями, разводимыми на лодкахъ, ихъ заманиваютъ, и огни эти всюду по морю, какъ иллюминація. Рано утромъ до солнца мы двинулись впередъ, и до 7-ми пріѣхали въ дрянной городишко Опузинъ, по рѣкѣ Нарентѣ или Нарентѣ. Тутъ природа другая: хоть скалистыя горы и видны кругомъ, но между

ними широкая равнина низкая и влажная, и по ней, опоясанная тростниками течет раз. рукавами рѣка Неретва. Климатъ тутъ ужасно нездоровой: лихорадки не перестаютъ, и больные въ каждомъ сѣмействѣ, разомъ по 2, по 3. Тутъ мы пили кофе, обѣдали, сѣли на трагетто и далѣе. Мы ѣдемъ на веслахъ; я лежу и пишу; комары жужжатъ и кусаютъ безопадно; тутъ ихъ пропасть. Мы было хотѣли по суку ѣхать, но намъ отсовѣтовали, сказавши, что и дологъ путь, и нѣтъ ночлеговъ; а ѣздить тутъ не дешево; вчера до Опузина— 5 флор.; а сегодня до Макарской— 6.

Макарска. 24-е.

Маленькій городокъ на берегу моря надъ стремнистой огромною горою Біоковомъ. Мы пріѣхали сюда часовъ въ 6, когда еще солнце выходящее тутъ изъ за горъ, не свѣтило, и все дышало хоть и самой умѣренной, но всетаки прохладой. Ночевали на баркѣ; капитанъ (начальникъ барки) послалъ намъ коверъ, сдѣлалъ пологъ, и если бы еще могъ утишить волненіе своей барки, то далъ бы намъ сонъ, какого въ Далмаціи мы не имѣли; впрочемъ и качанье (арки (вотъ такое X) не много намъ мѣшало, а въ просонкахъ можно было любоваться огнями рыбаковъ и фосфорич. блескомъ моря. Передъ сномъ же ужинъ нашъ состоялъ изъ нѣсколькихъ яицъ и стакана чаю съ виномъ. Я уже не говорю о чистомъ винѣ: мы привыкли къ нему какъ къ чистой водѣ и даже болѣе, потому что чистую воду почти не пьемъ, остерегаясь нечистой.— Тутъ изъ нашей комнаты мы видѣли между прочимъ такую сцену: мясникъ покупалъ козъ у мужика, и давалъ за 7—8 двугривенныхъ, а мужикъ и отдалъ, думая что ихъ у него только шесть; отсюда споръ, и мы совѣтовали мужику идти въ полицію (претуру) и оправдываться. Какой чудесный видъ изъ нашей комнаты: сѣрыя горы въ небѣ, много зелени по отлогостямъ, море; это надобно видѣть.

Омишь (Almissa). 25-е.

Ну и ночь была! Въ Макарской вчера наняли мы лодку, чтобы ѣхать сюда еще утромъ, но цѣлой день до вечера былъ маестраль. Вечеромъ рѣшились ѣхать. Подошли къ баркѣ: глядь на барочку: игрушечка, чтобы ѣздить по Лопани, а не по морю. Отѣхали нѣсколько, и барочники сами сказали, что надобно воротиться, что на этой барочкѣ ѣхать невозможно, что они имѣютъ другую большую. Воротились, пересѣли въ большую барку, легли на матрацъ подъ палубой, поѣхали и подъ качку заснули. Насъ было 5: старая баба, рулевой, парусной и насъ двое. Я спалъ долго и хорошо. Вдругъ слышу на палубѣ стукъ и строгій говоръ, чувствую, что барка качается такъ X, вижу воду заливающуюся подъ матрацъ; высовываю голову на палубу,— свѣтаетъ,

море страшно вздымается и пѣнится, а парусь надулся такъ, что вотъ порвется; спрашиваю—гдѣ мы? Еще на полпути (12 миль) у Врули. Тутъ вытекаетъ изъ горъ потокъ, и море «вретъ» т. е. бушуетъ почти всегда. Рулевой сказалъ мнѣ, чтобы я спойной легъ, что Архангелъ Михаилъ спасетъ насъ. Какое же мнѣ было лечь! Да и лежать развѣ крѣпко спящему, какъ Петръ Ивановичъ, было можно, когда приходилось стоять, лежа чуть не на головѣ. Я сѣлъ подъ мачтой, и думалъ о васъ, милая маменька! Это заставляло меня забывать качку, мало по малу забываться, такъ что я непримѣтно заснулъ. Проснувшись въ другой разъ, я уже слышалъ отъ матросовъ нашихъ благодарность Михаилу: вѣтеръ шумѣлъ, море волновалось, барка качалась, но неслась,—и мы скоро увидѣли Динаръ—планину подъ которой стоитъ Омишь. Приѣхавши часовъ въ 5 утра, сюда отправились въ кофейню, свели тутъ знакомство съ какими то горожанами, спросили объ Иллирскомъ семинаріумѣ и переправились черезъ Цетинь туда. Мѣсто, на которомъ стоитъ Омишь, очаровательное диво: горы спускаются къ городу почти перпендикулярно, а между ними мчатся Цетинь. Семинаріи остался только при названіи: въ немъ живетъ одинъ старикъ (88 лѣтъ)—учитель, а прежде было учениковъ болѣе 50, которые учились по Иллирски. Старикъ привязанъ къ Русскимъ, и, чуть только мы пришли къ нему, какъ явился и шпионъ слушать, что мы будемъ говорить. Смѣшно! Но старикъ имѣетъ многое, касающееся до республики Польши, и намъ работа. Остаемся тутъ на нѣсколько дней.

28-е. Сплѣтъ.

Вотъ и опять Сплѣтъ, и мѣста на пароходѣ нами уже взяты. Третьяго дни, оставивши Петра Ивановича за писаньемъ, ѣздилъ я вверхъ по р. Цетини къ водопаду Губавицѣ. Дорога идетъ два часа по берегу рѣки подъ скалами самой разнообразной формы, и всетаки перпендикулярными. Въ иныхъ мѣстахъ около рѣки расширяются луга, въ другихъ—рѣка сужается между скалами, такъ что едва остается мѣсто для искусственной тропинки. Другіе два часа ѣдешь (не иначе какъ верхомъ), не видя ни рѣки, ни мѣста, гдѣ она течетъ: по берегу рѣки дорожка тутъ и не могла быть проложена. Такъ ѣхалъ я до Задварья, и у него долженъ былъ подняться на большую гору, на которой остаются доселѣ крѣпкія развалины старой Турецкой крѣпости. Отъ маленькой этой деревеньки Задварья до того мѣста, съ котораго смотреть на водопадъ (въ част. саду) шаговъ сто. Рѣка течетъ тутъ глубоко между прорытыми ею скалами, и потомъ вдругъ бросается еще больше въ глубь саженъ на 20 большимъ клубомъ воды, которая, еще не достигнувъ низу, разбивается въ пыль, и эта пыль какъ дымъ пожара поднимается опять вверхъ (передъ

бурею за день дымъ этотъ такъ великъ, что и изъ Задраря кажется дымомъ пожара, такъ высоко поднимается). Зимой водопадъ вдвое полнѣе и блеститъ всѣми цвѣтами. Я зналъ, что сходить внизъ къ рѣкѣ трудно, но побывавши на Черной горѣ, рѣшился, и не раскаявался. Очень пріятно было подышать свѣжимъ воздухомъ и прохладой. Назадъ ѣхалъ я медленно, чтобы подолѣе насладиться видами, и пріѣхалъ поздно вечеромъ, когда Петръ Ивановичъ начиналъ уже бояться за меня, куда я дѣвался. Слѣдующій день пробыли въ Омишѣ, а потомъ черезъ Польци въ Сплѣтъ, простившись съ добрымъ старикомъ (Кружичевичемъ), какъ съ роднымъ дядей.

31-е. Пароходъ Митровскій изъ Задра въ Рѣку.

Третьяго дня въ 11 часовъ утра выѣхали изъ Сплѣта и пріѣхали въ Шебеникъ въ 4 часа послѣ обѣда. Въ Шебеникѣ застали принца Моденскаго, а на площади множество простаго народа, пляшущаго коло и поскочницу, чтобы принца познакомить съ обычаями страны. На другой день въ 10 часовъ хотѣли было двинуться, но недоставало машиниста и двухъ пассажировъ, ѣздившихъ на Скардонскій водопадъ, о которомъ я уже писалъ вамъ; двинулись въ 11 и пріѣхали опять въ 4; сегодня вышли въ путь въ 6 утра изъ Задра и ѣдемъ въ Рѣку. Общество наше непрерывно уменьшается; въ Задрѣ остались многіе. Солдаты нѣтъ. Чевкинъ тоже ѣдетъ съ нами до Рѣки и далѣе въ Триестъ, чтобы оттуда въ Вѣну.— ѣдемъ теперь мимо Паго, прощай Далмація!

31-е. Рѣка.

И мы въ Рѣкѣ. Пріѣхали въ 5 часовъ. Петръ Ив. легъ: ему немного дурно, а мнѣ безъ него тоже не хочется выходить.

Съ нетерпѣніемъ жду времени, когда пріѣду въ Загребъ: тамъ наконецъ надѣюсь получить ваши письма. Продолжайте писать туда. Цѣлую ручку вашу и брата. Вашъ Измаилуха.

LIV.

№ 45.

Рѣка. 1841. Августа 4.

Вотъ и Августъ! Если не получу позволенія остаться, то скоро и въ Россію, скоро и къ вамъ, милая маменька. Все къ лучшему. Хотѣлось бы познакомиться со Сръмомъ, Сербіей, Галиціей, Венгріей, Польшей; но хочется и къ вамъ. Какъ сдѣлается, такъ и будетъ хорошо.

Теперь мы опять въ Рѣкѣ; вотъ уже четыре дня Петръ Ив. захворалъ,

и сегодня только въ первой разъ выходилъ; а я между тѣмъ занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ собраннаго на пути. Дѣла всегда много. Матеріалы на примѣръ для 3-го отчета приготовлены еще въ Триестѣ, на пути думалъ переписать и послать, да не удалось, ни здѣсь не удастся.

Сегодня вечеромъ ходилъ я со здѣшнимъ правосл. попомъ на гору Трсать. На ней развалины стараго замка, принадлежавшаго графамъ Франгипанамъ, и монастырь. Въ монастырѣ образъ Божіей Матери чудотворной, писанный ай-бы евангел. Лукою; а прежде былъ тутъ тотъ образъ, который теперь въ Лоретто. Моряки очень уважаютъ Трсатскую икону: въ церкви виситъ множество вѣнцовъ, принесенныхъ отъ кораблей, спущенныхъ въ море, и также много картинокъ, съ изображеніемъ кораблекрушеній, гдѣ Трсатская Божія Матерь являлась спасительницей. Человѣкъ мирно живущій на мелководьи сухопутной жизни можетъ сдѣлаться равнодушнымъ ко всему, что выходитъ изъ круга его всепонятной жизни; но тамъ, гдѣ онъ подъ властію природы, въ глубинѣ ли рудника или надъ глубиною моря, гдѣ передъ ея силою ежеминутно видитъ онъ свою слабость, тамъ религіозное чувство необходимо, и переливается съ кровію по жиламъ. Услышишь отъ моряка, борющагося съ волнами и вѣтромъ, какъ онъ благочестиво скажетъ: «Богородица, помоги намъ!»—и невольно вострепещешь. Вотъ почему я не могу смотрѣть безъ чувства и на эти вѣнцы, принесенные моряками: это вѣнцы надежды на Провидѣніе.—Трсать производитъ и хорошее вино; мы спросили бутылку, попробовали, и бросили: хорошее выпито, а дурное всюду можно достать. Бутылка стояла 10 копеекъ мѣди; вотъ если бы можно было достать по 15 к. было бы хорошо. На Трсать входишь по сходцамъ въ 411 ступеней, очень хорошо сдѣланнымъ изъ камня съ очень частыми передышками.

Мрзлаводица 6-е Августа на 5-й милѣ отъ Рѣки въ Карловацъ.

Четыре мили съ половиной (32 версты) поднимались мы на гору, и поднялись на 2936 футовъ=419 сажень, но за то и поднимались семь часовъ. Море съ островами и Истріей то показывалось, то скрывалось. Стали спускаться, оно скрылось. Прощай море! Три мѣсяца я былъ на берегахъ его, случалось и боялся его, чаще любовался, и теперь мнѣ жаль его, жаль. Будетъ можетъ быть, время, что пожалѣемъ и о Далмаціи, какъ ужъ жалѣли о Венеціи. Жить тамъ, быть тамъ долго—другое дѣло, наскучить; но еще разъ взглянуть, повторить впечатлѣнія, очень-бы хотѣлось. Теперь мы ѣдемъ въ Загребъ,—и оттуда—Богъ знаетъ еще какъ случится. Наняли коляску до Карловца за 22 флорина=50 руб. 76 коп. Ызды два дни. Дорого, но все дешевле, нежели въ Далмаціи.

8-е Авгус. Карловацъ.

Вчера часу въ 10-мъ мы своротили съ большой дороги вправо, съ горы, въ рѣчку Добрай Водѣ, и черезъ $\frac{3}{4}$ часа приѣхали въ монастырь Гомиръ ю. Маленькій древній монастырикъ полуразрушенный и теперь опять мало по малу обстраиваемый. Игуменъ Севастьянъ Ювичъ зналъ о нашемъ путешествіи по Далмаціи изъ журналовъ, и очень обрадовался нашему приѣзду. Къ часу былъ готовъ обѣдъ, сытный и прекрасный, а въ концѣ обѣда пили за здравіе, и монахи пѣли «многая лѣта», и колокола звонили. Монаховъ на лице 4 чело-вѣка, да есть еще нѣсколько по сосѣд. приходамъ священниками. Игуменъ самъ образованной чело-вѣкъ, любитель построекъ, и всякой годъ что-нибудь да и постройтъ. Монастырь лежитъ невидимо между холмами, и ни видовъ около себя, ни вида на себя не имѣетъ. Въ четыре выѣхали мы, и вечеромъ приѣхали въ Северинъ, на Кулпѣ, на границѣ Краины. Переждавши тутъ часа три-четыре, сѣли опять и поѣхали на цѣлую ночь. Какая разница между ночами приморскими и здѣшними: тутъ ночи прохладны такъ, что мы надѣли на себя шинели, и даже призаѣхались.—Въ Карловацъ приѣхали въ 6-мъ часу. Обѣдали у адв. Вахановича. Съ нимъ же, можетъ быть, проведемъ и вечеръ. Завтра надѣмся быть въ Загребѣ,—и я, наконецъ, долженъ получить отъ васъ вѣсточку. Такъ долго я еще никогда не ждалъ.

10-е. Загребъ.

И слава Богу получилъ—хоть и одно, но и то хорошо. Знаю по край-ней мѣрѣ, что вы здоровы, что вы въ Харьковѣ. Не знаю только, что будетъ со мною. Душевно благодарю Федора Леонтьевича ¹⁾ и не менѣе того князя Цертелева ²⁾; но тутъ еще не конецъ: что скажетъ еще министр и что царь. И ужъ бы такъ или не такъ, да знать; на мое письмо къ помощнику секретаря Вѣнскаго посольства онъ отвѣчалъ мнѣ, что еще ничего въ посоль-ствѣ нѣтъ обо мнѣ. Это меня ставитъ въ затруднительное положеніе; самъ не знаю, какъ и что дѣлать.

16-е.

Сегодня было въ театрѣ чудное представленіе; давали «Осаду Сигета». Дѣйствующія лица Хорваты, которыми начальствуетъ графъ Зринскій, и Турки съ султаномъ Солиманомъ. Хорваты говорили всѣ по Хорватски, а Турки—вы подумаете, по Турецки?—нѣтъ, по Нѣмецки. Тутъ еще не все. Представленіе было въ пользу одного Нѣмецкаго актера Шмидта, штокъ-Нѣмца, не знаю-

¹⁾ Тюринъ, инспекторъ казенныхъ училищъ въ Харьковѣ.

²⁾ Помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

щаго никакого языка кромѣ Нѣмецкаго,—и онъ штокъ-Нѣмецъ игралъ Зрянскаго—подумаете по Нѣмцки? Нѣтъ. Какъ не придумать Нѣмцу, что только Нѣмецъ придумать можетъ! Онъ рѣшилъ дать свою ролю по Хорватски, и, рѣшившись, сдѣлалъ, на что рѣшился. Цѣлой мѣсяцъ онъ училъ свою Хорватскую ролю, ни мало не понимая Хорватскаго языка, выучилъ—и игралъ. Выговоръ, само собою разумѣется былъ жестокой: *n* и *b*, *ж* и *ш*, *з* и *с* и такъ далѣе мѣшались, иногда и понять было трудно, что говорилъ, но высказалъ все, что слѣдовало по ролю. Не истинно-ли Нѣмецкое терпѣніе! Публика, не ожидая ничего, и тѣмъ была довольна, и осыпала его рукоплесканіями.

17-е.

Сегодня я перечитывалъ ваше письмо и отъ Амвросія Лукіановича ¹⁾. И мнѣ стало грустно. Есть, конечно, люди, которые, должая постепенно другимъ, становятся имъ несносны: естественно; но уже-ли и я изъ такихъ людей? Никогда я не воображалъ, что мой доброй, мой всегда милой Амвросій Лукіановичъ измѣнится прежде нежели я къ нему. Я и теперь этому не вѣрю, не хочу вѣрить; но всетаки грустно. Амвросій Лукіановичъ! Вспомните наше знакомство отъ перваго дни свиданія до послѣдняго, подалъ ли я поводъ къ тому, чтобы вы меня могли считать подло-расчетливымъ относительно денегъ, и способнымъ вводить васъ въ издержки, вамъ не принадлежащія? По моему такія дѣла суть дѣла чести: безопасности я тутъ не понимаю, а забывчивость можетъ простираться только до того градуса, гдѣ начинается занятая сумма быть важною болѣе или менѣе для того, у кого занято. Не надѣясь на свою память, я напоминалъ маменькѣ, что взялъ у того или другаго гривенникъ на извозчика; но тутъ и все. Впрочемъ баста! Одного прошу у тебя, мой дорогой Амвросій: будь веселѣе, гляди равнодушиѣе на дѣла свѣта, и—«оди по свиѣту, као 'чела по цвиѣту»—любуйся и собирай по немножку. И веселѣе! Ты когда-то жилъ такъ весело самъ въ себѣ! Маменьку мою прошу не забывать.

18-е.

Исторія, которую хочу вамъ рассказать, началась третьяго дни. Приходить въ нашу комнату кѣлнеръ (подхозяинъ гостинницы) и говорить, что мы должны исвать гостинницу другую, что эта комната уже прежде нанята. «Я объ этомъ ничего не знаю», говорю я, «и останусь, сколько мнѣ угодно».—Вчера приходитъ онъ опять, приходитъ нѣсколько разъ, наконецъ даже съ рехнугомъ, т. е. съ запиской о томъ, что мы платимъ, какъ это обыкновенно

¹⁾ Метлицкій.

дѣлается при выѣздѣ. Я рву рехнунгъ, и говорю, что не знаю ничего о ихнихъ прежнихъ условіяхъ, и знать не хочу. Сегодня опять; но уже съ покорнѣйшею просьбою отъ хозяина, говоря, что онъ даетъ намъ другую комнату, и что только на три, четыре дни. «Очень хорошо!» Я хотѣлъ идти къ Зденчаку (о которомъ вамъ прежде писалъ), и, пришедши, распорядиться. Прихожу: мой Петръ Ивановичъ уже переселился, и, не зная ничего (онъ притомъ нездоровъ лихорадкой), перешелъ въ первую комнату, которую ему указали. Комната треугольная, и одна изъ кроватей стоитъ такъ, что могла бы сбить съ ногъ и не въ потьмахъ. Нечего было дѣлать; надобно искать квартиры. Искали, искали, — нѣтъ. Тутъ наступаетъ ярмарка, и все что было для найма или обѣщано или безъ мебели. Раковцу ¹⁾, съ которымъ я ходилъ, приходитъ на мысль, что въ Кригеровомъ саду есть цѣлой домъ пустой; идетъ туда — и отдають. Я обѣдалъ у Зденчая; потомъ пошелъ къ Кригеровымъ, оттуда въ ихъ садъ, все съ Раковцемъ, устроили съ хозяйкой комнаты; далѣе за Прейсомъ и вещами, — перевезли ихъ и Прейса. Приходимъ назадъ, а тутъ насъ уже ждутъ дѣвушки (дочери Кригера), и тоже ованчиваютъ устроеніе нашихъ комнатъ. — Наконецъ, слава Богу, мы покойны. Только бѣдный Петръ Ивановичъ нездоровъ: черезъ день лихорадка. Меня хранитъ Богъ: вчера богъ болѣлъ, но не надолго; иногда болить голова, и то мало. — А Петръ Ивановичъ уже нѣсколько разъ хворалъ! ²⁾

21-е.

Сегодня въ Загребѣ ярмарка — вапшаръ, саямъ — и для горожанъ, и для селянъ. На площади передъ Иллирской народной кофейней рядами разставлены палатки, и въ нихъ продають въ одномъ ряду бронзу и мѣдь, жен[скія] и мужскія готовыя платья, шляпы, шляпки и чепчики, посуду, въ другихъ народныхъ платьяхъ, кожи, узды, ремни и т. д. На другой площади, — новой — толпы народа — и главной торгъ лошадьми, коровами и пр. Послѣ обѣда былъ Иллирскій театръ подъ открытымъ небомъ. Потомъ пошелъ я съ Вразомъ на народную площадь. Народъ въ колибахъ — палаткахъ, пьетъ вино, ѣстъ пржюлицу — печеное на огнѣ мясо, — пляшетъ и поетъ; передъ палатками на огнѣ печется мясо; кое-гдѣ продають рыбу, сыръ. Танцуютъ больше всего по-скочицу: молодець съ молодець другъ передъ другомъ поскакиваютъ, перебирая ногами, потомъ кружатся взявшись за руки на одну и на другую сторону, и

¹⁾ Раковецъ — Хорватскій писатель, поэтъ и народный дѣатель; былъ выдающимся со-трудникомъ Галя (ум. въ 1854 г. на 41-омъ г. жизни).

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ наклеены образчики народныхъ Иллирскихъ облатокъ при нихъ слѣд. приписка И. И. С.—го: Это образчики народныхъ Иллирскихъ облатокъ, недавно вышедшихъ. Амвросій Лукіановичъ хочетъ вамъ ихъ перевести по русски.

опять принимаются прыгать. Въ двухъ изъ колебъ я нашелъ транспаранты, на которыхъ нарисованы бочка и винопродавцы. На одной изъ нихъ надпись:

Schenkt mir Eure Huld noch diesen Markt.

Sonst bleib'ich ein armer Theufel mein Lebelang.

На другомъ:

Bog žive!

Sanctus Paulus war ein Medicus,

Er sprach zu dem Thimotheus,

Um deines schwachen Magenswillen,

Must du den Durst mit Weinbrau stillen,

Drum freunde kehren bei mir ein,

Bei mir bekömt man guten Wein.

28 Августа.

На этикъ дняхъ я ѣздилъ изъ Загреба, и стоить сказать вамъ, душенька маменька, хоть нѣсколько словъ о томъ, гдѣ я былъ. — Однажды за обѣдомъ я получилъ билетъ пригласительный, на которомъ написано: «Mirko Franjo Šandor (и пр.) uzima si čest na dan 25. Kolovoza kao na godovni dan gosp. Dra Ljudevita Gaja k prijateljskomu ručku i narodnoj zabavi na imanje svoj Psarjevo preuljudno pozvati», т. е. Шандоръ имѣетъ честь звать на 25 Августа, какъ на день ангела Г. Д. Людевита Гаја къ пріятельскому обѣду и народному увеселенію въ свое имѣнье Псарево. — Съ Шандоромъ я еще не былъ знакомъ, познакомился позже, общалъ быть, и вмѣстѣ съ Раковцемъ поѣхалъ 25-го, часовъ въ 9-ть. Псарево отъ Загреба въ 4 часахъ. Не смотря на дождливую погоду, гости собирались прилежно, и домикъ помѣщика, недавно обдѣланной, наполнился гостями. Мы и Гај пріѣхали позже другихъ, и Гај встрѣтили выстрѣлами еще версты за три до дома. Обѣдъ долженъ былъ быть на чистомъ воздухѣ, но на всякій случай приготовлена была пивница (погребъ винной) вмѣсто залы. Погода заставила расположиться обѣдомъ тамъ. Пивница была впрочемъ убрана такъ, что ее трудно было не счесть залой: стѣны и сводъ выбѣлены, по стѣнамъ транспаранты и шкалики. Надъ главнымъ мѣстомъ висѣлъ портретъ Гаја, украшенный цвѣтами. Подъ нимъ сидѣлъ Гај, съ одной стороны хозяйка, съ другой жена Штаудуара (мать вамъ знакомой душечки Габріелы), подлѣ нея я, за мною Вразъ и т. д. Я сѣлъ, снялъ салфетку, и вижу подъ приборомъ печатанные стихи въ честь Гаю: тоже нашелъ и всякій, и самъ Гај. Послѣ супа хозяйка попросила гостей (ясъ было 48) налить вино въ стаканы, — и пить за здоровье того, «чье имя въ сегодняшний день не для чего повторять». Все закричало «Богъ да живи Людевита Гај!» и стали пѣть стихи которые начинаются такъ:

Ljudevite! Ti si blago za nás pèrvi žértvovao,
Pèrvi sve, što ikad drago tebi biaše, rodu dao.

(Людевить! Ты первый пожертвовалъ за насъ своимъ имуществомъ, ты первой, все, что было тебѣ дорого, отдалъ своей родинѣ). Пѣло все, Гай чуть не плакалъ. За вторымъ блюдомъ былъ тостъ за всѣхъ Славянъ—Илировъ, Русовъ, Чеховъ, Поляковъ,—и запѣли пѣсню, въ которой стоитъ между прочимъ: «Богъ да живи сви Славяне!» Тутъ и у меня слеза канула: пѣли сложно, а напѣвъ простъ и величественъ. За каждымъ кушаньемъ шли тосты безъ конца, и послѣ обѣда продолжались опять безъ конца. Хозяинъ еще въ началѣ обѣда, по старому Хорватскому обычаю, передалъ право управленія тостами и всѣмъ одному изъ гостей (такой называется кучегавда), Смедрѣвцу, человѣку истинно для этого созданному, которой искусно и выбираетъ тосты, и назначалъ чиновниковъ стола (пѣвчихъ изъ тѣхъ, кто худо поетъ, толстыхъ сватовъ изъ худощавыхъ, церемониймейстеровъ изъ неловкихъ, и пр. и пр.), и заставлялъ смѣяться, и пить. Послѣ стола все пошло съ мѣсто, веселое, можно сказать, счастливое, и въ эти минуты радости пошли побратимства. Это старейшій обычай, дающій обязанность говорить побратавшимся ты, съ посестримами цѣловаться въ губы, а не по Нѣмецки, и т. д. Съ кѣмъ я побратимился я и счету не веду: не знаю какъ и разговоръ начинать — съ ты или съ вы. Между прочимъ съ Гаемъ, съ графиней Чачковичъ, и прежде всего съ моей милой сосѣдкой, Драгоилой Степановной. Прекрасно; но мнѣ все какъ-то совѣстно говорить моимъ посестрима ты, и еще подставлять свои губы. Дождь между тѣмъ лилъ ливнемъ, и всѣмъ надобно было оставаться въ Цсаревѣ. Пошла возня съ сѣномъ: всѣ комнаты обратились въ одну постель. Только дамы да Гай имѣли отдѣльныя кровати. На другой день Драгоила Степановна рассказывала мнѣ съ хохотомъ, какъ она въ этомъ владѣнцѣ искала, вставши рано, своего мужа: подойдетъ къ одному, тронетъ ногой, спроситъ: «Вѣкславъ, это ты?» Отвѣтъ: «нѣтъ!»—и къ другому, и къ третьему, и насылушла.—На другой день, по обѣщанію, я и Вразъ сѣли въ одну коляску съ нашими посестримами, и поѣхали прежде въ Омиле пить кофе,—а потомъ, пересѣвши въ возъ, запряженный двумя лошадьми и двумя волами, съ Драгоилой Степановной, Вразомъ и душечкой Габріелой, въ Быстрицу, тоже вамъ знакомую, къ аббату. Аббатъ обрадовался, увидя меня,—и я опять былъ чуть какъ не дома. Я нашелъ между прочимъ тамъ голуба, которому дали имя Изаиала. Сестра моей посестримы, Паулина, подарившая мнѣ шапочку, теперь въ Вѣнѣ у родныхъ: это ее выдумка.—Вчера мы разстались—со слезами: я цѣловалъ Габріелицу въ глаза, и глоталъ ее слезы. Это ангелъ, а не дитя, моя Габріелица.

15-е Сентября.

Около 10-го я уже хотѣлъ выѣзжать изъ Загреба, какъ получается вѣсть, что сюда ѣдетъ Колларъ по пути въ Италію. Надобно было остаться. Онъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ 12-го рано. Превосходной человекъ, фанатикъ въ любви къ Славянству, и кротокъ, простъ въ обхожденіи какъ послушное дитя. Увидя его, нельзя не полюбить. Теперь начинается исторія: Гая не было когда онъ пріѣхалъ. 14-го назначили здѣшніе литераторы обѣдъ, а 13-го вечеромъ молодые люди хотѣли ему пропѣть серенаду. 13-го вечеромъ пріѣзжаетъ Гай, узнаетъ о серенадѣ, и запрещаетъ, потому-де, что онъ протестантъ, и каноники католическіе осердятся. Молодежь осердилась, но серенады не было. Какъ это горько было намъ съ Прейсомъ, можете посудить. Мы не спали долго, и нашли на мысль, что на обѣдъ намъ идти не слѣдуетъ: 1) чтобъ показать Гаю, что мы это замѣтили; 2) Колларъ могъ имѣть непріятность открытую на обѣдѣ,—и мы не могли ручиться за себя и свое хладнокровіе, 3) и притомъ мы вспомнили, что мы въ Венгріи, гдѣ Русскихъ Мадьяры ненавидятъ, и могутъ наше присутствіе перетолковать далеко не въ нашу пользу. Вчера былъ обѣдъ,—и все было хорошо. Пито было и за наше здоровье, и Гай объяснилъ публикѣ, что мы больны. Колларъ сегодня пришелъ къ намъ рано, и удивился, что мы здоровы. Чтобы не огорчить его мы скрыли первую причину и вторую. Во время обѣда имѣли тихую перестрѣлку съ Гаемъ: онъ сдѣлалъ все изъ эгоизма, и отлыгался дѣтски. За насъ всѣ, появившіе дѣло. Какъ жаль, что Гай, такъ хорошо возбуждившій Кроацію къ литературному соединенію съ другими единоплеменными Славянами, вовсе не то, чѣмъ я себя представлялъ его: ищетъ только своего прославленія, и въ своемъ эгоизмѣ забываетъ нравственность. Дома расскажу подробно всѣ эти дѣла.

Сегодня послѣ обѣда мы гуляли около Загреба съ дамами очень милыми; а вечеромъ были въ театрѣ. Колларъ тоже былъ, и, кажется, начинаетъ понимать Гаю.—Можетъ быть завтра ѣду изъ Загреба.—Цѣлую ручку вашу. И. С.

LVI.

№ 46.

Градишка. 18-е Сент. 1841.

Третьяго дни послѣ обѣда я выѣхалъ изъ Загреба. Прейсъ и Вразъ съ Раковцемъ провожали меня до Максимира (епископскій садъ-лѣсъ въ $\frac{1}{4}$ часа отъ Загреба),—и потомъ оставили одного. Послѣ 5 мѣсячной привычки быть не однимъ на пути, одиночество не можетъ быть пріятно,—и мнѣ взгрустнулось. Мы же съ Прейсомъ жили истинно пріятельски, и, кажется, вовсе не

потому что онъ принужденъ былъ задолжать мнѣ 280 гульденовъ, слѣд. болѣе 600 руб.; также мы жили съ нимъ и въ Прагѣ, безъ обязательства другъ другу. Притомъ мнѣ жаль было разставаться и съ Загребомъ, и съ Крoаціей вообще: въ Загребѣ я оставилъ не только побратима, но и истиннаго друга—Враза, а въ Загорья—трехъ милыхъ посестримъ, и душечку Габріелицу, и многихъ, кого не могу не любить. Вся прошедшая дѣйствительность сдѣлалась мечтою воспоминанія: по неволѣ взгрустнется.—Вчера вечеромъ я выѣхалъ въ Славонію, и сегодня около полудня пріѣхалъ въ Градишку, глав. городокъ Градишкаго пограничнаго полка въ Славонской Военной границѣ. (За путь въ телѣжкѣ заплатилъ 14 гульд. серб.). Въ отвѣтъ на визитную карточку пришелъ ко мнѣ капелланъ Петекъ, молодой домородецъ, послѣ пришелъ отставной капитанъ 60 лѣтъ изъ православныхъ,—и послѣ обѣда мы отправились гулять. По городку нечего было ходить долго: во всемъ не болѣе 300 домовъ. Улицы широки и ровны; въ серединѣ очень большая площадь, покрытая зеленью, и съ одной стороны ее ходникъ—аллея для гулянья. Церквей три: одна наша, двѣ римскія, изъ которыхъ одна сгорѣла. Зелени и въ городѣ, и около множество. Да и вся Славонія въ зелени: нѣтъ домика не подъ тѣнью липъ, тополей, яворовъ, и безъ садовъ сливовыхъ и яблочныхъ; а гдѣ отлогость, тамъ и виноградъ.—Мы пошли далѣе въ Капистранскій Францисканскій монастырь, минутахъ въ 10 отъ города. Тамъ около насъ въ трапезѣ (refectorium) собрались четыре монаха, между ними и игуменъ (guardianus)—и давай меня разспрашивать. Но у старика капитана была совсѣмъ другая мысль. Увидя черный хлѣбъ, онъ поднялся съ вопросомъ: «И у васъ лучшаго нѣтъ?»—«А, есть!» отвѣчали ему.—«Да принесите хоть воды!»—Принесли хлѣбъ, пошли за водой, а капитанъ продолжалъ: «Ну а вотъ господинъ Русскій профессоръ искалъ по цѣлому городу гроздья. Что, г. гвардіанъ, вашихъ виноградовъ не побилъ градъ?»—«А, есть гроздья вдоволь». —«Нука на столъ, святой отецъ,—вотъ г. профессору; да и я не прочь». Гвардіанъ пошелъ за виноградомъ, а между тѣмъ принесли вино. Гвардіанъ воротился съ корзинкой, наполненной прекрасными грушами, предлагая попробовать ихъ, пока нарвутъ винограду; а у капитана было уже готово слово: «Знаете, святой отецъ, ваше вино что-то водянисто; въ прежнее время бывало святые отцы только захожимъ нищимъ давали такое вино.»—«Есть и лучшее.»—Гвардіанъ далъ ключъ отъ пивницы, что бы принесли стараго краснаго.—Пришло и старое красное; принесли и кошикъ съ гроздіемъ,—и мы давай уплетать; а капитанъ, уплетая, приговаривать: «То-то всюду, и съ святыми отцами, нужна ловкость. А? ниже ли истина, свети отче?»—Словомъ заглянуть въ бібліотеку было послѣднимъ дѣломъ; впрочемъ, тамъ не нашлось ничего добраго для меня. Рефекторіумъ понравился мнѣ болѣе: такое общество, какъ

было наше, подъ старыми сводами, освѣщенными свѣтомъ изъ оконъ, обросшихъ виноградомъ, мнѣ все представляется сценой изъ романа.—Впрочемъ я лягу: отъ дороги я усталъ, а завтра опять въ путь, и я не знаю еще, какъ случится спать.

21-е. Бродъ.

Эти дни я былъ не одинъ,—я теперь опять одинъ. 19-го я и Петекъ поѣхали по пути въ Бродъ черезъ Пожегу. Въ Капистранскій монастырь заѣхали обѣдать; а на вечеръ пріѣхали въ селеніе Брестоваць (въ провинц. Славонія) къ приход. священнику Фергичу. Его застали мы записывающимъ народныя пѣсни и кругомъ его толпу дѣвушекъ. Мы обрадовались его доброму дѣлу, онъ обрадовался намъ,—и вечеръ провели прекрасно. Между прочимъ дѣвушки пѣли пѣсни, танцовали коло. На другое утро послѣ завтрака рано поѣхали въ Пожегу, гдѣ Фергичу хотѣлось познакомить меня съ д-ромъ Павичемъ ¹⁾. Пожега—маленькій городокъ на Пожежскомъ полѣ—стоитъ, прислонившись къ холмамъ, покрытымъ лѣсами и виноградомъ. Славонія—словно обѣтованная земля: все въ зелени, въ плодахъ,—и мирись (благовоніе) слѣдитъ за вами по дорогѣ. Въ одиннадцатомъ утра мы простились съ Павичемъ и Фергичемъ, осмотрѣвши прежде Орфанотрофіумъ и монастырь,—и поѣхали въ Бродъ. Ѣхали весело, а между тѣмъ дождь лилъ да лилъ, и вымочилъ насъ порядочно, не позволяя намъ притомъ и ѣхать скоро. Только въ 9 вечера пріѣхали мы въ Бродъ. Сегодня рано ходили мы въ монастырь, въ крѣпость и по городку. Городокъ маленькой и весь деревянной. Крѣпость тоже очень небольшая рядомъ съ нимъ. Оба на берегу Савы. По ту сторону Савы—Турція. По берегу ходять сторожевые солдаты. Три раза въ недѣлю (понед., среда и пятница) бывають скелы, т. е. базары для подданныхъ Турецкихъ съ Австрійскими. По рѣкѣ довольно барокъ и плавающихъ мельницъ. Лазаретъ = 21 день.—Далѣе пошли мы къ купцу Берличу, извѣстному своей Иллирской грамматикой ²⁾. Онъ приготовляетъ ее къ новому изданію, имѣетъ хорошее собраніе книгъ, а торгуетъ всѣмъ—и книгами, и желѣзомъ, и бумагой, и полотномъ, и мыломъ, и всѣмъ. Довольно образованной человекъ. Его бібліотека и кабинетъ занимаютъ уголокъ въ его лавкѣ, отдѣленный отъ лавки стеклянною дверью; ждя покупщика, онъ читаетъ или пишетъ; а придетъ покупатель, онъ выбѣжитъ изъ уголка, продастъ, и потомъ опять въ свой уголокъ. Естественно, что отъ такого купца запросовъ ждать нельзя; цѣна опредѣлена, и всѣ къ ней привыкли, торговаться ему ни охоты, ни времени нѣтъ.

¹⁾ Армиръ Павичъ—авторъ «Исторіи дубровницкой драмы», «Народныхъ пѣсень о Коссовской битвѣ 1389 г.» и др.

²⁾ Игнатій Берличъ (род. 1795, ум. 1855).

22-е.

Сегодня утромъ я ходилъ на скелу. Такъ называется базаръ между Турками и Граникарами. Турки привозятъ черезъ Саву кожи, медъ, коровъ и т. д. Мѣсто скелы загорожено оградой такъ, что Турокъ съ Граничаромъ говорить могутъ, но руки подать другъ другу не могутъ, потому что рѣшетка двойная. Деньги и товары переходятъ съ одной стороны на другую помощью чиновника, и товары продаваемые Турками, переходятъ черезъ чистилище, а деньги не иначе какъ выкупавшись въ укусъ. Все это ради чумы. Теперь карантинное время 10 дней, а недавно, за нѣсколько дней было 21 день; бываетъ иногда, что и вовсе нѣтъ карантина.—Въ 12-мъ часу мы поѣхали съ Берличемъ въ его виноградникъ, въ получасъ отъ Брода,—и тамъ обѣдали. Время сборки винограда настало, и все собираетъ. Женщины собираютъ и поютъ; мужчины выжимаютъ сокъ и съ пѣснями развозятъ по домамъ. Все весело—Славонія была бы раемъ, если бы только не была такъ лихорадочна; отъ лихорадки страдаютъ не только чужіе, но и рожденные тутъ.

23-е. Винковцы.

Сегодня въ $\frac{1}{2}$ 9-го выѣхалъ я изъ Брода, и пріѣхалъ сюда въ Винковцы вечеромъ въ 8. Славонія всюду одна и та же, всюду прекрасно. Народъ одѣтъ не богато, но чисто, и между дѣвушками чуть ли не пятая красавица. Между сельскими домиками попадаются нерѣдко онштукатуренные, крытые черепицей. Сѣмьи, какъ и у насъ въ Великороссіи, очень велики.

24-е. Вуковаръ.

Винковцы—маленькой военной городокъ. Нечаяннымъ образомъ я попалъ тутъ на ночлегъ къ почмейстеру и вмѣстѣ содержателю корчмы. На мой вопросъ, есть-ли особенная комната, онъ отвѣчалъ: «найдется, найдется». И между тѣмъ она не нашлась; а на другое утро я заплатилъ ему за дрянной его ночлегъ, соусъ вечеромъ и кофе утромъ—флоринъ серебромъ. Въ Винковцахъ я познакомился съ литераторомъ капеланомъ Топаловичемъ ¹⁾,—и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Вуковаръ, важной торговой городокъ на Дунаѣ,—и прямо въ Франциск. монастырь Капистрановъ, гдѣ гвардіаномъ Гаджичъ ²⁾—врлнй домородецъ. Онъ оставилъ меня ночевать, и мы болтали съ нимъ до полночи.

¹⁾ Мато Топаловичъ († 1861)—первый изъ Славонцевъ, принявшій участіе въ Иллирскомъ движеніи.

²⁾ Вѣроятно Николай Гаджичъ (Hadžić)—Хорватскій писатель.

25-е. Монастырь Ковешдинъ.

Сегодня я началъ странствіе по монастырямъ православнымъ Фрушкогорскимъ. Ихъ 13; всѣ менѣе или болѣе богаты, и основаны Сербскими царями во время Турскихъ первыхъ нападеній. Фрушка-гора не гора, а долгая пологость. Монастыри расположены по ней съ обѣихъ сторонъ. Мѣста богатыя всѣмъ — и полями, и лѣсами, и виноградами. Къ обѣду я пріѣхалъ въ монастырь Прибина глава; а ночевать—сюда. Ковешдинъ отлично построенъ. Игуменъ старой, доброй человѣкъ. Все теперь хлопочетъ здѣсь собирать виноградъ. Народъ веселъ, поетъ и пьянъ. Я видѣлъ какъ дѣлаютъ вино: глядѣтъ гадо.

26-е. Городъ Митровица.

Изъ Ковешдина я поѣхалъ въ Шишатоваць—сегодня утромъ въ 8 часовъ. Дорога идетъ по равнинѣ, влѣво Фрушкогорскія отлогости, а вправо и впереди простирается огромная равнина, извѣстная подъ именемъ ровнаго Срѣма,—и далеко вправо, за Савой видны Сербскія горы—Церъ и Вальево. Въ Шишатовиць—архимандритъ, принявшій меня очень ласково. До обѣдни мы ходили по саду и осматрѣли церковь, ризницу и библіотеку. Въ церкви почиваютъ мощи царя Сербскаго Стефана Уроша; онъ уже 300 лѣтъ тутъ, въ монастырѣ. Церковь довольно просторна и очень хороша. Драгоцѣнныхъ вещей и ризъ много. Обѣдня—какъ и у насъ, напѣвъ впрочемъ иной. Послѣ обѣдни обѣдъ—и далѣе, въ Бешетово. Это тоже монастырь. Церковь очень старая, но древностей особенныхъ нѣтъ. За-то настоятель монастыря протосингелъ—молодой красавецъ, немного похожій на Черногорскаго владыку, милой, образованной человѣкъ. Отъ Бешетова до Митровицы—съ небольшимъ часъ. И вотъ я опять на границѣ, на Савѣ. Сегодня воскресенье, и я засталъ Митровицу въ полномъ уборѣ; но меня не могло [не] поразить, что я увидѣлъ въ кофейномъ домѣ, гдѣ остановился: около бильярда офицеры и дѣвушки, по лицамъ которыхъ не трудно узнать, кто они. Митровица можетъ быть сравнена съ Чугуевымъ; ну что бы сказали у насъ, если бы въ Чугуевѣ офицеры въ публичныхъ мѣстахъ миловались съ продажными дѣвами. Я пошелъ гулять,—и на площади увидѣлъ то-же самое: тѣ же пары; а заходя къ одному офицеру на квартиру, я засталъ офицерскихъ супруговъ десяткомъ на крыльцѣ съ дѣтьми. Какъ это мило!—Ворочаюсь къ монастырямъ: всѣ они въ оврагахъ, между деревьями, такъ что увидишь церковь только тогда, когда уже передъ носомъ. Келійные дома въ 2 яруса, и очень хороши. Комнаты для гостей особенно, и прекрасны. Кругомъ дома садъ, а далѣе или лѣсъ, или виноградники. Монахи живутъ, какъ коты въ маслѣ. Теперь виноберьба. По дорогѣ я встрѣчалъ бочки съ ивоной: онѣ ставятся отъ церквей: жалающіе бросаютъ

въ нихъ гроздія въ пользу церкви. Винограда—ѣшь не хочу. Продають не фунтами, а кистями: полная тарелка стоитъ копейкъ пять. Сливъ тутъ тоже множество; онѣ уже собраны; изъ нихъ дѣлается водка.

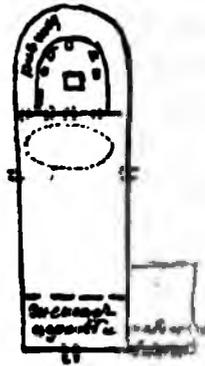
27-е. Брушедоль.

Сегодняшній день начался для меня прогулкой по городу Митровицѣ: небольшой, но порядочной городокъ. По другую сторону Савы—Сербія, именно деревня Ганъ. Православная церковь просторна и хороша. Есть шелковая фабрика: на ней можно видѣть, какъ красивы Срѣмскія дѣвушки; пятая непремѣнно очень хороша. Изъ древностей есть нѣсколько Римскихъ саркофаговъ. Въ $\frac{1}{2}$ 10-го я выѣхалъ, и въ обѣду поспѣлъ въ дрянной городокъ Руму. Черезъ часъ потомъ былъ въ городѣ Ирегъ, а черезъ полчаса потомъ въ монастырѣ Оповѣ (Хоповѣ). Игуменъ старичокъ; есть Кормчая XVI вѣка; церковь XVI вѣка; да больше и ничего. Оттуда поѣхалъ я въ монастырь Гергетекъ. Прекрасно лежитъ, окруженной садомъ; архимандрита не было дома, и потому я раздѣлался съ этимъ монастыремъ скоро. Въ полчаса оттуда монастырь Брушедоль, знаменитѣйшій изъ Фрушкогорскихъ монастырей. Архимандритъ—старичокъ, 79 лѣтъ и препочтеннѣйшій старичокъ. Въ 7 часовъ мы пошли ужинать, и теперь $\frac{1}{2}$ 9-го, а я уже въ своей комнатѣ. За ужиномъ пилю ваше здоровье, милая маменька.

28-е. В а р а д и н ь (Petrowardein).

Это имя, т. е. Петровардинъ, можете наконецъ найти и на картѣ, на Дунаѣ между Пестомъ и Земляномъ,—а, зная, гдѣ Загребъ, приблизительно узнать и путь мой. Между тѣмъ вотъ приключенія мои сегодня.—Утромъ, послѣ кофе, пошли мы въ библіотеку съ архимандритомъ, и тамъ провели часа два: есть любопытныя рукописи и равныя любопытныя вещи; между послѣдними есть сосуды, архіер. шапка, жезлы, ризы отъ 300 и болѣе лѣтъ. Русскія вещи цѣнятся и берегутся болѣе всѣхъ другихъ. Въ 10-мъ часу я сѣлъ на телѣгу и въ 11 приѣхалъ въ Карловцы (Karlowitz). Дорога идетъ черезъ Фрушку-гору. Видъ съ верху нея чудесной: на право Срѣмъ, какъ на ладони, и вдали чуть виденъ Бѣлоградъ и Сербскія горы, между которыми особенно возвышается Авала; а на лѣво Банатъ и Венгрія съ Дунаемъ—безконечная равнина. Въ Карловцахъ я посѣтилъ директора гимназіи Геркича, и съ нимъ провелъ все время. Тутъ резиденція православнаго архіепископа, начальника всей православной паствы въ Австрійской имперіи. Послѣдній Станковичъ умеръ, и еще никто не избранъ на его мѣсто. Комнаты, библіо-

тека, даже погребъ—все заперто и запечатано, и ничего нельзя было видѣть. Православная соборная церковь очень, очень хороша и велика. Вотъ планъ: Полъ устланъ мраморомъ. Надъ переднюю часть церкви овалный темный куполъ. Иконостасъ до верху. Что мы называемъ папертью, то тутъ называютъ женскою церковью, и женщины дѣйствительно стоятъ въ ней исключительно. Всѣ церкви болѣе или менѣе построены тутъ по этому образцу. Кромѣ этой соборной есть въ Карловцахъ еще 2 православныя церкви, и одна Римская. Самъ городокъ очень нечистъ. Съ выѣздомъ изъ Карловцовъ мнѣ не совсѣмъ посчастливилось. Обыкновенно платится 40 копѣекъ до Варадина, а я заплатилъ 160 коп., и то насилу сыскалъ телѣгу; а отъ Митровицы до Карловцовъ заплатилъ только 5 рублей, т. е. 2 гуддена серебромъ. Сюда приѣхалъ я въ 6 часовъ, ѣзды $\frac{3}{4}$ часа, и дорога очень хороша. Варадинъ стоитъ на лѣвомъ берегу Дуная. Это—отлично обстроенная и вооруженная крѣпость. На правомъ берегу Дуная городъ Новый Садъ (Neusatz). Черезъ Дунай мостъ. Пошедши туда искать знакомыхъ, я нашелъ наконецъ сенатора Гаджича ¹⁾, писавшаго для Сербіи законы и въ его сѣмействѣ провелъ весь вечеръ. Разговорчивый человекъ, имѣетъ милую жену. Живетъ прекрасно. Господствующій языкъ Сербскій, до того что дочка, вышедши мнѣ на встрѣчу, не умѣла отвѣчать мнѣ по Нѣмецки. Она—дѣтя еще, но въ другихъ домахъ и въ пеленкахъ дѣти говорятъ по Нѣмецки. Звали меня завтра обѣдать, но я едва ли могу, потому что долженъ ждать парохода. А завтра—Софія: мать Гаджича и дочушка—имянинницы. Завтра Софія. Гдѣ-то я буду завтра въ тотъ часъ, когда за два года разставался съ вами, душенька маменька! Сегодня въ это время я сидѣлъ съ вами на софѣ и мечталъ о пути. Теперь тогдашнія мечты—дѣйствительность, а мечтою, желаніемъ стало быть дома, сидѣть съ вами. Охъ, хочется.

30-е. Землинъ.

На другой день познакомился съ Иоанновичемъ, профессоромъ, издателемъ Вачкой Вилы ²⁾ съ д-ромъ Шафарикомъ. Обѣдалъ у Аджича, потому что пароходъ долженъ былъ прійти къ вечеру. Аджичъ и Шафарикъ провожали

¹⁾ Иоаннъ Гаджичъ—докторъ правъ, известный своими трудами по филологіи и исторіи (род. 1799 г.).

²⁾ Петръ Іовановичъ (род. 1801).

меня до берега, но парохода мы не дождались: онъ пришелъ вечеромъ и остался на ночь. Сегодня утромъ, въ 6-мъ часу онъ двинулся,—и въ 12-ть я вышелъ на берегъ въ Землинѣ. Дорога очень незанятельна. Съ Чевкинымъ опять встрѣтились: онъ ѣдетъ въ Россію. Землинѣ порядочной городокъ. Бѣлградская крѣпость и Бѣлградъ рисуются вблизи. Есть развалины замка Гуніада.

Цѣлую ручку вашу, милая маменька. Боже мой, какъ давно не посы-
лалъ я вамъ письма. Отъ Рѣки до Землина! Кланяйтесь знакомымъ.

Адресуйте письмо Ганкѣ въ Прагу: онъ лучше знаетъ, гдѣ я.

Из. Ср.

LVII.

№ 47. Бѣлградъ. 1-е Октября 1841.

Я «смѣшадся» (*ich bin gemischt*), я въ Сербіи, я въ Бѣлградѣ. Помните-ли, когда-то въ косморамѣ глядѣли мы на Бѣлградъ и Саву, текущую подъ нимъ; въ то время было во мнѣ не столько надежды, сколько желанія быть въ немъ. Долго росла надежда—и исполнилась.—Еще вчера я визировалъ свой паспортъ въ Землинскомъ генераль-командо и въ санитарѣ (карантинное начальство)—и меня записали въ число переѣзжающихъ въ Турцію съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться и «смѣшаться». Такіе, впрочемъ назадъ, должны выдержать карантинъ. Это сидѣнье теперь ограничивается 10-ю днями; я не могъ не рѣшиться десятидневнымъ заключеніемъ заплатить за путешествіе по Сербіи, тѣмъ болѣе, что у меня теперь есть что дѣлать и десять дней заключенія мною потеряны быть не могутъ. Сегодня я пошелъ въ таможеню, потомъ въ корабельное начальство, которое должно было приготовить мнѣ лодку для переѣзда,—и на берегу простившись съ добрымъ Маріановичемъ, всюду меня водившимъ, вскочилъ въ лодку. Три солдата гребли, два чиновника—одинъ отъ санитарета, другой отъ таможи меня провожали. За Землинкомъ должно было показать паспортъ сторожевому офицеру, ведущему щеть всѣмъ, проходящимъ изъ Сербіи и идущимъ въ Сербію. Мы ѣхали до Бѣлграда около $\frac{1}{2}$ часа—прежде вдоль по Дунаю, потомъ черезъ Саву у ея устья, и вверхъ по Савѣ подъ Бѣлградской крѣпостью къ пристани; можно бы и въ 10 минутъ пріѣхать, но былъ противный вѣтеръ. Приставши, солдаты вынесли мой багажъ (т. е. сумку, шляпную коробку и зонтикъ; остальное я оставилъ у Маріановича, взявши только самое необходимое), положили на пѣсокъ; чиновники простылись со мною, и оставили меня одного. Они не смѣли «смѣшаться» т. е. прикасаться ни къ чему Бѣлградскому. Тотчасъ

явился момакъ (хлопецъ), Сербъ, предложившій мнѣ свои услуги. Я велѣлъ ему вести меня и нести мои вещи въ домъ Русскаго консула. Тутъ Русскимъ генеральнымъ консуломъ Ващенко (Герасимъ Васильевичъ). Онъ принялъ меня ласково, послалъ искать квартиру, попотчивалъ по Турецкому обычаю табакомъ и кофеемъ и пригласилъ обѣдать. За обѣдомъ и познакомился съ его женою: премилая женщина, жаль, что безногая. Въ 5-мъ часу онъ зашелъ ко мнѣ, чтобы идти къ брату прежняго князя Сербскаго Милоша, Ефрему. Домъ прекрасно меблированъ и украшенъ. Его самого я однако не видалъ, а его жену. Женщина простая, но привѣтливая. Одѣта по-Сербски: на головѣ шапочка, обвязанная платочкомъ и волосами, и надѣваемая нѣсколько на бокрень. На юбку надѣвается кофточка съ рукавами безъ полъ, а сверхъ ее бархатная, опушенная соболемъ другая курточка безъ рукавовъ. Очень мило. Дѣвушки одѣты также, только на головѣ нѣтъ платочка.

Потомъ пошли къ Тиролю ¹⁾, бывшему учителю княжеской фамилиі, котораго Ващенко рекомендовалъ мнѣ какъ человѣка, лучше другихъ могущаго мнѣ помогать въ моихъ изслѣдованіяхъ. Оттуда гулять, и далѣе къ Ващенко чай пить. Ужинать я не остался, да и ѣсть не хочется. О городѣ могу сказать немного: онъ стоитъ при впаденіи Савы въ Дунай; на стрѣльцѣ на возвышеніи стоитъ крѣпость, находящаяся, какъ и всѣ Сербскія крѣпости, въ рукахъ Турокъ, а далѣе городъ ²⁾. Въ крѣпости, гдѣ живетъ трехбунчушной паша, я еще не былъ; въ городѣ улицы кривыя, довольно узкія, домики довольно бѣдные, большею частію изъ дерева, есть впрочемъ и нѣсколько хорошихъ кирпичныхъ домовъ, и нѣсколько другихъ строится. Лавки всею передней стѣною открыты; въ лавкахъ портняжныхъ и сапожныхъ работники работаютъ открыто и зимой и лѣтомъ. Мечетей множество; церковь наша только одна, снаружности прекрасная. Сербы одѣты, почти какъ Черногорцы или Далматинцы, въ шароварахъ, поясахъ, за которыми пистолеты, и курткахъ, съ красными шапками на головахъ и косами. Языка другого не слышно кромѣ Сербскаго. Высшее общество начинаетъ, впрочемъ, поговаривать по-Русски. У Ващенко люди понимаютъ и даже отчасти говорятъ по-Русски; а самъ онъ, жена и тетка хоть и говорятъ по-Сербски, но плохо, и чаще по-Русски. Мнѣ всѣ удивляются, что я въ короткое время научился говорить по-Сербски.—Комната моя довольно чиста, довольно хорошо меблирована. Да, чтобъ не забыть: переѣздъ изъ Землина въ Бѣлградъ сталъ мнѣ 3 гульд. 38 крѣйц. сереб., то есть 8 руб. асс.: 1 гульд. 18 кр. въ Санитетѣ, 1 г. 30 въ корабельномъ заведеніи, остальное на водку солдатамъ и прочее.

¹⁾ Дм. Тироль—литераторъ Сербо-хорватскій, издатель Банатскаго альманаха.

²⁾ Здѣсь въ подлин. русуновъ.

Вчера я былъ съ Тиродемъ у Ефрема, у нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, въ типографіи и пр.—Сегодня утромъ были важные визиты. Сначала мы поѣхали съ Ващенкомъ къ пашѣ (въ крѣпости Бѣлградской сидитъ трехбунчужный паша). Въ сѣняхъ и передней множество прислужниковъ и офицеровъ. На право изъ передней довольно большая зала, прямо—двѣ комнаты кабинета. Паша встрѣтилъ насъ вѣжливымъ поклономъ, вышедши изъ другой комнаты. Ему лѣтъ 40; онъ очень красивъ собою, хоть и съ бородой; одѣтъ въ венгерскую атилгу, а на головѣ красная шапка, похожая на козацкую и съ большою шелковою кистию. Усадивши насъ на диваны, онъ началъ было говорить по Французски, но какъ ему это худо шло, то перешелъ въ Турецкій, и Ващенко былъ драгоманомъ, въ томъ что относилось ко мнѣ. Комната довольно небольшая на полуевропейскій манеръ: по одной стѣнѣ широкій Турецкій диванъ, по другой—креслы, у третьей—диванъ Европейскій; есть этажерка съ книгами; сама комната окрашена желтой нечистой краской, довольно высока, съ полусводомъ и довольно темна. Угощенье началось тѣмъ что подали варенье съ водою. Далѣе подали трубки и черезъ нѣсколько минутъ кофе. Я курилъ, наконецъ мнѣ наскучило, я оставилъ; паша подумалъ, что у меня погасла трубка, и предложилъ другую; это свело разговоръ на куренье табаку. Я спросилъ, употребляется ли кальянъ, или какъ Турки называютъ—наржилѣ, и признался что никогда еще не видалъ кальяна. Паша велѣлъ подать—и подали: графинъ съ водою до половины и съ трубкою, всаженою вмѣсто пробки, сталъ на полу, а мнѣ подали конецъ огромнаго трехсаженнаго кожанаго чубука; но съ куреньемъ разомъ не пошло: воздухъ изъ чубука надобно сильно вытягивать въ себя, такъ что вода въ кальянѣ отъ этого бурлитъ. Паша спрашивалъ, гдѣ я ѣздилъ, и даже сказалъ нѣсколько словъ о филологіи. Передъ уходомъ онъ велѣлъ подать портфель и попросилъ меня записать свое имя. — Отъ пашы мы поѣхали къ князю Михаилу. Послѣ резигнаціи отца своего Милоша и смерти старшаго брата Милана, онъ остался владѣтелемъ Сербіи 16-ти лѣтъ. Довольно высокій, довольно хорошенкій, несовсѣмъ здоровый молодой человекъ, мало образованъ, но очень добръ. Съ нимъ разговоръ былъ о балахъ, которые онъ хочетъ составить зимою, и о театрѣ, который также хочетъ образовать. Я замѣтилъ ему, что лучше бы всего было начать съ театра дилетантовъ. — Отъ князя зашли къ княгинѣ Любицѣ, его матери. Умная старуха, хоть и простая. Одѣта по-Сербски. А князь имѣетъ Русскій военный мундиръ, который введенъ и въ войско Сербское. — Далѣе поѣхали къ митрополиту. Ученый, образованный человекъ, старающійся о просвѣщеніи духовенства. Тутъ трубокъ не курили, но безъ кофе дѣло не

обошлось. Кофе подается здѣсь въ маленькихъ чашечкахъ, безъ блюдецекъ. Отсюда Ващенко поѣхалъ домой, а я далѣе къ Ефрему на обѣдъ. Тутъ познакомился со всѣмъ его сѣмьействомъ, т. е. съ 4-мя дочками, изъ которыхъ одна замужемъ, а три дѣвушки, и одна—Анка—была недавно въ Вѣнѣ. Всѣ три одѣты по Европейски, а говоритъ одна Анка, и по-Сербски говоритъ прекрасно. Два часа прошло очень пріятно. Далѣе пріѣхалъ князь (Ефремъ ему дядя),—и я посидѣвши немного отправился во свояси. Вечеръ провелъ у Ващенко, чай пилъ, ужиналъ, болталъ.

5-е.

Вчера я обѣдалъ у министра Народнаго Просвѣщенія, а вечеръ провелъ съ Тиролемъ. Сегодня былъ въ Нормальной школѣ и въ Лицеѣ; а вечеромъ опять у министра. Завтра предполагаю выѣхать въ Сербію.—Правительство, слыша, что Надеждинъ стороною нѣсколько жаловался на свое путешествіе по Сербіи, и не желая, чтобы то-же самое повторилось со мною, отрядило одного изъ чиновниковъ провожатымъ мнѣ. Извозчика я уже договорилъ: за все путешествіе, которое продолжится не менѣе 13 дней, плачу ему 36 гульденовъ, т. е. около 86 руб. асс. Лучшіе извозчики въ Сербіи—Турки, т. е. тѣ-же Сербы изъ Босніи или Булгаріи, только магометанскаго закона: они держатъ слово и не пьютъ.

Въ Бѣлградѣ и вообще въ Сербіи дороже всего квартиры и слуги. За квартиру въ 3—4 комнаты, вовсе не отличныхъ, платятъ въ годъ отъ 800 до 1000 руб. Слугѣ въ мѣсяцъ платятъ до трехъ червонцевъ. Деньги считаются талерами (каждый 2 гульд. = около 4 р. 80 в.), цванцигерами (двугривенными), также дукатами (червонцами = 2 талера каждый), грошами (3 крейц. сереб. = піястръ); а мелочь Турецкая, о которой я еще не имѣю понятія.

8-е. Лужницка ме'ана.

«На кодјену ситну кнјигу пишем».

Вчера въ 10-мъ часу я выѣхалъ изъ Бѣлграда. Для сопровожденія моего по Сербіи назначенъ особый чиновникъ министерства Внутреннихъ дѣлъ С. Милодраговичъ, молодой человекъ родомъ изъ Эрцеговины, бывшій въ Далмаціи, Босніи и пр., довольно видѣвшій, довольно знающій Сербію. Данъ и особенный паспортъ... и, что всего чуднѣе, правительство—я еще не знаю кто именно—назначило даже издержки на мое путешествіе. Это мнѣ кажется не только страннымъ, но и неприличнымъ. Издержками завѣдываетъ мой проводникъ; я постараюсь однако заплатить за все и теперь записываю издержки. И такъ вчера мы выѣхали.—Прекрасная земля—Сербія: плодоносныя поля, лѣсу множество, виноградъ, рогатый скотъ, овцы, свиней, свиной и чудо жир-

ныхъ, всего вдоволь, а по дорогѣ встрѣтишь однѣ ме'аны (постоялые дворы), селенія же въ разбродѣ: домигъ тамъ, а домигъ тамъ, два три видно во всей окрестности; можно бы подумать, что народу нѣтъ, а между тѣмъ въ Сербіи до милліона жителей. Эта невидимость жилищъ человѣческихъ безъ сомнѣнія слѣдствіе Турецкаго владѣнія. И въ ме'анахъ видно, что землей владѣли Турки: онѣ построены на Турецкій манеръ, безъ столовъ, почти безъ стульевъ, безъ ножей и почти безъ вилокъ, и совершенно безъ женщинъ. Отъ этого нечистота. Дороговизна изумительная.

Дорога въ Крагуевацъ какъ наша сельская; вратницы (околицы) попадаются очень часто; съ горы на гору безпрестанно, и съ каждой горы раскрывается новый видъ на окрестныя горы или долины и лѣса. Человѣкъ встрѣчается довольно рѣдко, особенно женщины. Въ ме'анахъ можно достать вино, курицу, хлѣбъ, яйца, кофе, рѣдко молоко и вдоволь сыру. Ночевали мы въ Соцунѣ: тутъ есть меана и господаревъ (княжескій) конакъ (ночлегъ); меана какъ меана, а конакъ немного лучше: это домигъ въ 4 комнаты совершенно пустыхъ, кромѣ одной, въ которой на полу сѣно покрыто ковромъ. Тутъ спали и мы. Такихъ конаковъ по дорогѣ до Крагуевца два, есть еще одинъ въ Жабрѣ. Сегодня думали мы дойти до Крагуевца, но запоздали, — и ночуемъ — чудесно. Представьте себѣ чуланчикъ безъ оконца; половину заняло сѣно, покрытое ковромъ. Мѣсто стульевъ маленькія низенькія скамеечки, а вмѣсто стола—софра, т. е. толстая круглая доска на крошечныхъ, въ 1 четверть аршина вышиною ножкахъ. Мы поѣли сыра, попили вина и чаю, — и вотъ я пишу — по восточному обычаю, на колѣнѣ. Не дурно, особенно, когда все кругомъ сидитъ поджавши ноги, или на цыпочкахъ, въ широчайшихъ шальварахъ, съ длиннѣйшими усами. Народъ Сербскій очень красивъ, и, если не добръ, то по крайней мѣрѣ съ характеромъ. Теперь онъ начинаетъ отдыхать отъ прежнихъ бѣдъ. Недавно ѣздилъ князь по Сербіи; народъ всюду встрѣчалъ его съ восторгомъ, и говорилъ ему: «мы ради платить не по 5 талеровъ отъ головы, а и по 8, и по 10, и по 12, лишь бы не было бунны (возмущенія)». Теперь народъ платитъ такъ: всякій женатой по 5 талеровъ, а если отецъ имѣетъ два женатыхъ сына, то самъ ничего не платитъ, а если же имѣетъ 4 женатыхъ, то платятъ только 3 изъ нихъ. Народъ богатъ, хотя и живетъ чрезвычайно бѣдно; есть много мужиковъ, имѣющихъ по 1000 и по 2000 червонцевъ капитала. Свободны одинаково всѣ; по селеніямъ заводятся училища, и никому не преграждено ни учиться, ни переступать со степени на степень выше.

9-е. Радковачка ме'ана.

Сегодня у меня для писанья есть и столъ. Какой, — сейчасъ скажу; а прежде вотъ, какъ прошелъ мой день. До Крагуевца оставалось намъ 3 часа.

Проснулись мы рано, но долго ждали молока, и въ Крагуевацъ пріѣхали въ 9 утра. Здѣсь нашли мы что-то въ родѣ комнаты съ кирпичнымъ поломъ и съ длиннымъ, во всю стѣну диваномъ, широкимъ и мягкимъ. Тутъ явился къ намъ помощникъ окружнаго начальника, предлагая услугу для «обозрѣнія достопримѣчательностей» города. Вы знаете, что Крагуевацъ былъ, еще и году нѣтъ, главнымъ городомъ Сербіи, въ которомъ князь Милошъ царствовалъ какъ въ Царѣградѣ султанъ. И такъ въ Крагуевцѣ долженъ быть дворецъ, должны быть дома правительства, и т. д., и т. д. Мы пошли прежде всего на чършію, т. е. главную базарную площадь. Сегодня суббота—базарной день (въ цѣлой Сербіи базаръ по субботамъ, только въ Бѣлградѣ въ субботу и понедѣльникъ—для жидовъ)—и чаршія полна народу. Женщины въ старинныхъ народныхъ костюмахъ; мужчины тоже въ длинныхъ рубахахъ сверхъ штановъ, но въ турецкихъ капахъ, и народъ, особенно мужчины, чудесной,—рослой, плечистой, усачи, юнаки. Дучаны (лавки), какъ въ Бѣлградѣ. Далѣе пошли мы по улочкамъ... Идя мимо одного свѣтленькаго домика, я похвалилъ его чистоту, а хозяинъ оказался нашъ проводникъ, и пригласилъ насъ зайти. Вотъ планъ домика:

4	3	2
5		1

1) широкій крытый конекъ (галерея) 2) кабинетъ хозяина съ диванами, 3) кухня, 4) спальня, 5) гостиная. Садъ и дворъ въ чудесной чистотѣ; равно и въ домѣ все какъ будто (все) только что перемыто и перечищено. Угощеніе началось трубками. Далѣе вышла хозяйка въ опушенной соболами коротенькой шкуртелькѣ, и поднесла намъ варенье съ водой. Потомъ явилась со сливовицей. Наконецъ съ кофе. При всякомъ выпиваніи было пожеланіе здравія. Когда мы уходили, она уже была безъ шкуртельки, и проводила насъ за ворота. Хозяйственность Сербокъ мнѣ очень нравится; но униженіе ихъ предъ мужчинами, чуть не Турецкое, приводитъ въ досаду. Далѣе пошли мы въ конакъ (дворецъ) господаревъ (княжескій). Зданіе въ два яруса съ огромнымъ конкомъ посрединѣ, а съ трехъ сторонъ комнаты. Приѣмная не велика, украшена вся кругомъ диванами, и покрыта ковромъ, на стѣнахъ портреты большею частью русскихъ царей, и портретъ Николая вмѣстѣ съ образами. Передъ домомъ древ. Римскій памятникъ; дворъ большой, и передъ дворомъ сарай съ 9 пушками; черезъ улочку еще нѣсколько домовъ принадлежащихъ къ конаку, и среди улицы кухня. По другую сторону рѣчки Лепеницы церковь—довольно бѣдненькая съ деревянной папертью. Пообѣдавши, мы переждали дождь и поѣхали. Дорога живописная и большею частью лѣсомъ. Въ лѣсу былъ страшный ураганъ, о которомъ я прежде зналъ только по романамъ. Нашъ кучеръ Мехмедъ-Мулла, едва-едва могъ отыскивать проходъ: дорогу завалило переломленными деревьями; мы замѣтили даже нѣсколько вырванныхъ съ корнемъ—и какихъ! Дубовъ сажень въ 8 выши-

ною. Вотъ почему мы и принуждены были почевать, не доѣхавши до поря-
дочной меаны. Эта, въ которую мы заѣхали, вотъ какова: большія сѣни и
среди нихъ огонь; направо одинъ закоулокъ съ борошномъ, другой съ ви-
номъ, третій съ лошадыми. Намъ послали мокраго сѣна въ винномъ закоулкѣ.
а я за писанье: сыскалъ боченокъ съ капустой, накрылъ софрой, засвѣтилъ
восковой огарокъ, по счастью случившійся въ моей сумкѣ,—и хорошо. На наши
вопросы: что есть за ѣло, отвѣтъ былъ готовъ: ничего. Достали только ку-
сокъ хлѣба изъ проса да горячей воды для чаю.

10-е. Залагоеваць.

Лягли. Пошелъ дождь. Сѣвось черепицы онъ идетъ свободно, и насъ
промочило порядкомъ. Цѣлый день мы шли сегодня по грязи. Передъ вече-
ромъ попали сопутника, которой и довелъ насъ въ это село. Меаны тутъ
нѣтъ, и мы остановились у одного селянина. Впереди сѣни съ огнищемъ; съ
одного боку соба (комнатка) съ женскою кроватью, а съ другаго другая съ
разными разностями. Эту намъ очистили, разослали соломы, накрыли ковромъ,
накурили ладономъ. Ждемъ ужина. Я сижу на своей сумкѣ, и опять пашу
на колѣнѣ; потому что ни стола, ни стула. Ужинать будемъ по Турецки, сло-
живши ноги подъ себя на постели. Народъ превѣрливой, прегостепримный.
NB. Не зная, гдѣ живетъ кметъ (сельск. староста), мы взяли за провод-
ника мальчика и дѣвочку. Когда они насъ довели, мы дали имъ по шестру;
мальчикъ взялъ монету и сталъ разсматривать, а потомъ спросилъ: «шта је
то». Онъ думалъ, что это пуговица: такъ тутъ знаютъ дѣти деньги. Да и
вообще деньги мало извѣстны; а природное богатство изумительное.

13-е. Баня.

Ни вчера, ни третьяго дни не могъ взяться за перо. Третьяго дни къ
обѣду пріѣхали мы въ городокъ Крушеваць, дрянной, довольно разбросанный;
но знаменитый тѣмъ, что въ немъ жилъ знаменитый князь Лазарь. До сихъ
поръ сохранилась развалина башни отъ дворца, въ которомъ жила, какъ го-
воритъ преданіе, царица Милица, его жена; есть также и церковь, построен-
ная Лазаремъ; послѣ битвы на Коесовомъ полѣ она была разрушена отчасти,
и стояла такъ до недавняго времени, пока князь Милошъ не возобновилъ ее.
Стѣны оставались цѣлы, а потому и теперь можно судить о вкусѣ времени
Лазаря, и бранить его нельзя. Мы было заказали себѣ обѣдъ въ кафанѣ¹⁾, но
курицы не нашлось, и насъ пригласилъ къ себѣ обѣдать секретарь суда. Онъ
изъ Австрійскихъ Сербовъ, жена—тоже, и хотъ одѣта по Сербски, но очень
разговорчива, и чужихъ мужчинъ не стыдится, и въ домѣ хозяина. Послѣ

¹⁾ Серб. кофана—кофейня.

обѣда поѣхали далѣе, думали ночевать въ монастырѣ св. Романа, опоздали и принуждены были переночевать въ простомъ шалашѣ у перевоза черезъ рѣку Мораву. Шалашъ очень великъ, хорошо сдѣланъ, но вѣтеръ и холодъ пробиваетъ насквозь; а огонь на огнищѣ угасъ еще до полуночи. Въ шалашѣ мы нашли только кусокъ хлѣба да сѣно. Вчера пріѣхали часу въ 10-мъ въ Алексинацъ. Тоже дрянной городокъ, но важный по положенію: онъ стоитъ близъ Турецкой Болгарской границы, и имѣетъ карантинъ; еще недавно былъ онъ дряннымъ селеніемъ. Въ Алексинцѣ мы остановились у помочника окружнаго начальника, и приняты имъ очень ласково. Тотъ часъ по пріѣздѣ намъ дали трубки, потомъ жена вышла съ вареньемъ, далѣе съ водкой, потомъ съ кофе, и угостивши насъ, хотѣла еще приложиться къ нашимъ рукамъ; это конечно не допущено было, и мы поцѣловались съ нею по Старорусски. Передъ обѣдомъ дочь, дѣвушка прехорошенькая, подавала намъ умыть руки, и за столъ не садялись ни она, ни мать. Послѣ обѣда опять мытье рукъ. За ужиномъ тоже. За ужиномъ, какъ и за обѣдомъ, пили здоровье Покровителя Сербіи Николая. Послѣ ужина пришла дочь снимать съ насъ сапоги; а когда я предоставилъ трудъ этотъ самому себѣ, то она пришла съ водою, чтобы мыть ноги. Отказаться отъ этого было мнѣ всего труднѣе. Церемонія продолжалась до половины 10-го. Расположиться съ писаньемъ было негдѣ, и я просто легъ. Главная комната убрана совершенно по Турецки: на полу во всю комнату коверъ, на коврѣ по стѣнамъ подушки; на этомъ коврѣ были и намъ посланы постели. Сегодня рано утромъ, послѣ кофе, мы поѣхали далѣе,—и я въ знакъ моей благодарности поцѣловалъ руку хозяйки: это было такъ ново для нея, что она покрасѣла. Въ Алексинцѣ мнѣ показывали карантинъ, прекрасно устроенный; онъ занимаетъ цѣлую улицу: съ одной стороны амбары для очищаемыхъ товаровъ, а съ другой—комнаты для людей; есть комната и для гостей не изъ простаго народа, есть и конюшни для лошадей; есть и парлаторіумъ, какъ въ Бродѣ или Митровицѣ. Въ Алексинцѣ я наслушался довольно о прежнемъ и теперешнемъ состояніи несчастныхъ Болгаровъ: Турки поступаютъ съ ними хуже нежели со звѣрями. Каждый день идутъ они толпами въ Сербію сносить кусокъ хлѣба. Недавно одинъ христіан. купецъ былъ пашою Нишкимъ ограбленъ, потому что онъ ворочался изъ Вѣны въ Турцію съ деньгами, полученными за проданный товаръ; другой купецъ былъ однимъ турецкимъ помѣщикомъ не только ограбленъ, но и убитъ.—Отъ Алексинца до Бани 5 часовъ; по дорогѣ мы не нашли ни одной меаны, и принуждены были голодать до Бани. Тутъ мы обѣдали и остались на ночь. Бани крошечной дрянной городишко и имѣетъ свое названіе отъ цѣлительныхъ сѣрныхъ водъ; еще Турки построили надъ водами баню, а Милошъ пристроилъ къ банѣ домикъ для себя и большой домъ для гостей, посѣщающихъ воды.

Мы ночуемъ въ Милошевскомъ ионакѣ; я купался, и потомъ лежалъ, отдыхая, съ полчаса; вода очень горяча, въ томъ мѣстѣ гдѣ она течетъ въ цистерну, яйцо варится въ 15 минутъ.

15-е. Чюпрія (то есть Мость).

Вчера сдѣлали мы малый переѣздъ въ Ражань, 6 часовъ отъ Бани, городокъ (или какъ тутъ называется паланка) въ нѣсколько домиковъ. Товарищъ мой захворалъ, а квартиру достали мы не лучше той, какую имѣли въ Колибѣ на Моравѣ. Удивительно, что во всей Сербіи стеклянныя окна чрезвычайно рѣдки и лѣтомъ до холодовъ окна стоятъ совсѣмъ раскрытыя, а зимою заставляются окончинами изъ бумаги. Въ нашей комнаткѣ окно не имѣло также стекла. Притворили ставень, но остались щели, а ночь была сырая и дулъ вѣтеръ; и надобно было заложить щели соломой. Въ комнатѣ и была печь, но не топились цѣлые полгода, и слѣд., надобно было удовольствоваться горячими углями, которые принесли въ большой сковородѣ. На возвышеніи, занимающемъ большую часть горенки, разослали ковры, и мы разлеглись. Я напился чаю и согрѣлся. Отъ Ражня до Чюпріи 8 часовъ. Черезъ два часа пріѣхали мы въ село Шупелякъ; тутъ строится прекрасная мензуль'ана, т. е. станція для верховыхъ лошадей. Другихъ почтъ въ Сербіи нѣтъ; а за верховаго коня платится въ часъ по 2 гроша или шіастра; кто хочетъ ѣхать скорѣе, тотъ беретъ едекъ, т. е. запасныхъ лошадей, потому что станціи велики,—отъ 4 до 6 и 8 лошадей. Въ городѣ Парачинѣ построенъ новый хорошій мость черезъ Црницу. И Парачинъ похожъ на Ражань, но чаршія богаче. За Парачиномъ видѣли мечкаря, т. е. водящаго медвѣдя. Въ 5 часовъ пріѣхали сюда, и съ помощью различныхъ начальниковъ нашли порядочную комнатку, чистую и полную мириса (благоуханія) отъ дунь (дуня или туня—плодъ въ родѣ яблока, только тверже и больше); онѣ рядомъ лежатъ на полочкѣ подъ потолкомъ вокругъ всей комнаты, а въ потолокъ воткнуты раз. цвѣты, особенно цмилы (*immortella*) и босилеъ (*василень*), также кадифе (бархатки), и пр.—Пляшу опять на колѣнѣ. Погода опять разыгривается. Чюпрія стоятъ на правомъ берегу Моравы; кругомъ—обширное поле, а кругомъ его—далеко горы. Морава широка. Черезъ нее строится мость; онъ будетъ деревянный, но основанія на берегу кладутся такъ прочно, что въ послѣдствіе можетъ быть поставленъ и каменный.

17-е. Луковица.

Опять два дни не писалъ; а есть что записать для будущихъ воспоминаній. Вчера утромъ въ сопровожденіи начальника и эскадроннаго командира мы ходили осматривать Чупрійскія казармы. Онѣ порядочно построены и

очень чисты; конюшня очень хороша. Вся кавалерія Сербская (260 челов.) состоитъ изъ улановъ, стоящихъ въ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ и Чуприѣ. Офицеры учились въ Россіи, въ Новороссійскихъ военныхъ поселеніяхъ. Одежда совершенно Русская; ухватки тоже. На мѣстѣ, гдѣ стоятъ теперь казармы, была прежде крѣпость, и народъ вспоминаетъ о латинскомъ царѣ Троянѣ; теперь отъ крѣпости остались кое-гдѣ камни въ землѣ. Изъ Чуприѣ мы намѣрены были посѣтить два монастыря, а дорогу къ нимъ не знали, — и потому и получили отъ начальника проводникомъ пандура (служу въ начальствѣ). Пандуръ одѣтъ по Турецки, хорошо вооруженъ и на конѣ. Монастырь Раваница отстоитъ отъ Чюпріи 2 часа, и совершенно загребенъ въ узкой долинѣ между горами и лѣсомъ. Церковь строилъ князь Лазарь; подлѣ церкви развалины 2 башенъ: одна Лазаря, другая Милоша Обилича, была и третья — Вука Бранковича, но разрушена. Особенное чувство рождается, глядя на эти остатки древности, воспѣваемой народомъ въ пѣсняхъ. Въ монастырѣ игуменъ и 4 монаха. До послѣдняго времени послѣ Коссовской битвы все монастыри Сербскіе были во власти Турокъ и употребляемы, какъ конюшни. Въ церкви сохранилась однако еще старинная живопись. Подлѣ есть пещера (печина), очень глубокая, по преданію идущая къ Черной Рѣкѣ. Монашеское угощеніе заставило насъ запоздать и остаться на ночь. Сегодня утромъ рано поѣхали мы въ другой монастырь — Манасію на р. Ресавѣ. Подъѣзжая къ нему, видишь только горы покрытыя лѣсомъ, а у подошвы скалы, и между ними узкое ущелье, по которому течетъ Ресавъ. Далѣе долина расширяется, скалы увеличиваются, и вдругъ между ними и роскошной зеленью выказываются огромныя старинныя башни, соединенныя стѣною, желтыя, обросшія деревьями и мохомъ. Видъ поразительный. Вошедши въ ворота, изумляешься еще болѣе: если развалины такъ огромны и величественны, каково должно быть все это новымъ. Бѣльшая изъ башенъ — замокъ Стефана Деспота, сына Лазарева, строившаго все это. Церковь влѣво на дворѣ, — очень велика и величава; живопись еще видна; еще болѣе видны слѣды разоренія. Алтарь пустъ, иконостасъ изъ простыхъ досокъ съ 4 образами, священникъ въ отрепьяхъ; кельи жалки, да и монаховъ всего на все 2. Послѣ обѣда поѣхали мы далѣе, не успѣли доѣхать до городка Свилейнца, и ночуемъ тутъ у мужика: соба ¹⁾ изрядная, сѣна вдоволь, ковровъ тоже, надѣюсь выспаться, какъ слѣдуетъ.

19-е. Смедерево.

Утромъ вчера оставалось намъ пути полчаса до городка Свилейнца, мы въѣхали тутъ на господарскій конякъ, хотѣли только отдохнуть, но Срезскій начальникъ не пустилъ насъ безъ завтрака, а завтракъ приготовлялся какъ

¹⁾ Серб. соба — комната.

обѣдъ, и мы выѣхали въ 11. Какъ вездѣ, такъ и тутъ пилося за здравіе Покровителя Сербіи Николая и Сербскаго князя, а я прибавлялъ: «и Сербскаго народа». Свилейнацъ имѣетъ очень хорошую чаршію. Ночевали во Влашкомъ долѣ—въ жалкой мужицкой кучѣ. Дорога изъ Свилейнца прекрасная, мѣстами какъ шоссе. Обѣдали сегодня въ городѣ Пожаревцѣ. Въ немъ есть господскіе конаки: тутъ жилъ князь Милошъ довольно часто. Кругомъ города—равнина. Ночевать пріѣхали сюда въ Смедерево (Семендрія). Довольно большая варош¹⁾. Въ крѣпости, строенной Юріемъ Бранковичемъ и теперь населенной Турками, находится 19 башенъ; видъ ея очень хорошъ, но она вся въ развалинахъ, и домишки Турецкіе точно Волошскія. Кстати: отъ Манассія и даже прежде мы видѣли довольно Волошскихъ селъ. Страшно взглянуть на домишки, въ которыхъ живутъ Волохи: точно хлѣвы, крошечные, безъ оконъ, безъ дверей, сквозятъ. Въ Смедереву дучановъ (лавокъ) множество, но домиковъ, хоть нѣсколько порядочныхъ мало. Благодаря начальнику, впрочемъ, мы имѣемъ маленькую комнатку. Дунай въ глазахъ.

22-е. Землинъ.

Знаете-ли вы, что это «контраманцъ?»—Это свѣтленькая комнатка, въ которой стоитъ столъ, два стула, кровать, вѣшалка для платья, печь и sonst nichts. Передъ окнами рѣшетка, за рѣшеткою дворъ; съ другой стороны двора такая-же рѣшетка, и за рѣшетками такія-же комнатки какъ и эта; изъ-за домиковъ видно 2 церкви—римская и наша. Рѣшетка передъ домикомъ всегда заперта на замокъ; ключъ у опредѣленнаго слуги, который приходитъ, приноситъ все, что нужно и уходитъ, замкнувши крѣпко комнатку на замокъ. Ко мнѣ могутъ приходять посѣтители, но разговоръ идетъ черезъ рѣшетку подъ строгимъ присмотромъ чтобы разговаривающіе со мною «не помѣшались». Это вамъ Землинскій контраманцъ, то-есть контумацъ, т. е. карантинъ—и въ немъ я заключенъ на 10 дней. Какъ я попалъ въ этотъ контраманцъ, о томъ слѣдуетъ реляція. 20-го я выѣхалъ изъ Смедерева послѣ осмотра крѣпости. Цѣлой день ѣхалъ, и вечеромъ въ 7 часовъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ, когда уже его джаміи (мечети) были всѣ освѣщены (что бываетъ каждую ночь въ Рамазанъ, недавно начавшійся). Тотчасъ къ Иващенко и до 11 проболталъ. На другой день визиты министру внутреннихъ дѣлъ, министру просвѣщенія, князю, митрополиту, Обреновичу, генералу Даниловичу (служившему въ русской службѣ болѣе 50 лѣтъ) и пр.; обѣдалъ и вечеръ провелъ у Ващенконыхъ. Сегодня опять визиты, обѣдъ у Ващенко—и на лодку. Тироль и Милодраговичъ меня провожали до Землина и сдали въ контраманцъ. А путешествовалъ я по Сербіи точно даромъ: такъ желалъ князь, и, прощаясь со мною, сказалъ: «мы

¹⁾ Серб. варош—городъ.

дорожимъ и должны дорожить такими путешественниками, какъ вы». Ну что еще сказать! И вчера, и сегодня Ващенко вы кормили меня прекрасной кашей.— Этимъ, кажется, должна обончиться и каша моего письма. Что я буду писать изъ моего заключенія? Посмотримъ какъ-то пройдутъ эти 10 дней.

1-е. Землинъ.

Я еще въ карантинѣ, но вотъ вотъ скоро явится ревизоръ, осмотритъ вещи и пуститъ насъ на свободу. Многіе уже отпущены. Сегодня, надобно знать, отпускаются всѣ, безъ исключенія, и карантинъ растворяется. Если бы я все это время прожилъ въ Бѣлградѣ, то бы и въ карантинѣ не былъ. Впрочемъ, своимъ пребываніемъ въ карантинѣ я доволенъ: занимался безъ помѣхи. И скучно не было. Маріановичъ посѣщалъ меня ежедневно. Нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ и генералъ Гауеръ. Онъ тутъ по какимъ то политическимъ цѣлямъ, а я, вы знаете, тоже политическое лице!

Я вышелъ изъ карантина, переселился на новую квартиру, а черезъ полчаса получилъ пакетъ отъ Гауера, который былъ сегодня въ Бѣлградѣ и взялъ его у Ващенко для передачи мнѣ: въ немъ Прейсъ прислалъ мнѣ разныя письма, между прочимъ и ваше письмо подъ № 47 (?) отъ сент. 15. Душевно радуюсь вашей поѣздѣ въ Кіевъ; а брата жаль. Позволеніе остаться еще на годъ добытъ; нельзя ли вамъ, душенька маменька, спросить кого-нибудь въ университетѣ, посланы ли мнѣ деньги? Цѣлую вашу ручку. Писалъ бы и болѣе, да нѣгдѣ. Поздравьте, хотѣлъ сказать кланяйтесь (по Сербски поздравьте) Рославскаго, Метлинскаго.

LVIII.

№ 48. Землинъ, 1-го Ноября.

И такъ еще на одинъ годъ остаюсь вдали отъ васъ, милая маменька! Да сохранитъ Господь Богъ наше здоровье; на свое я осмѣливаюсь надѣяться. Былъ въ карантинѣ мало боленъ лихорадкою, но она прошла и надѣюсь не воротится. Да и болѣть-то мнѣ некогда. Пройдетъ и этотъ годъ, какъ прошли два прежніе, и я ворочусь къ вамъ.

Пароходъ Зринскій. 15-е.

Моя лихорадка прошла не такъ скоро, какъ я вообразилъ. 1-го я вышелъ изъ карантина, а 2-го послѣ обѣда—въ постель. Къ счастью нашелся между моими добрыми знакомыми докторъ Пантеличъ, который явился тотчасъ, велѣлъ лежать, на другой день прописалъ желудочныя пилюли, потомъ пилюли противу лихорадки,—и посѣщалъ меня каждый день по два и по три раза, просяживая по часу и по два. Маріановичъ приходилъ также по нѣскольку разъ въ день. Жилъ я у учителя Сенчица, и со стороны хозяевъ

миѣ было прекрасно: хозяинъ и хозяйка ухаживали за мною, будто родные. А Марья Евстафьевна Ващенкова прислала миѣ изъ Бѣлграда чаю. Такъ я провель 8 дней; и 9-го вмѣстѣ съ Загребскимъ литераторомъ Бабукичемъ поѣхалъ въ Новый Садъ черезъ Срѣмъ, т. е. черезъ Индію, Карловцы и Варадинъ. Тутъ не могли найти квартиры ни у Зеленаго Вѣнца, ни у Фазана, я долженъ былъ отправиться ночевать къ Шафарикю, а тотъ меня совсемъ не пустилъ,—и я прожилъ у него до вчера. Предоброй человекъ. Мы жили съ нимъ, какъ братья. На другой день послѣ пріѣзда я пошелъ къ Хаджичу, встрѣчаю мать его, далѣе сестру, далѣе жену,—никто миѣ ни слова, просятъ впередъ; вхожу въ комнату спальную, у окна дама задомъ ко миѣ, толстая дама, очень знакомая, а кто не вижу. «Марья Евстафьевна!» закричалъ я, а она захохотала. Я пришелъ нечаянно, а то она хотѣла сыграть со мною цѣлую комедію: Хаджичь долженъ былъ меня позвать къ обѣду, и спрашивать о Бѣлградѣ, а тутъ бы послѣ перваго вопроса о Ващенковай, и явилась бы она сама. Она осталась до субботы, и, разумѣется, я долженъ былъ и обѣдать вмѣстѣ, у Хаджича, и на комедію ходить вмѣстѣ; и нахотались вдоволь. Она пріѣхала въ Новый Садъ закупать разныя разности для Бѣлградскихъ дамъ для баловъ. Звала меня воротиться. А знаете ли какъ отозвалась обо миѣ господична Анка (Обреновичъ): «есть люди, которые съ перваго взгляда противны; есть и такіе, къ которымъ и послѣ долгаго знакомства не чувствуешь ничего; а Срезневскій съ перваго разговора былъ для меня какъ будто роднымъ». Комедія Новосадская—конная: комедіанты дѣлаютъ разныя штуки на лошадяхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ истинно превосходны. Публика собирается подъ огромный шатеръ, въ серединѣ котораго круглая большая арена, на которой скачутъ. Особенно миѣ понравилась скачка утопающаго матроса: сначала онъ мчался съ весломъ, какъ будто гребя, потомъ весло поломалось и онъ началъ тонуть, т. е. скользиться по коню какъ утопающій по волнамъ, и стоя на лошади принималъ иногда положеніе почти горизонтальное; лошадь мчалась, а на ней не было не только сѣдла, но и узды. Это общество Чеховъ подъ начальствомъ Беранка.—Вчера (воскр.) я отправился къ пароходной канцеляріи въ 9 утра, а пароходъ пришелъ въ 5 послѣ обѣда; все это время я долженъ былъ ждать. Ѣхали цѣлую ночь: первая станція была въ Илокѣ, вторая въ Вуковарѣ, 3-я въ Даѣ—все ночью. Теперь ѣдемъ, а дождь ливня льетъ; мы всѣ въ комнатѣ, одни играютъ въ карты, другіе читаютъ, нѣкоторые дремлютъ, а я вотъ писалъ. Пароходъ израдной, но ночью комната превращается въ одну постель: отовсюду изъ дивановъ выдвигаются ящики, на которые кладутся подушки, обитыя сукномъ,—и все укладывается ногами къ печи, отпляющей комнату, а столы подлѣ нея громоздятся одинъ на другой; это

нельзя назвать покойнымъ, особенно когда пассажировъ много. Вчера съ пароходомъ я получилъ отъ моей Землинской хозяйки подарокъ на память—вышитое бисеромъ для портфеля или я не знаю для чего.

16-е Ноября.

Цѣлый день вчера шелъ дождь; сегодня тоже идетъ, и вѣтрено; словомъ осень. Вчера ѣхали до 6 часовъ; потомъ стало темно, и мы стали. Утромъ сегодня около 5 часовъ подвинулись далѣе, — и черезъ часъ были подъ Могачемъ. Городокъ дрянной, а знаменитъ битвою, на которой Турки разбили Мадьяровъ. Здѣсь пароходъ запаса угольемъ. Между прочимъ явилась на палубу Мадьярка невѣста, цѣловала всякому руку, и за это отъ всякаго добыла по двугривенному. Одѣта изрядно, въ гладкомъ чепчикѣ на головѣ, къ которому сзади привязано множество лентъ красныхъ, зеленыхъ и бѣлыхъ; юбка и кофточка цвѣтныя, сапоги красные. На шляпѣ жениха дѣланые цвѣты; куртка, узкіе штаны въ сапоги.—Въ нашей комнаткѣ довольно прохладно: печичка крошечная, и топять мало.

17-е.

Вотъ уже 12-й часъ, а я еще не сплю, и многіе не спятъ. Въ одномъ углу играютъ въ банкъ, около играющихъ собралось много зрителей; другіе, лежа, разговариваютъ; я, пользуясь свѣтомъ, читалъ, и теперь сталъ писать. Наше общество сдѣлалось очень разнообразно: нѣсколько графовъ, нѣсколько простыхъ дворянъ, нѣсколько купцовъ, нѣсколько людей безъ особеннаго званія, нѣсколько дамъ, всего по нѣскольку. Говорятъ по Нѣмецки, Мадьярски (Венгерски), Французски, Итальянски, Англійски, Сербски. Мое любопытство узнать что нибудь о Мадьяр. языкѣ и литературѣ и о Венгріи привлекло ко мнѣ милость Мадьяровъ, и кавалеры и дамы учатъ меня по Мадьярски и въ восхищеніи, что нашли Русскаго, любопытствующаго узнать Мадьярскій языкъ. Вечеромъ сегодня маленькое общество наше собралось въ уголокъ противу банковаго угла,—и давай рассказывать сказки. Ирма Кишасонъ (мамзель Марія) получила первый жребій, и передала жребій мнѣ; я, рассказавши сказку о Бабѣ-Ягѣ передалъ жребій Етелѣ Кишасонъ, и такъ далѣе. Хохоту было столько, что даже около банковаго стола мѣста опустѣли, и около насъ сгустились, а мы принимали въ свое общество только тѣхъ, кто соглашался рассказать сказку, если бы на него палъ жребій.—Теперь мы остановились подъ Пестомъ: огни всюду, видно нѣсколько прекрасныхъ фасадовъ, и болѣе ничего, потому что ночь темна. Тутъ уже свѣтъ, а давно-ли я былъ въ Сербіи, а тамъ еще не падали листья съ деревьевъ.

21-е Печь (Пешть, Песть).

На другое утро рано я вышел на берегъ, и занялъ комнату въ отели Англійской королевы. Черезъ часъ я уже былъ у Коллара (онъ уже воротился изъ своего путешествія) и просидѣлъ цѣлое утро. Вечеромъ былъ въ Мадьярскомъ театрѣ. Давали оперу «Лукреція Борджія»; дѣвица Карлъ пѣла прекрасно, музыка изрядна. Театръ очень хорошъ и великъ. Зрителей много. Но Мадьярскій языкъ вовсе не присталъ оперѣ.—19-го цѣлое утро—съ Колларомъ, и у него обѣдалъ. Послѣ обѣда съ издателемъ Серб. газеты Фед. Павловичемъ; съ нимъ и въ Нѣмецкій театръ. Давали драму Принчица Рёсель, и г-жа Гринь играла очень хорошо. Театръ еще больше нежели Мадьярскій, и очень хорошъ. Вчера опять утро съ Колларомъ и съ Суботичемъ, издателемъ Серб. Лѣтописи (журнала); и послѣ обѣда тоже съ нимъ. Вчера же былъ въ Университетской библіотекѣ, гдѣ 80,000 книгъ, есть кабинетъ для чтенія, и мало порядка; а рукописи подъ замками, и только показываются, но читать не даются.

Пестъ прекрасный городъ; послѣ Вѣны, Праги и Триеста—лучшій изъ видѣнныхъ мною. Улицы широки и прямы, вымощены какъ и въ Вѣнѣ; дома прекрасной архитектуры, особенно у берега Дуная. Дунай величественнъ. Съ противной стороны его Оффенъ, что по Нѣмецки значитъ тоже Печь, а [по] Славянски [называемый] Буда. На горѣ крѣпость, подъ горою тянется самъ городъ; онъ очень длиненъ. Между обоими городами черезъ рѣку мостъ на баркахъ, какъ и между Новымъ Садомъ и Варадиномъ. Къ сожалѣнію погода дурна; и я не могу проходиться какъ бы слѣдовало.

24-е.

Сегодня я обѣдалъ у православнаго епископа. Онъ привезъ меня назадъ домой и зашелъ ко мнѣ. Человѣкъ довольно образованной и милой въ обращеніи.—Завтра ѣду.

28-е Вѣна.

Вчера пріѣхалъ рано въ 5-мъ часу. Изъ Печи проводилъ меня Павловичъ. Я думалъ ѣхать до Бретислави (Пресбурга) съ пароходомъ: но мнѣ отсвѣтовали, говоря, что туманъ можетъ меня долго задержать на пути. А такъ какъ я не имѣлъ съ собою зимняго платья, то Павловичъ снабдилъ меня своею бундой, т. е. смушковой претеплой шубой. Сегодня я былъ у Вука и въ библіотекѣ у Копитара.

Декабрь.

Въ посольствѣ я получилъ новый паспортъ и деньги, т. е. вексель на цѣлой годъ; нанялъ квартиру очень милую, недалеко отъ Вука и съ видомъ на гласисъ и городъ,—и остаюсь въ Вѣнѣ мѣсяца на два. По цѣлымъ днямъ остаюсь дома безвыходно, и занимаюсь. Въ томъ же домѣ есть трактиръ,—и обѣдать мнѣ приносятъ; утромъ пью кофе, а вечеромъ самъ себя варю чай. Сосѣди мои — люди очень для меня пріятные: во первыхъ тихи, во вторыхъ съ фортепяно, на которомъ нерѣдко слышу то самое, что когда то слышалъ отъ васъ, душенька маменька. Это переноситъ меня въ Харьковъ. Иногда я совершенно забываюсь, думая, что я не въ Вѣнѣ, а въ Харьковѣ; какъ же не забыться, когда я слышу и вариации на «Ѣхалъ возакъ», и «Боже царя храни», и Мазурку Шопена, и Тальберга № 16, и отрывки изъ «Жизни за царя». Тутъ мнѣ приходитъ въ голову, что я дурно сдѣлалъ, не упростиавши васъ ѣхать вмѣстѣ со мною: лѣтомъ бы я прощался съ вами отъ станціи до станціи; а зимы цѣлыя проводили бы вмѣстѣ—неразлучно. Больше писать нечего. Цѣлую ручку вашу. Будьте здоровы и пишите мнѣ слѣд. письмо въ Вѣну: In Wien, Landstrasse, Am Glasis, № 498, 2-e Stock, Thür № 16. Herrn, Herrn von Sreznjewski,—или на имя Ганки въ Прагу.

(Продолженіе будетъ).

Нидерландскія народныя пѣсни.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что цивилизація во всѣ времена оказывала уничтожающее дѣйствіе на творческую силу поэзіи простаго народа, и чѣмъ выше любая нація поднялась на дѣстницѣ образованности, тѣмъ больше потеряла она изъ своихъ старыхъ обычаевъ и народныхъ особенностей, изъ своихъ старыхъ суевѣрій и анимизма, своихъ героическихъ сагъ и пѣсень. Гомеровскія поэмы возникли не въ то время, когда Греція была велика въ искусствѣ и въ наукѣ, въ философіи и политикѣ, но идутъ въ глубь времени, къ юности греческаго народа, когда духовная жизнь не вышла еще изъ непосредственной жизни чувства и страсти. Точно также и Индійцы создали свои саги въ тѣ времена, когда они еще смѣло и радостно боролись за обладаніе земными благами: позднѣйшія поколѣнія, которыя столь охотно погружались въ философскія и теологическія мечтанія, хотя еще любили старыя сказанія о Yuddhishtira и Draupadī, о Dhritarāshtra и Bhīma, однако не могли уже создать никакихъ новыхъ и только собирали старыя, дошедшія до нихъ, пѣсни и саги въ удивительно обширные сборники, изъ которыхъ самымъ большимъ и самымъ знаменитымъ является Mahābhārata. Но не въ настоящемъ, не въ первоначальномъ видѣ были собраны учеными браминами отголоски героическихъ временъ; съ религіозными и политическими цѣлями въ нихъ было прибавлено многое, вовсе не народное, и передѣлка сагъ была столь существенна, что нынѣшніе ученые касательно Rāma—эпоса сомнѣваются, не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ аллегорическимъ искусственнымъ произведеніемъ, которое не содержитъ никакихъ воспоминаній о прежнихъ герояхъ и битвахъ! И все-таки еще много можно въ Rāmaуана найти такого, что обязано своимъ происхожденіемъ не фантазіи искусственнаго поэта, а старымъ повѣствованіямъ и пѣснямъ индійскаго народа. Среди современныхъ европейскихъ народовъ нѣтъ ни одного, народная поэзія котораго, по богатству мотивовъ и величественной красотѣ, могла бы стать на ряду съ былинами и пѣснями Русскихъ, однако и здѣсь пестрое множество историческихъ и лирическихъ пѣсень исчезаетъ подъ давленіемъ все болѣе и болѣе укрупляющейся западной цивилизаціи, какъ снѣгъ подъ солнечными лучами. вмѣсто пѣсень о князѣ Владимірѣ Красномъ солнышкѣ, объ Ильѣ Муромцѣ и Добрынь Никитичѣ, вмѣсто полныхъ поэтическаго полета пѣсень, въ которыхъ рисуется

суровая жизнь разбойниковъ и бурлаковъ приволжскихъ областей, теперь въ устахъ вязшихъ словъ городского населенія живутъ новыя, безсмысленныя пѣсенки, которыя слишкомъ хорошо можно характеризовать именемъ «лакейскихъ пѣсенъ». Или, еще хуже, далеко по Россіи расходятся французскія шансонетки, и тотъ же народъ, предки котораго воспѣвали матушку Волгу, наслаждается теперь плебейской безсмыслицей (пѣсенокъ въ родѣ «Nicolas» и «En revenant de la revue»).

Тотъ же процессъ, который начался и въ Россіи, у насъ уже давно окончился. Правда еще живутъ кой какія искаженныя пѣсни, которыя восходятъ къ среднимъ вѣкамъ, однако онѣ въ не поэтической передѣлкѣ своей совершенно потеряли свой первоначальный характеръ и отъ новыхъ народныхъ пѣсенокъ отличаются лишь старинными выраженіями и тирадами. Эти новыя пѣсни не имѣютъ почти никакихъ достоинствъ: это большею частью слова, лишеныя смысла, и часто очень грубыя и неприличныя слова. Поэтому нечего удивляться, если изъ ста образованныхъ Голландцевъ съ трудомъ найдется одинъ, который при словѣ «народная пѣсня» припомнилъ бы нѣчто иное, чѣмъ грязь и грубость. Правда любители нашей старинной народной поэзіи не мало старались сдѣлать ее вновь популярной, но время пѣсни въ Голландіи прошло и не вернется никогда. Среди лицъ, оказавшихъ большія услуги въ области средневѣковой народной поэзіи въ сѣверныхъ и южныхъ Нидерландахъ, на первомъ мѣстѣ надо назвать Гоффмана ф. Фаллерслебена. Въ 1855 г. въ своихъ *Notae Belgicae* (XI) онъ переиздалъ Антверпенскую книгу пѣсенъ 1544 г. ¹⁾. Еще въ 1848 г. Бельгіецъ Виллемсъ издалъ сборникъ *Oude Vlaemsthe liederen*, однако этотъ трудъ не можетъ идти въ сравненіе съ работою Гоффмана. Нѣсколько позже объ этомъ предметѣ написалъ Кальфъ (Kalf) ²⁾ весьма содержательную и поучительную книгу. Она значительно расширила наши познанія въ этой области. Кальфъ въ своемъ изслѣдованіи рассмотрѣлъ различныя старинныя сборники пѣсенъ и, сравнивая различныя версіи, какъ онѣ сохранились намъ въ печатныхъ сборникахъ пѣсенъ XVI и XVII вв., часто успѣвалъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, опредѣлить первоначальный видъ пѣсни. Кромѣ Гоффмана и Кальфа особенныя услуги оказалъ въ этой области прежній Девентерскій профессоръ I. ванъ-Флотенъ (*Johannes van Vloten*), издатель большихъ сборниковъ историческихъ и дѣтскихъ пѣсенъ ³⁾.

На основаніи всего сдѣланнаго этими учеными, я хочу, слѣдуя любезному приглашенію Э. А. Вольтера, попытаться на слѣдующихъ страницахъ

¹⁾ *Notae Belgicae XI. Antwerpene liederbuch von jahre 1544 g. Hannover 1855.*

²⁾ *Het lied in de middelleeuwen. Leiden 1883 g.*

³⁾ *Nederlandsche geschiedzangen. Amsterdam. 1852 (второе изданіе 1864). Nederlandsche Baker—en Kinderrijmen. Leiden (три изданія, послѣднее—1874 г.).*

дать картину старой нидерландской народной поэзии; однако я буду по преимуществу говорить здѣсь о пѣсняхъ, до сихъ поръ мало изслѣдованныхъ и къ разъясненію коихъ я имѣю нѣчто сказать. Для наглядности я раздѣлю пѣсни на нѣсколько категорій, именно: I) Повѣствовательныя пѣсни, II) Любовныя пѣсни, III) Историческія пѣсни, IV*) Дѣтскія пѣсни. Кроме того есть еще много средневѣковыхъ пѣсней духовнаго содержанія, но онѣ не имѣютъ истинно-народнаго характера, почему и не будутъ здѣсь рассматриваемы. О свѣтскихъ пѣсняхъ, коимъ посвящена эта статья, замѣтимъ, что по красотѣ поэтической онѣ стоятъ далеко ниже русскихъ, сербскихъ и литовскихъ пѣсней: наиболѣе изящныя и вдохновенныя находимъ мы болѣею частью среди древнѣйшихъ. Пѣсни болѣе позднихъ временъ имѣютъ по преимуществу грубоватый, но все-таки веселый характеръ, совершенно отличный отъ меланхолическаго и жалобнаго духа русскихъ семейныхъ и любовныхъ пѣсней.

I. Повѣствовательныя пѣсни.

Въ древнѣйшемъ словѣ этого рода пѣсней еще можно найти темныя воспоминанія о старогерманской героической сагѣ, и едва ли этому можно удивляться, потому что, какъ извѣстно, Нибелунги, Гудрунъ, Беовульфъ и др. имѣютъ не мало отношеній къ нидерландской почвѣ, особенно если употреблять слово «Нидерланды» въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, что дается ему политическими границами Голландіи и Бельгіи. Кальфъ изслѣдовалъ эти старыя, давно уже замолкнувшія пѣсни и отчасти указалъ на ихъ древнѣйшій источникъ. По мнѣнію этого изслѣдователя, пѣсня о *Halwijn*'ѣ ¹⁾ принадлежитъ къ древнѣйшимъ повѣствовательнымъ, и онъ полагаетъ возможнымъ отнести ее къ XIV столѣтію, хотя едва-ли справедливо ²⁾. Она принадлежитъ къ семейству Гамельнскаго крысолова: дѣйствительно ли она основывается на мифической подкладкѣ, рѣшить трудно. Скорѣе можно доказать это относительно пѣсни «*Van heeg Danielken*» ³⁾, которая является версіей сказанія о Тангейзерѣ ⁴⁾. Однако вообще отыскивать мифологическое ядро сказокъ и сказаній — работа мало удовлетворительная и опасная: очень часто этого ядра и нѣтъ, и мы имѣемъ дѣло съ переработками сказаній и сказочныхъ мотивовъ, изъ далека широко распространившихся на западъ и сѣверъ. Поэтому я не рѣшаюсь высказать въ этихъ случаяхъ самостоятельное сужденіе и охотно указываю на подробности у Кальфа.

¹⁾ Kalf, 53 ссл.

²⁾ См. о древности балладъ и романсовъ *Te Winkel, Geschiedenis der Nederlandsche letterkunde*, I, 454 сл.

³⁾ *Notae Belgicae* XI. 238 сл.

⁴⁾ Kalf, 65.

При другой, широко известной, пѣснѣ мы стоимъ на почвѣ гораздо болѣе твердой, ибо здѣсь ярко выступаетъ родство съ древнимъ сказаніемъ о Гильдебрандѣ ¹⁾. Я разумѣю пѣсню «Van den ouden Hillebrant» ²⁾, которая, какъ доказалъ Кальфъ, возникла изъ ниже-нѣмецкой пѣсни. Известно, что сказаніе о боѣ отца съ сыномъ не только германское, но и персидское (Рустемъ и Зорабъ) и русское (Илья Муромецъ) и пр. Въ древнѣйшемъ видѣ германскаго сказанія конецъ былъ трагическій, ибо отецъ убиваетъ своего сына, такъ какъ онъ не хочетъ вѣрить, что чужой всадникъ — его отецъ, Гильдебрандъ. Къ сожалѣнію конецъ старо-верхне-нѣмецкой пѣсни не донелъ до насъ, и мы можемъ только догадываться объ исходѣ битвы. Въ голландской, какъ и въ новыхъ нѣмецкихъ пѣсняхъ, Гильдебрандъ не убиваетъ своего сына, а ворочается, послѣ того, какъ узналъ въ Гадубрандѣ своего сына, вмѣстѣ съ нимъ въ Верону (въ нашей голландской пѣсни — Баряень Вагпен).

Какъ очевидна связь этой пѣсни со старыми сагами о Гильдебрандѣ и Дитрихѣ, точно такъ же очевидно родство пѣсни объ Алевинѣ (Alewin) и Гудруны ³⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ самое важное изъ эпическихъ воспоминаній въ нидерландской пѣснѣ уже заглохло ⁴⁾.

Въ пятнадцатомъ столѣтіи — и это едва ли можно подвергать сомнѣнію — было много романсовъ, что распѣвались въ народѣ и вышли изъ его собственной среды. Но весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ восходятъ къ четырнадцатому столѣтію, въ особенности это относится къ красивому романсу «Het daghet in den Oosten» ⁵⁾; вмѣстѣ съ его разновидностями онъ подробно рассмотрѣнъ Кальфомъ ⁶⁾. Пѣсня въ Антверпенской персѣи имѣетъ 14 строфъ и заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, быть приведенною здѣсь безъ сокращенія ⁷⁾.

¹⁾ Kalf. 77 ссл.

²⁾ Noëae Belgicae XI, 122 ссл.

³⁾ Kalf. 93 ссл.

⁴⁾ Мимоходомъ замѣтимъ, что и въ русскихъ былинахъ нельзя не признать вліянія германской поэзіи; такъ очевидно исторія Вольги Буславича содержитъ въ себѣ черты, которыя заимствованы изъ Karol — и Elegast Sage. Весьма поразительно также совпаденіе боя Добрыни съ дракономъ въ Почай-рѣкѣ (Кирѣвскій, Пѣсни II, 24 ff.) и боя Беовульфа съ матерью Грендела (Holder, Beowulf II, 55 f.). Особенно надо замѣтить, что Добрыня одолеваетъ дракона, взявъ „насыпанъ колпакъ земля греческой“, который случайно лежитъ на берегу. Подобнымъ образомъ и Беовульфъ изъ бѣды избавленъ мечомъ, который онъ внезапно замѣчаетъ въ морской глубинѣ. Что былина объ Ильѣ Муромцѣ, который сражается съ сыномъ своимъ Бориской и бросаетъ его „выше дерева стоячаго, ниже облава ходячаго“ (Кирѣвскій, пѣсни I, 10), поконится на былинѣ о Гильдебрандѣ — это весьма вѣроятно.

⁵⁾ Noëae Belgicae XI, 108 ссл.

⁶⁾ Kalf. 148 ссл. Противъ этого Те Winkel 454 ссл.

⁷⁾ Предлагаемая здѣсь мелодія — старинная. См. между прочимъ Van Duuse Oude Nederlandsche Liederen. Brussel. 1891 г.

<p>1. Het daghet in den oosten,
Het lichtet oueral;
Hoe luttel weet mijn liefken ¹⁾
Och waer ick henen sal.</p> <p>2. Och warent al mijn vrienden
Dat mijn vianden zijn,
Ick voerde u uuten lande ²⁾
Mijn lief, mijn minnekijn. ³⁾</p> <p>3. Dats waer soudi mi voeren,
Stout ridder wel gemeyt? ⁴⁾
Ic ligge in myns liefs armkens
Met grooter waerdicheyt.</p> <p>4. Ligdy in uws liefs armen,
Bilo ghi en segt niet waer! ⁵⁾
Gaet henen ter linde groene
Versleghen so leyt hi daer.</p> <p>6. 't Meysken nam haren mantel
Ende si ghinc eenen ganck
Al totter linde groene ⁶⁾
Daer si den dooden vant.</p> <p>6. Och ligdy hier verslaghen,
Versmoort al in u bloet! ⁷⁾
Dat heeft gedaen u roemen
Ende uwen hooghen moet.</p> <p>7. Och lichdy hier verslaghen,
Die mi te troosten plach
Wat hebby mi ghelaten
So menighen droeven dach.</p> | <p>8. 't Meysken nam haren mantel
Ende si ghinck eenen ganck.
Alvoor haers vaders poorte,
Die si ontsloten vant. ⁸⁾</p> <p>9. Och is hier eenich heere
Oft eenich edelman
Die mi mijnen dooden
Begraven helpen can?</p> <p>10. Die heeren sweghen stille,
Si en maecten gheen gelnyt.
Dat meysken keerde haer omme,
Si ghinc al weenende uut.</p> <p>11. Si nam hem in haren armen,
Si custe hem voor den mont,
In eender corter wijlen
Tot also mengher stont.</p> <p>12. Met sinen blancken swaerde
Dat si die aerde op groef,
Met haer sneewitten armen
Ten grave dat si hem droech.</p> <p>13. Nu wil ic mi gaen begeven
In een cleyen cloosterkijn
Ende draghen swarte wijlen ⁹⁾
Ende worden een nonnekijn.</p> <p>14. Met haer claer stemme
Die misse dat si sanck,
Met haer sneewitten handen
Dat si dat belleken clanc. ¹⁰⁾</p> |
|--|--|

¹⁾ hoe luttel weet mijn liefken — какъ мало знаетъ моя возлюбленная.

²⁾ uuten lande — изъ земли.

³⁾ minnekijn — моя любовнѣйшая.

⁴⁾ wel gemeyt несовѣтъ ясно, б. м. «Смѣлый».

⁵⁾ bilo кличусь св. Элигиумъ (Eligius), правда, воистину (fürwahr).

⁶⁾ totter — къ, zug.

⁷⁾ versmoort — задушенный (erstickt).

⁸⁾ ontsloten — открытый.

⁹⁾ wijlen — покровъ, покрывало.

¹⁰⁾ belleken — колокольчикъ.

1. Бражитьъ день на востокѣ,
Всюду свѣтъ;
Какъ мало знаетъ моя дорогая,
Куда я долженъ ѣхать.
2. Еслибы всѣ мои недруги
Были моими друзьями,
Я увезъ бы тебя изъ земли,
Моя любовь, моя возлюбленная.
3. «Куда же ты умчишь меня,
Гордый отважный рыцарь?»
Я лежу на рукахъ своего возлюб-
ленного
Съ большимъ достоинствомъ.
4. Ты лежишь на рукахъ своего воз-
любленного?
Клянусь, ты говоришь неправду!
Ступай подъ зеленую липу,
Онъ тамъ лежитъ убитый.
5. Дѣвушка взяла свой плащъ
И пошла она
Къ зеленой липѣ.
Тамъ нашла она мертвого.
6. «Ты лежишь здѣсь убитый,
Сраженный, весь въ крови!
Этому причина твоя высококрѣ-
пости
И твой гордый духъ.
7. И ты лежишь здѣсь пораженный
Ты, что бывало меня утѣшалъ,
Зачѣмъ ты покинулъ меня
На столько печальныхъ дней?»
8. Дѣвушка взяла свой плащъ
И пошла она (шагать)
Къ дверямъ своего отца,
Она нашла ихъ отворенными.
9. «Есть ли здѣсь какой-либо ба-
ронъ
Или какой-либо дворянинъ,
Что моего мертвеца
Помогъ бы мнѣ похоронить?»
10. Всѣ молчать,
Они не издали ни одного звука.
Дѣвушка повернулась
И съ плачемъ вышла вонъ.
11. Она взяла его на свои руки,
Она цѣловала его въ уста,
Въ одинъ короткій мигъ
На долгія времена.
12. Его тупымъ мечемъ
Выкопала она могилу (землю),
На своихъ бѣлоснѣжныхъ рукахъ
Снесла она его къ могилѣ.
13. «Теперь пойду я постричься
Въ небольшой монастырь
И стану носить черную мантию
И сдѣлаюсь монахиней».
14. Своимъ яснымъ голосомъ
Пѣла она службу,
Своими бѣлоснѣжными руками
Звонила она въ колокола.

Если въ «Het daghet in den oosten» мы имѣемъ дѣло съ пѣсней первоначально голландской, то не всѣ однако распѣвавшіяся въ позднія времена среднихъ вѣковъ въ Нидерландахъ, пѣсни возникли на нашей собственной почвѣ. Нѣкоторыя пѣсни зашли къ намъ изъ Германіи, и между ними много такихъ, которыя не уступаютъ въ красотѣ чисто туземнымъ пѣснямъ. Очень любима была пѣсня «Naer Oostland», въ которой, конечно, не содержится никакихъ историческихъ воспоминаній о переселеніи изъ Голлан-

діи на берега балтійскаго моря (Ostseeküsten), а выражается только общее всѣмъ людямъ желаніе лучшей родины, гдѣ можно жить легко и безъ напряженія, гдѣ нѣтъ ни голода, ни жажды, ни бѣдности, ни нищеты. Что пѣсня «Naer Oostland» никакъ не можетъ быть нидерландскаго происхожденія—это доказательно выяснилъ Кальфъ сравненіемъ съ нѣмецкой и шведской пѣснями. Наша пѣсня весьма коротка и гласитъ слѣдующее:

<p>1. Naer Oostland willen wy ryden,
Naer Oostland willen wy mee,
Al over die groene heiden,
Frisch over die heiden,
Daer isser een betere steê.</p>	<p>4. Ja, willekom moeten wy wezen,
Zeer willekom moeten wy zyn;
Daer zullen wy avond en morgen
Frisch over die heiden,
Nog drinken den koelen wyn.</p>
<p>2. Als wy binnen Oostland komen
Al onder dat hooge huys,
Daer worden wy binnen gelaten,
Frisch over die heiden,
Zy heeten ons willekom zyn.</p>	<p>5. Wy drinken den wyn er nit schalen
En't bier ook zoo veel ons beliest,
Daer is het zoo vroolyk te leven,
Frisch over dlie heiden,
Daer woont er myn zoete lief.</p>

<p>1. Мы помчимся на востокъ,
На востокъ помчимся мы вмѣстѣ,
Тамъ за зелеными равнинами,
Тамъ за равнинами,
Тамъ находится лучшая страна.</p>	<p>4. Да, насъ будутъ привѣтствовать,
Очень насъ будутъ привѣтствовать,
Тамъ будемъ мы, вечеромъ и утромъ,
Тамъ за равнинами,
Пить прохладное вино.</p>
<p>2. И когда мы прибудемъ на востокъ
Въ высокій домъ,
Тамъ насъ впускаютъ,
Тамъ за равнинами
Они привѣтствуютъ насъ.</p>	<p>5. Мы будемъ пить вино изъ чашъ
И пиво, сколько намъ хочется.
Тамъ такъ весело жить,
За равнинами,
Тамъ живетъ моя ненаглядная голубка.</p>

Я думаю, читатель едвали найдетъ въ этой прекрасной пѣснѣ нѣчто иное, чѣмъ выраженіе стремленія къ лучшимъ условіямъ жизни, какъ оно сказывается и въ наши дни въ народной пѣснѣ «In den hemel daar is 't beter dan hier» съ припѣвомъ «En alle dagen, en alle dagen soer met vleesch». Естественно, что «Naer Oostland» не возникла независимо отъ нѣмецкихъ пѣсенъ, гдѣ вмѣсто восточной земли (Ostland) говорится о восточномъ царствѣ Австріи (Oesterreich). И у другихъ народовъ есть подобныя пѣсни, напримѣръ литовская застольная пѣсня о венгерской землѣ, гдѣ рѣки текутъ виномъ, гдѣ золотые яблоки, гдѣ ѣдятъ голубей, которыхъ жарятъ на солнечныхъ лучахъ, гдѣ пьютъ вино и пиво и ложатся спать на шелковыя постели. Легко предположить, что и эта пѣсня есть передѣлка

нѣмецкой пѣсни, и что *Vengtiu žeme* (венгерская земля) есть плохой переводъ слова: *Oesterreich*.

Что Австрія и восточный край въ пѣсняхъ этого рода не означаютъ какой-нибудь опредѣленной страны, а лишь востокъ вообще, т. е. отдаленную сказочную волшебную страну, то, по изслѣдованіямъ Уланда и Кальфа, оно не можетъ подлежать сомнѣнію. Литовская же «*Szendėn alu gersim*» также заимствовала различныя черты изъ другого сказанія, именно изъ широко распространенной сказки о странѣ, въ которой, не трудясь, всегда получаешь отличныя яствы и дорогія одежды, и которая у нѣмцевъ извѣстна обыкновенно подъ названіемъ «*Kugelmugge*» или «*Schlaraffenland*», а у насъ подъ именемъ «*Коканѣ*» или «*Луилеккерланд*». Сказаніе объ этомъ земномъ раѣ побудило литовцевъ разукрасить Венгрію многими чудесами, по своему происхожденію чуждыми восточному краю и Австріи. Вѣдь въ нѣмецкихъ пѣсняхъ не рассказывается, что Австрія изобилуетъ разнообразнѣйшими яствами и питіями, а воспѣвается лишь блестящій замокъ, «*von silber und von rothem gold, mit marmelstein vermauert*» ¹⁾). Напротивъ въ литовской пѣснѣ говорится о жареныхъ цыплятахъ и голубяхъ, совершенно также, какъ и въ довольно новой нидерландской пѣснѣ «*Luy-Lekkerland*» ²⁾):

Daar loopen hazen, konynen,
Patryzen, hoenders, duyven mee,
Gebraden by dozunen.

Тамъ бѣгаютъ зайцы, кролики,
Куропатки, курицы, голуби,
Жареные дюжинами.

Въ литовской Венгріи одѣваются въ короткіе кафтаны съ золотыми пуговицами, а въ нашей пѣснѣ прославляются драгоценныя одежды *Luy-Lekkerland'a*.

Излюбленною пѣсней, нѣмецкое происхожденіе которой основательно доказано Кальфомъ ³⁾), является еще и теперь извѣстная во многихъ мѣстахъ нашей страны «*Is stont op hoogen Bergen*», которая вмѣстѣ съ литовской «*Ant auk sztoje kalnelie*» ⁴⁾ и латышской «*Es kap'oz aukstim kalnim*» ⁵⁾ очевидно восходитъ къ верхне-нѣмецкому романсу. Старинная пѣсня, какъ она передана въ Антверпенскомъ сборникѣ пѣсней, гласитъ ⁶⁾):

¹⁾ Kalf 363. Сравни «*dat hooge huys*».

²⁾ Kalf 490 сл.

³⁾ Kalf 156.

⁴⁾ Leskien Brugmann 14.

⁵⁾ Bezzenberger Ueber die Spracho der preussischen Letten 7.

⁶⁾ Horae Belgicae XI, 131 сл.

1. Я стояла на высокихъ горахъ,
Я смотрѣла въ море,
Я видѣла, какъ несется корабль,
Тамъ было три всадника.
Одинъ былъ всегда въ моихъ мыс-
ляхъ.
2. Самый юный всадникъ,
Который былъ на томъ кораблѣ,
Налилъ мнѣ въ стаканъ
Вина, чтобы я напилась.
Да наградить его Богъ.
3. Я приношу вамъ этотъ стаканъ
бѣдная, бездомная дѣвушка.
— Вы бездомная!
Такъ какъ вы маленькая бездом-
ная дѣвушка,
То долженъ я васъ отпустить.
Вы вѣдь не имѣете никакого иму-
щества.
4. Я маленькая бездомная дѣвушка,
Но я не одна.
Я поѣду въ монастырь.
Да наградить Богъ того, кто мнѣ
далъ этотъ совѣтъ,
Чтобы я разсталась со всеми ра-
достями.
5. Когда вы, молодая монахиня, пой-
дете въ монастырь,
И примете посвященіе,
Какъ охотно посмотрѣлъ-бы я тогда,
Какъ идутъ къ вамъ монашескія
рясы,
Когда вы пойдете въ монастырь.
6. Но когда она пришла въ мо-
настырь
Ея отецъ умеръ.
Не нашли-бы во всей этой странѣ
- Болѣе богатой наслѣдницы, и она
была знатна,
И не бѣдна.
7. Едва рыцарь услышалъ это
Онъ сказалъ: сѣдлайте мнѣ моего
коня!
- Она ушла въ монастырь,
И это такъ огорчаетъ мое сердце,
Вотъ зачѣмъ я хочу ѣхать.
8. Когда же онъ пришелъ въ мо-
настырь,
Онъ постукалъ:
Гдѣ та молоденькая монахиня,
Которая здѣсь недавно приняла
постриженье?
Она такое прекрасное дитя.
9. Младшая монахиня
Не можетъ выйти.
Она сидитъ въ заключеніи
И она Христова невѣста.
Она громко его восхваляетъ.
10. Молоденькая монахиня
Пришла къ рыцарю,
Ея волосы были обстрижены
Ея любовь кончилась,
Она носила монашескія одежды.
11. «Вы можете спокойно ѣхать домой,
Смѣлый всадникъ, вы можете идти.
Вы можете выбрать другую,
Моя любовь кончилась,
Я начала другую жизнь.
12. Когда я была маленькой без-
домной дѣвушкой
Тогда вы оттолкнули меня съ пре-
зрѣньемъ,
Ибо я была молода и бѣдна.
Я тогда не имѣла счастья,
Теперь успокойте ваше сердце».

Въ новѣйшее время многое тутъ измѣнилось. Въ теперешней пере-
дѣлкѣ пѣсни отверженный любовникъ поджигаетъ монастырь, но такъ какъ
возлюбленная и теперь отталкиваетъ его, то онъ пускаетъ себя пулю въ лобъ.
Разумѣется здѣсь припоминаются другія пѣсви, гдѣ рассказывается, что
монахиня находитъ трупъ всадника и погребаетъ его «al onder die
gozemarijn». Это мѣсто сильно походитъ на заключеніе уже приведенной
«Het daghet». Первые двѣ строфы гласятъ теперь:

1. Toen ik op Neêrlands bergen	2. Dat allerliefste ruitertje,
	stand,
Zag ik het zeegat in.	Dat er in dat scheepje zat,
Daar zag ik een scheepje zeilen,	Dat bood my eens te drinken;
Daar zaten drie ruitertjes in.	Het was koele wijn uit een vat.
Een van die drie was naar mijn zin.	Het was de beste, dien hij bezat.

1. Когда я стояла на нидерландскихъ	2. Тотъ милый всадникъ,
	горахъ,
Я смотрѣла на море.	Который сидѣлъ въ корабликѣ,
Тамъ увидѣла я плывущій корабликъ,	Далъ мнѣ напитокъ:
Въ которомъ сидѣли три всадника.	Это было прохладное вино изъ
Одинъ изъ троихъ былъ мнѣ по	бочки,
сердцу.	Оно было лучшее, какое только онъ
	имѣлъ.

Она поется слѣдующимъ образомъ, взамѣнъ прежняго напѣва:

Существенную перемѣну въ нидерландскихъ народныхъ пѣсняхъ произвело
распространеніе многочисленныхъ повѣстей (fabliaux) позднѣйшаго времени
среднихъ вѣковъ.

У насъ онѣ были весьма любимы въ образованномъ обществѣ приблизи-
тельно въ XV вѣкѣ, и оттуда уже проникли въ народъ. Время героическаго

эпоса для насъ уже миновало, и рыцарская поэзія со своей отвагой и почитаніемъ женщины, на время могла правда привиться и у насъ, но крайней мѣрѣ среди дворянъ, но никогда не могла утвердиться въ народѣ. Она уже утратила свою прелесть, и мелкій горожанинъ слушалъ охотно то веселые, то трагическіе, но всегда остроумные романическіе рассказы, распространенныя тогда почти по всей Европѣ и переданныя намъ южными со-сѣдами. Народъ не только воспринялъ ихъ, но и придалъ новый, національный характеръ, далъ имъ всѣмъ отпечатокъ правда не рыцарскаго, зато жизнерадостнаго веселаго духа. Вслѣдствіе этого является новый родъ пѣсень; по своему содержанію онъ опирается на распространенные тогда повѣствовательные мотивы, но въ то же время отличается чисто голландскимъ оттѣнкомъ. Интереснымъ примѣромъ этого служить пѣсня «Het was een trouwtje van Amersfoort» ¹⁾, гдѣ разсказывается про молодую женщину, вышедшую замужъ за стараго человѣка. Она послала его достать сѣна. Когда онъ ушелъ, она отправила свою дочь за пасторомъ. Дочь сказала пастору:

Och pater—seyde sy—Domine, Myn vader is uyt om hoy &

Komt by myn moedertje slapen;

Pater, сказала она, domine, Мой отецъ уѣхалъ за сѣномъ.

Приходите на ночь къ моей матушкѣ

Пасторъ охотно внялъ этому приглашенію, и, когда онъ пришелъ къ вѣроломной женщицѣ, она сказала ему слѣдующее:

Och Pater—seyde sy—Domine! Och Pater—seyde sy—Domine!

Wat sullen wy t'avont drincken? Wat sullen wy t'avont eten?

Rinse Wyntje alsoo klaer, Hoenders en kapoendertjes

Dat in ons hertje sal sincken. Gebraden aan de speten.

Myn man is uyt om hoy &. Myn man is uyt om hoy &.

Pater, сказала она, domine, Pater, сказала она, domine,

Что будемъ мы ѣсть вечеромъ? Что будемъ мы пить вечеромъ?

Курицъ и каплуновъ Рейнское вино прозрачное,

Зажаренныхъ на вертелѣ. Оно проникнетъ до нашего сердца.

Мой мужъ уѣхалъ за сѣномъ и пр. Мой мужъ уѣхалъ за сѣномъ и пр.

Въ это время вернулся домой обманутый мужъ и спрятался за занавѣски. Вдругъ онъ обращается къ своей женѣ:

Ick bender soo verre van huuse niet, Dat doet myn hertje quynen.

Ick legh achter de gordijnen. Ick gader niet meer om hoy &.

Het spelletje, dat je spelen wilt,

¹⁾ Kalf 421 сл.

Я не такъ далеко отъ дома,
Я лежу за занавѣской.
Эта шутка, которую ты хочешь
сыграть,

Она огорчаетъ мое сердце.
Я больше не ѣду за сѣномъ... и пр.

Что касается происхожденія этой пѣсни, то я полагаю, ее можно съ полною достовѣрностью отнести къ разряду новеллъ, во французской словесности представленныхъ *fabliaux* «*Du raucge cleers*» и *Aloul*¹⁾, а въ русской—былиною «Гость Терентьице»²⁾. Сюда же относится принадлежащая XV-му вѣву комедія «*Playerwater*»³⁾, близко подходящая къ «Гостю Терентьицу», почему она не можетъ происходить изъ *fabliau* «*Du raucge cleers*». Голландская комедія и русская былина сводятся скорѣе къ французскому или итальянскому разсказу, близкому къ упомянутому *fabliau*, но ни въ какомъ случаѣ не ложественному съ нимъ. Прежняя форма разсказа видна изъ четвертой повѣсти *Pancatantra*: какъ и въ разсказѣ о *Playerwater*'ѣ мужъ вышелъ изъ дому чтобы достать напитокъ (по индѣйски *madu rāna*, нѣчто въ родѣ водки, а въ разсказѣ цѣлебное средство); какъ и въ *fabliau* «*Du raucge cleers*» мужъ приглашаетъ бѣднаго священника (въ *Pancatantra* бѣдный, ограбленный браминъ *Devasaḡman*, а въ *fabliau* студентъ-теологъ), и приказываетъ женѣ хорошенько его накормить, но она плохо исполняетъ его приказанія, также какъ и въ *fabliau* именно этотъ гость обнаруживаетъ невѣрность жены. Какъ и въ *Pancatantra* открываетъ священникъ въ *fabliau* обманъ жены сообщеніемъ разсказа изъ жизни животныхъ, который онъ будто-бы самъ пережилъ (въ *Pancatantra* онъ дѣйствительно пережилъ). Разсказъ ткача въ *Pancatantra*⁴⁾ смѣшанъ съ другимъ сказочнымъ мотивомъ, именно съ разсказомъ о невѣрной женѣ, которая въ наказаніе лишилась носа. Этотъ мотивъ былъ прекрасно обследованъ *Benfey*'емъ⁵⁾.—Въ былинѣ «О Гостѣ Терентьицѣ» бѣдный священникъ замѣненъ «веселыми скоморохами», а въ *Playerwater*'ѣ продавецъ курицъ обнаруживаетъ преступную связь жены съ пасторомъ. Въ приведенной голландской пѣснѣ исторія очень упрощена и получила весьма комическій характеръ, болѣе чѣмъ въ *fabliau*.

Очень распространеннымъ въ средніе вѣка разсказомъ была исторія о Геро и Леандрѣ, который мы имѣемъ въ голландскомъ текстѣ въ «*Het waren twee conineskinderen*»⁶⁾. Нельзя точно опредѣлить, какимъ путемъ онъ проникъ

¹⁾ *Le grand d'Aussy, Fabliaux, 3-o éd. IV 55 стр. и 200 ссл.*

²⁾ Кирша Даниловъ, изд. *Bühler*'а, стр. 9.

³⁾ *Winkel. 527.*

⁴⁾ *Bombay Sanskrit series. IV, Pancatantra I, 30 ссл.*

⁵⁾ *Benfey Panchatantra I, 140 ссл.*

⁶⁾ *Kalf, 227.*

Голландію; весьма вѣроятно, что голландская редакція непосредственно произошла изъ *fabliau*. Во всякомъ случаѣ пѣсня, въ которой воспѣвается судьба обоихъ царскихъ дѣтей, значительной древности, по Кальфу она относится къ началу XIV вѣка.

Одна, широко распространенная по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, пѣсня заключаетъ въ себѣ рассказъ о томъ, что одна дѣвушка изъ многочисленныхъ жениховъ выбираетъ себѣ солдата (*fussknecht*). Голландская редакція пѣсни есть передѣлка верхне-нѣмецкой. Дѣвушка, въ нашей пѣснѣ не хочетъ ничего слышать ни о всадникѣ, ни о «*boermaans soon*»; (крестьянскій сынъ), такъ какъ въ теченіи цѣлаго дѣта она должна была бы надѣвать всаднику сапоги и шпоры и, что касается до мужиковъ:

Boeren dat zijn boeren,	So en doet die vrome lansknecht niet.
Sy drincken so seldom den wijn	Hi schencter so dapperlic in.

Мужики они,—и только,	Но молодецкій пѣхотинецъ этого не
Они такъ рѣдко пьютъ вино	Онъ такъ хорошо наливаетъ. ¹⁾ дѣлаетъ

Подобную пѣсню находимъ у литовцевъ: въ одной *daina* у *Leskien-Brugmann'a* ²⁾ рассказывается про дѣвушку, которая отказывается сапожнику и портному и скорѣе соглашается быть женою солдата, хотя онъ и пьяница, ибо, говоритъ она: «*tik želnērka busiu*». Мнѣ кажется, что эта пѣсня, равно какъ и голландская, происходятъ изъ нѣмецкаго источника, и что обѣ родственны съ «*Je stont op hoogen bergen*». Это выясняется изъ третьей строфы.

Формы *hous* и *ous* вмѣсто *huys* и *uyt* доказываютъ верхне-нѣмецкое происхожденіе пѣсни.

Ic stont op hoogen berghen,	Daer rijden alle merghen
Ic sach een steynen hous.	Drie stoute slumerkens ous.
Я стоялъ на высокой горѣ,	Оттуда выѣзжаютъ всякое утро
Я видѣлъ каменный домъ	Три смѣлыхъ молодчика.

Сказаннаго вполне достаточно, чтобы несомнѣнно признать чужеземное вліяніе на повѣствовательныя и сказочныя пѣсни среднихъ вѣковъ; поэтому теперь я хочу сообщить еще нѣчто о чисто нидерландскихъ романахъ. Къ нимъ немногимъ пѣснямъ, которыя до сихъ поръ поются народомъ въ сѣверной и южной Голландіи, принадлежитъ и пѣсня, приведенная въ Антверпенскомъ сборникѣ: «*Van den Lantsknecht*». Въ старой редакціи 6 первыхъ строфъ таковы ³⁾.

¹⁾ *Notae Belgicae* XI, 330.

²⁾ *Leskien-Brugmann* 41.

³⁾ *Notae Belgicae* XI, 195 ссл.

<p>1. Och moeder, seyde si, moeder
Nu geeft mi goeden raet.
Mi vrijdt een lantsknecht seere,
Hi volcht mi altijd na.</p> <p>2. Vrijdt u een lantsknecht seere,
Volcht hi u altijd na,
So slaet u ooghen nedere
Ende laet hem henen gaen.</p> <p>3. Och moeder, seyde si, moeder,
Dien raet en ben ic niet vroet.
Ick hebbe die lantsknecht liever
Dan alle mijns vaders goet.</p> | <p>4. Hebby den lantsknecht liever
Dan alle uws vaders goet,
Och des moet God ontfermen
Dat ic u oeyt gedroech.</p> <p>5. Hi namse al biden handen
Bi haer sneewitte hant.
Hi leydese also verre
Al daer hijt schoone vant.</p> <p>6. Wat gaf hi haer te loone
Tot haer n nieuuen iaer?
Een kindeken in de wieghen
et sinen ghecrulden haer,</p> |
|---|--|

<p>1. Матушка, сказала она, матушка,
Теперь дай мнѣ хороший совѣтъ.
За мною ухаживаетъ очень солдатъ,
Онъ всегда преслѣдуетъ меня.</p> <p>2. Если за тобой очень ухаживаетъ солдатъ
И всегда преслѣдуетъ тебя,
То опускай свои глаза
И веди ему уходить прочь.</p> <p>3. Матушка, сказала она, матушка,
Этого совѣта я не понимаю,
Я люблю того солдата больше.
Чѣмъ все имущество моего отца</p> <p>4. Ты любишь того солдата больше</p> | <p>Чѣмъ все имущество твоего отца?
Богъ долженъ пожалѣть,
Что я нѣкогда произвела тебя на
свѣтъ.</p> <p>5. Онъ взялъ ее обѣими руками
За ея бѣлоснѣжную руку.
Онъ повелъ ее далеко
Куда ему нравилось.</p> <p>6. Что же далъ онъ ей въ награду
Къ новому году?
Дитя въ колыбели
Съ вьющимися кудрями.</p> |
|---|---|

Семь послѣднихъ строфъ принадлежали первоначально другой пѣснѣ. Въ настоящемъ видѣ я часто слыхалъ ихъ, но, насколько мнѣ извѣстно, они не попали въ этотъ видѣ въ наши сборники.

Ее поютъ теперь на эту мелодію:

По существу и внѣшности, она совсѣмъ измѣнилась; для сравненія быть можетъ небезполезно привести здѣсь эту новую пѣсню:

1. Daar achter op die velden,
Daar is een molen klein,
Die maalt van den ochtend
tot den avond
En die maalt er zoo donders fijn.	3. Och moeder, lieve moeder,
Die raad, die is niet goed!
Geef mij maar vijftienhonderd
gulden
Ende helft van mijn vaders goed.
2. Och moeder, lieve moeder,
Geef mij een goeden raad!
Sla twee blauwe oogjes naar beneden
Als je minnaar voor je staat.	4. Die vijftienhonderd gulden,
Waar zouden die wel zijn?
Die heeft je vader opgezopen
Aan jenever en brandewijn.
5. Daar achter op die velden,
Daar is een waterplas.
Ik wou dat die lieve jongen
Daarin verzopen was.	

1. Тамъ вдалекѣ за полями
Стоять небольшая мельница.
Она мелеть съ утра до вечера
И мелеть она очень мелко.	3. Ахъ матушка, дорогая матушка,
Твой совѣтъ не хорошъ!
Дай мнѣ 1500 гульденовъ
И половину имущества моего отца.
2. Ахъ, матушка, дорогая матушка,
Дай мнѣ хорошій совѣтъ!
«Опускай оба голубыхъ глаза
Когда любовникъ твой передъ то-
бой.	4. 1500 гульденовъ?
Гдѣ же они теперь?
Ихъ пропиль твой отецъ
На можжевелевѣ и водкѣ.
5. Тамъ вдалекѣ за полями
Тамъ есть прудъ.
Я хотѣлъ бы, что бъ тотъ молодчикъ
Въ немъ утопился.	

Какъ образецъ новѣйшей повѣствовательной пѣсни можно привести еще и теперь весьма распространенную «Жила однажды хитрая дѣвушка». («Daar was eens een meisje loos»). Она сложилась на нашей родной почвѣ, вѣроятно среди моряковъ или корабельщиковъ и никакъ не позже, чѣмъ въ семнадцатомъ столѣтїи. Она поется такъ:

1. Daar was eens een meisje loos,
Dat wou gaan varen (bis),
Dat wou gaan varen als licht matroos.	4. Eens met storm en slecht weër,
Sloegen de zeilen (bis)
Sloegen de zeilen van boven neër.
2. Toen bracht zij haar kist aan boord.
Gelijk een braaf (bis),
Gelyk een braaf matroos behoort.	5. Och kapteintje, sla my niet,
Ik ben je liefje (bis),
Ik ben je liefje, zooals je ziet.
3. Zij moest klimmen in den mast,
Binden de zeilen (bis).
Binden de zellen met touwtjes vast.	6. Toen zij kwamen aar den wal,
Was er een jong (bis),
Was er een jong matroosjen al
-
1. Была однажды хитрая дѣвушка,
Которая хотѣла ѣхать (bis)
Которая хотѣла ѣхать простымъ	Связывать паруса канатами.
2. Тогда она принесла свой сундукъ
на бортъ,
Какъ порядочному (bis),
Какъ порядочному матросу слѣ-
дуетъ.	4. Разъ была лихая погода съ
бурею,
Паруса были сбиты (bis)
Паруса были сбиты сверху внизъ.
3. Она должна была взбираться на
мачты
Связывать паруса (bis),	5. Ахъ капитанъ, не бей меня,
Вѣдь я твоя милая (bis)
Вѣдь я твоя милая, какъ ты видишь.
	6. Когда они прибыли къ берегу,
Съ ними уже былъ молодой.
Былъ молодой матросикъ.

Вмѣсто четвертой строфы также поютъ:

Eens had zij wat kwaad gedaan
En de kaptein (bis),
En de kaptein, die wou haar slaan.

Однажды она провинилася въ чемъ то
И капитанъ (bis),
И капитанъ хотѣлъ ее прибить.

Представивъ нѣсколько образцовъ нашей повѣствовательной народной поэзіи, могу теперь перейти къ разряду любовныхъ пѣсенъ. Вѣроятно русскій читатель уже вынесъ то впечатлѣніе, что и среди нидерландскихъ народныхъ пѣсенъ можно найти нѣсколько хорошихъ и что наша народная литература можетъ имѣть притязаніе на нѣкоторый интересъ въ исторіи всеобщей литературы.

II. Любовныя пѣсни.

Разбирая пѣсни «Ахъ матушка, дорогая матушка» и «Жила одна хитрая дѣвушка», мы дошли до девятнадцатаго столѣтія; любовная пѣсня напротивъ уводитъ насъ въ глубину среднихъ вѣковъ. Первые попытки этого

рода народной поэзии встрѣчаются уже въ четырнадцатомъ столѣтіи, и языкъ этихъ старинныхъ пѣсень свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что воспѣваніе весны и любви въ нашемъ отечествѣ, мало одушевленномъ поэзіей, началось не безъ чужаго вліянія. Нѣмецкіе миннезингеры дали первый толчекъ нашей эротической поэзіи, которая является несомнѣннымъ приобрѣтеніемъ нидерландской литературы ¹⁾). Какъ образецъ пѣсни, сложенной на полу-нѣмецкомъ языкѣ, можно привести здѣсь слѣдующія строки ²⁾:

<p>1. Vaer wech ghereins, God gheve
dir leit,
Dattu ye quaems in myn ghedacht.
Du bist vortan van mi ontseit,
Ende ic ontsegge al dyn gheslacht.
Vaer wèch!
Vaer wech ende vliet van mi ghereit,
Dune laets mi rusten dach no nacht.</p> <p>2. Du aens ghebrant met onbesceit
Myn hertze ende al myns zинnes
cracht:
Mi dwinct so zere dyn aerbeit,
In haen no vruecht, no vruechden
macht.</p> <p>1. Удались прочь, мрачное размышле-
ніе, Богъ пусть накажетъ тебя,
Зачѣмъ ты появилось въ моей го-
ловѣ.
Я больше не хочу жить съ тобою
Ни со всѣмъ твоимъ родомъ.
Удались прочь!
Удались прочь, быстро улети отъ
меня,
Ты не даешь мнѣ покою ни днемъ
ни ночью.</p> <p>2. Ты наполнило безуміемъ
Мое сердце и всю мощь моей мысли:
Твое мученіе такъ мучить меня,
Я не имѣю ни радости, ни воз-
можности радоваться.</p> | <p>Vaer wech!
Vaer wech ende doe van mi gesceit.
Dune laets mi rusten dach no
nacht.,
Ach groen nu zi myn ommeclait,
Want ich mi nie so moede en vacht.
Helpstu mir niet, soot mir nu steit,
So werdic zaen ghevanghen bracht.
Vaer wech!
Vaer wech, helf God om vroilli-
cheit,
In can gherusten dach no nacht.</p> <p>Удались прочь!
Удались прочь и разстанься со
мною.
Ты не даешь мнѣ покою ни ночью
ни днемъ.
Ахъ! чтобы моя одежда была зелена!
Потому что я никогда не уставалъ
такъ въ борьбѣ.
Если ты не поможешь мнѣ въ
моемъ теперешнемъ положеніи,
То скоро я буду плѣнникомъ.
Удались прочь!
Удались прочь! Боже, пошли ра-
дость:
Я не могу успокоиться ни днемъ,
ни ночью!</p> |
|--|--|

¹⁾ Te Winkel, 444 сл. Kalff, 251 сл.

²⁾ Kalff 269 сл.

Впрочемъ, можно еще сомнѣваться въ правѣ-ли мы говорить именно о народныхъ пѣсняхъ, разбирая любовныя пѣсни четырнадцатаго столѣтія, — ибо онѣ имѣютъ рѣзкій придворный отпечатокъ поэзіи высшаго общества. Только въ образованныхъ кругахъ общества могли возникнуть сантиментальныя, любовныя пѣсни, обращенныя къ возлюбленной, въ ту грубую эпоху среднихъ вѣковъ. Кальфъ обращаетъ также вниманіе на то обстоятельство, что въ наиболѣе старыхъ пѣсняхъ обнаруживается глубокое презрѣніе къ простымъ, неуклюжимъ крестьянамъ ¹⁾, какъ это замѣчается также въ средне-вѣковой поэзіи у другихъ европейскихъ народовъ. Онъ приводитъ между прочимъ слѣдующую строфу, написанную несомнѣнно придворнымъ поетомъ:

Maer altoos es in vruechden ryc
Lief bi lief in trouwen ren. j
Een kerel ghort der vruechden geun,

Hi mint den scat, spise ende wun;
Want elc ende elc neemt gerne tsyn ²⁾.

Всегда вмѣстѣ находится любов-
ники

Но мужикъ не желаетъ этой радости,
Онъ находитъ удовольствіе въ день-
гахъ, ѣдѣ и винѣ;

Въ высокой радости, въ чистой
вѣрности,

Ибо всякому человѣку нравится свое.

Тоже можно сказать и о «старой пѣсенкѣ», сохранившейся въ Антверпенскомъ сборникѣ пѣсенъ ³⁾:

1. Een ionck herteken, goet van prijse,
Ghinck voor een ioncfrouwe staen.
Hi seyde: ioncfrouwe, met goeden
avijse

Mer ten mach also niet zijn
Want daer en is mer een alleyn & c.

Mochte ic in uwen boomgaert gaen.
Ick soude van den bladerkens
plucken

3. Hi seyde: wel over schoone ionc-
frouwe,
En verantwoordet niet so fel.
Ick hebbe veel berghen sien
hoogher dalen

Ende die rooskens laten staen.
Si seyde: ionck heere, dat is wel
verstaen

Dandattorreken, datter nederdaelt.
Si seyde: ionck heere, ick gheloo-
ves wel,

Mer ten sal also niet zijn.

Mer ten sal also niet zijn.

2. Daer en is maer eën alleyn,
Die van mynen boomken reyn

4. Daer en is mer eën alleyn & c.
Hi seyde: wel over schoone
ioncfrouwe,

Plucken sal een bladekijn.
Hi seyde: wel over schoone ioncfrouwe,
Laet mi in uwen boomgaert gaen
Ende ic sal van die rooskens plucken

Ick leghhemyn hoeft in uwen schoot
Moechdy mi nu gheen troost gheven,
So blijve ic van trouwe doot.
Si seyde: ionc here, ghi en hebt
gheen noot,

Ende die bladerkens laten staen.

Ghi verliest uwen tijt.

Si seyde: ionck here, dat waer welgedaen.

Daer en is mer eën alleyn & c.

¹⁾ Kalf, 261.

²⁾ Horae Belgicae XI, 59 сл.

³⁾ Daelt, конечно, вмѣсто болѣе древняго vel, нѣм. fic'. См. Franck Mittelnieder-
ländische grammatik § 153.

1. Одинъ доблестный молодчикъ
 Пришелъ къ дѣвицѣ.
 Онъ сказалъ: Дѣвица! Съ добрымъ
 намѣреніемъ
 Могу я пройти въ твой садъ?
 Я хотѣлъ бы сорвать листочка,
 А розы оставить.
 Она сказала: рыцарь! Я хорошо
 понимаю это,
 Но этому не бывать.
 Есть только вѣдь одинъ человекъ,
 Который отъ моего нѣжнаго вуста
 Оторветъ листочекъ.

2. Онъ сказалъ: Хорошо, прекрасная
 дѣвица!
 Позволь мнѣ пройти въ твой садъ.
 Я хочу сорвать розы,
 А листики оставить.
 Она сказала: рыцарь, хорошо было
 бы это,
 Но все же этому не бывать
 Ибо есть только одинъ человекъ и
 т. д.

3. Онъ сказалъ: прекрасная дѣ-
 вица!
 Не отвѣчай такъ дерзко
 Я видѣлъ паденіе многихъ горъ
 болѣе высокихъ,
 Чѣмъ эта башенька, которая пова-
 лилась.
 Она сказала: Рыцарь, я вѣрю
 этому вполне,
 Но все же этому не бывать.
 Только есть одинъ человекъ...

4. Онъ сказалъ: прекрасная дѣвица,
 Я положу свою голову на твои ко-
 лѣни.
 Если ты не можешь дать мнѣ ни-
 какой отрады,
 То я умру отъ любви.
 Она сказала: Рыцарь, — все это
 бесполезно,
 Ты теряешь время.
 Тамъ есть одинъ человекъ и т. д.

Такой дворянскій характеръ носятъ многочисленныя такъ называемыя «сторожевыя пѣсни», въ которыхъ молодой рыцарь тайно посѣщаетъ свою возлюбленную и рано утромъ, когда стражъ поетъ свою «утреннюю пѣсню» — быстро долженъ убираться отсюда, чтобы не быть пойманнымъ ¹⁾). Для образца можно привести слѣдующую пѣсню изъ Антверпенскаго сборника ²⁾:

1. Het viel een coelen douwe
 Tot eender veynster in.
 Tot eender huebscer vrouwen,
 Ghevanghen int herte mijn.
 O lieffelijc ombevanghen ³⁾,
 Staet op ende laet mi in.
 Na n so staet mijn verlanghen
 By dy so wil ick zijn.

2. Dat meysken was beheeynde:
 Si liet den knape in
 So heymelijc op een eynde
 Ai in een camerkijn.
 Daar laghen si twee biden ander;
 Die wile en was haer niet lanc;
 De wachter opter tinnen lach,
 Hi hief op cen liet, hi sancck.

¹⁾ Kalff 281 сл.

²⁾ Horae Belgicae XI, 107 сл.

³⁾ O m b e v a n g h e n безъ боязни.

3. Swyghet, wachter, stille!
 Ick wil u gheven loon.
 Mi duncteen vroulic beelde.
 Des ick gheen rou en hae,
 Si leyt in mijnder her:en,
 Si breket mijnen sin.
 Bi haer so wil ick bliven,
 Si is die liefste mijn.
4. Bi haer so wil ick blijven,
 Bi haer so ben ick gaerne
 Si heeft twee valcken oogen,
 Si is mijn morghensterre.
1. Свѣжая, утренняя роса
 Проникала черезъ окошко
 Къ прекрасной женщинѣ,
 Которая полюбилась моему сердцу.
 —Дорогая, безъ боязни
 Встань ипусти меня.
 Мое желаніе—съ тобою одной,
 Я хочу быть у тебя.
2. Дѣвушка проспѣшила,
 Ипустила пажу
 Наконецъ тайно
 Въ свою комнату.
 Тамъ лежали они оба вмѣстѣ;
 Время для нихъ было коротко:
 Стражъ лежалъ у зубцовъ на стѣнѣ,
 Началъ пѣсню и запѣлъ.
3. Молчи, стражъ,—успокойся!
 Я дамъ тебѣ награду.
 Одинъ женскій образъ,
 —Я въ этомъ не раскаиваюся—
- Si heeft twee witte wanghen ¹⁾
 Ende eenen rooden mont.
 Ons heer god wilse behoeden
 In alder dnecht ghesont.
5. Al voor myns vaders hove
 Daer staen twee boomkens fijn,
 Die een draecht noten mischaten
 Die ander goede nagelkijns.
 Die noten, die sijn soet,
 Die naghelen sijn goet,
 Die wil ic die liefste draghen
 Tot eenen frisschen, vrijen moet.
- Лежить въ моемъ сердцѣ,
 Волнуетъ мою мысль.
 У нея я останусь,
 Она моя возлюбленная.
4. У нея я останусь,
 У нея мнѣ такъ хорошо!
 У нея два соколиныхъ глаза,
 Она моя утренняя звѣзда
 У нея бѣлыя ланиты
 И алыя уста.
 Да сохранить ее Господь Богъ
 Невредимою въ добродѣтели.
5. Передъ дворомъ моего отца
 Стоять два хорошенькихъ деревца.
 Одно имѣетъ на себѣ мускатные орѣхи,
 Другое хорошую гвоздику.
 Орѣхи,—(они) хороши,
 Гвоздика—хороша,
 Все это снесу я любезной
 На свѣжую вольную радость.

Въ другой пѣсни, которая весьма близко стоитъ къ сторожевымъ пѣснямъ, одного молодца пригласила на ночь благородная дѣвица. И дальше пѣсня идетъ такъ ²⁾:

¹⁾ Wanghen—въ текстѣ не даетъ смысла; вмѣсто si heeft twee witte wanghen лучше бы сказать si heeft witte tanden.

²⁾ Noëae Belgicae XI, 145 сл.

5. Den dach die nam een eynde,

Die ionghelino quam al daer,
Met sinen blancken armen
Woude hijse ombevaen.

6. Nu staet, ioncheer, stille

En rijdt mi niet te na!
Ick moet noch eerste weten,
Wat loon ic sonde ontfaen.

7. Bergen ende lant, schoon ionc-
frouwe,

Sal u vrij eygen zyn,
Ende boven alle die daer leven
Suldi die alderliefste zijn.

8. Sal ic boven alle ioncfrouwen

Dijn alderliefste zijn,
So suldy, ridder coene,
Mÿns lijfs geweldich zijn.

5. День уже кончался,

Юноша пришелъ туда,
Своими бѣлыми руками
Хотѣлъ онъ ее обнять.

6.—«Остановись, рыцарь,

И не подходи ко мнѣ слишкомъ близко!
Я должна еще сперва узнать,
Какую награду я получу».

7.—«Горы и земли, красавица,

Будутъ твоими собственными,
И выше всѣхъ тамъ живущихъ
Будешь ты, моя возлюбленная.—

8. Если выше всѣхъ дѣвицъ

Буду я, твоя возлюбленная,
То, смѣлый рыцарь,
Владѣй моимъ тѣломъ.

Такъ она рѣшила, и юноша повелъ ее «подъ зеленую липу», тамъ оба они легли и оставались напролетъ долгую, чудную ночь, пока не наступилъ свѣтлый день. Въ XV-мъ столѣтїи любовныя пѣсня приняла болѣе буржуазный, народный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе грубый характеръ. Теперь уже не благородный рыцарь и не юноша обращается съ вкрадчивыми, льстивыми словами къ возлюбленной, — но какойнибудь торговецъ, мельникъ или солдатъ, выступаетъ въ болѣе молодыхъ любовныхъ пѣсняхъ. Курьезный, но весьма не пристойный образецъ этихъ буржуазныхъ любовныхъ пѣсенъ, представляетъ намъ одна фламандская пѣсенка о бѣдномъ торговцѣ (scamel mersemer), который, выставляя свои товары, заводитъ съ молодой дѣвушкой двусмысленный разговоръ ¹⁾.

Каждая строфа кончается воззванїемъ торговца:

Naelden, spellen, trompen, bellen!
Ie wil mÿn merse hier neder stellen.
Laet zien, of ic vercoren san.

Иголки, булавы, трубы, колокольчики!

Я поставлю здѣсь свои товары,

Посмотрите,—не могу ли я продать—(т. е. не купите ли вы чего).

¹⁾ Kalf 307 сл.

Въ другой пѣснѣ говорится о мельникѣ, который былъ опечаленъ тѣмъ, что никто не приносилъ къ нему ничего молотъ, однако онъ находитъ возможность разсѣяться въ любовной связи съ красивой дѣвушкой (goeluck sheucken) ¹⁾. Лучше кажется пѣсня о молодомъ рыбагѣ, который не можетъ пройти мимо мельницы, не поцѣловавъ молодой мельничихи. Рыбагъ спрашиваетъ, что дурного онъ сдѣлалъ мельничихѣ, зачѣмъ она запрещаетъ ему ходить этой дорогой. Она отвѣчаетъ:

Ghi hebt mi niet misdreven,
Ghi hebt mi niet misdaen,
Maer ghi moet mi driemael soenen,
Eer ghi van hier meucht gaen ²⁾.

Ты ничѣмъ не обидѣлъ меня,
Ты ничѣмъ не оскорбилъ меня,
Но ты долженъ поцѣловать меня три раза
Прежде чѣмъ уйти отсюда.

Очень часто встрѣчаются въ эротическихъ пѣсняхъ XV-го и XVI-го столѣтій всадники и солдаты (landsknechte). Для примѣра можно привести 3 первыхъ строфы пѣсни, которая въ Антверпенской книгѣ пѣсней названа «пуен liedeken» (новая пѣсенка), но восходитъ конечно къ XV-му вѣку.

1. Het reghende seer ende ick worde
nat;
Bi mynen boel sliiep ick te nacht,
Bi mynen boel alleyne. | Ic heb hier so langhe ghestanden;

Mi dunct, dat ic vervrosen ben |
| Ryc god, mocht ick die liefste zyn. | Si liet in den ruyter fyn. |
| 2. Hi clopte voor haer cleyn veyn-
sterkyn:
Staet op, myn lief. ende laet mi in: | In haren blancken armen

Niet si den ruyter wellecoem zyn ³⁾ . |
| 1. Шель сильный дождь, и я промокъ:
У моей возлюбленной проспалъ я
сегодня ночью,
Съ моей возлюбленной вдвоемъ. | «Встань, моя любовь, ипусти меня;
Я стоялъ здѣсь такъ долго!
Мнѣ кажется, что я замерзъ!» |
| О Боже всеильный! Если бы я былъ
ея дорогамъ возлюбленнымъ! | 3. Дѣвушка надѣла рубашку
Она впустила прекраснаго всадника |
| 2. Онъ постукалъ въ ея маленькое
окно: | И въ объятіяхъ своихъ бѣлыхъ рукъ
Приютила она всадника. |

¹⁾ Nogae Belgicae XI, 271 ссл.

²⁾ Kalf 413.

³⁾ Nogae Belgicae XI, 118. Срв. начало одной литовской daina (Leskien-Brugmann 70): Sutems tamsi naktužele, Nudergs dargus oruželis. Kur asz pernakvosiu, nakvunele gausiu? и т. д. Сходство съ нашей пѣсней конечно только случайное.

Большинство пѣсень, въ которыхъ главную роль играетъ простой солдатъ или всадникъ, — носить повѣствовательный характеръ и въ романахъ мы встрѣчали ихъ уже не разъ. Мы должны еще прибавить о нидерландскихъ любовныхъ пѣсняхъ, что въ нихъ поется не только о любовныхъ подвигахъ свѣтскихъ героевъ, — часто и монахъ или пасторъ нарушаетъ свой обѣтъ безбрачія какою либо любовной связью и даже монахини не отказываются порою принимать въ свою монастырскую келью молодого человѣка. Однако на возникновеніе такихъ пѣсень вліяли не только факты изъ дѣйствительной жизни, но и такіе рассказы, какъ напр. рассказъ о бѣдномъ священникѣ (сlegс). Въ наши дни любовныя пѣсни въ Голландіи давно уже замолкли, или пришлось бы такіе романы какъ «я стоялъ на высокой горѣ» — причислить къ этому разряду. Есть также скудные остатки отъ древнихъ любовныхъ пѣсень здѣсь и тамъ въ дѣтскихъ пѣсняхъ, но они потеряли вполне, какъ и слѣдовало ожидать, свой первоначальный характеръ ¹⁾).

III. Историческія пѣсни.

Если часто нельзя бываетъ провести рѣзкой грани между повѣствовательными и любовными пѣснями, такъ какъ сюжетомъ для первыхъ служатъ, по большей части, любовныя исторіи, а вторыя часто принимаютъ характеръ повѣствованія, то историческія пѣсни, наоборотъ, составляютъ совершенно особую категорію, рѣзко отдѣленную отъ другихъ; въ крайнемъ случаѣ, въ нихъ встрѣчаются дѣтскіе мотивы, о которыхъ мы намѣреваемся вкратцѣ поговорить въ 4-мъ отдѣлѣ этой статьи: довольно часто историческія воспоминанія излагались въ стихахъ для дѣтей.

Отъ среднихъ вѣковъ до насъ дошло лишь незначительное количество пѣсень историческаго содержанія; но и ихъ довольно, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ въ былыя времена незамысловатая пѣсня спасала, зачастую, отъ забвенія то или другое событіе, выдающееся въ жизни Нидерландовъ. Такъ сохранилась старая пѣсня, сложившаяся тотчасъ послѣ убіенія голландскаго графа Флориса V, въ которой это убійство описано въ грубыхъ выраженіяхъ. Народъ объясняетъ это убійство иначе, чѣмъ это дѣлаетъ современная историческая наука, и думаетъ, что это злодѣяніе было дѣломъ личной мести и не имѣло никакой политической подкладки. Эта пѣсня дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна — значительно позднѣйшаго происхожденія ²⁾). Болѣе древняя редакція пѣсни начинается такъ:

¹⁾ Срв. ниже.

²⁾ Обѣ редакціи находятся у Hoffmann von Fallersleben. *Nogae Belgicae II*. Древнѣйшая также у Jonckbloot, *Geschiedenis der Nederlandsche letterkunde II*, 292 сл., новѣйшая у van Vloten, *Geschiedzangen I*, 14 ссл. Срв. Kalff 117 сл. и Te Winkel I, 453 сл.

Wie wil hooren een nieu liet?
En dat sal ic u singhen,
Hoe Gheraert van Velsen Graef Floris verriet:
't sijn wonderlike dinghen.

Хотите вы послушать новую пѣсню?
Я вамъ пропою,
Какъ Герардъ-фан-Фельзенъ измѣнилъ графу Флорису.
Это удивительное происшествіе.

Въ пѣснѣ говорится, какъ графъ Флорисъ хотѣлъ принудить дворянина Герарта фанъ-Фельзена жениться на своей прежней любовницѣ. Но Фельзенъ не хотѣлъ и слышать о возлюбленной графа, такъ какъ, говорить онъ: «Ваши старые башмаки мнѣ не годятся». Графъ гнѣвно отвѣчалъ на это:

Ghi sultse draghen, 't si u lief of leet,
Al hadt ghij 't bi uw riddershals ghesworen!

«Вы должны носить ихъ, нравится ли вамъ это или нѣтъ.
Хотя бы вы поклялись вашей рыцарской головою».

Спустя нѣсколько времени Фельзенъ женился на другой, и тогда графъ могъ привести въ исполненіе свой планъ и наставить рога упрямому дворянину Флорисъ зоветь Фельзена къ себѣ, и когда этотъ послѣдній покинулъ свой замокъ, графъ воспользовался удобнымъ случаемъ.

Gheraert van Vesen dorst het laten niet;
Hi reet aen gheen lantsouwe.
Terwijl sliep den grave van Hollant
Al bi sijn overschoone vrouwe.

«Герардъ-фан-Фельзенъ не смѣлъ послушаться
Онъ поѣхалъ въ ту страну.
Тѣмъ временемъ графъ Голландскій почивалъ
У его прекрасной жены».

Конечно оскорбленная дворянка закричала: «Насиліе! Что вы дѣлаете со мною, господины?» но это не помогло:

Srijten en kermen mocht haer baten niet,
Haer eer moest si daer laten.
En doe hi sijn willeken hadde ghedaen,
Reet hi tot Vtrecht al in der straten.

«Ей не помогли крики и вопли,
Она должна была проститься со своей честью.
А онъ, совершивъ свою волю,
Поѣхалъ въ Утрехтъ по столбовой дорогѣ».

Когда Фельзенъ вернулся домой и узналъ о случившемся отъ своей оскорбленной супруги, онъ говоритъ:

Dat hi uw eertje ghenomen heeft,
Dat is u, soete lief, al vergheven;
Ghister was hi mijn heer, nu ben ic de sijn,
En dat sal hem costen sijn leven.

«Что онъ отнял у тебя честь,
Это я тебѣ уже простилъ, милая моя;
Вчера онъ былъ моимъ господиномъ, — сегодня мой чередъ быть его
господиномъ».

Это должно искупиться его смертью».

Далѣе слѣдуетъ описаніе соколиной охоты, на которой графъ былъ захваченъ нѣкоторыми дворянами, и сцена убійства. Последнія строфы рассказываютъ о дальнѣйшей участи фанъ-Фельзена, который выставляется въ пѣснѣ, какъ главный виновникъ убійства.

Een corte wijl was daer niet lanc,
Gheraert van Velsen wiert ghevanghen:
Hi docht so dicwils bi siner eer:
Rijc God, nu sal ic moeten hanghen!

«Короткая минута не затянулась,
Герардъ фан-Фельзенъ былъ схваченъ.
Онъ думалъ такъ часто, клявшися своею честью:
О Боже! теперь я буду повѣшенъ!»

Но «повѣшенія было для него мало», онъ былъ посаженъ въ бочку, обитую изнутри гвоздями, и въ ней его катали въ продолженіи трехъ дней. Передъ смертью его спросили, какъ онъ себя чувствуетъ? Отвѣтомъ его оканчивается древняя пѣсня:

Ное mi nu te moede is?
Dat sal ic u wel segghen:
Jc ben noch al de selve man,
Die Graef Floris sijn jonc leven nam.

«Какъ я чувствую себя?
Это я вамъ выскажу:
Я все тотъ же человѣкъ,
Который отнял молодую жизнь у графа Флориса».

Другимъ примѣромъ нашихъ историческихъ средневѣковыхъ пѣсней можетъ служить та, въ которой описываются поселяне (kegels). Она сложилась,

по мнѣнію ученыхъ, во время войны фламандскихъ крестьянъ (1323—1328) и хорошо выражаетъ то презрѣніе, съ какимъ воинъ смотрѣлъ тогда на своего грубаго и неотесаннаго противника. Вотъ первая строфа этой пѣсни

Wi willen van den kerels zinghen,	't Caproen staet al verdrayt
Si sijn van quader aert;	Haer cousen ende haer scoen ghelap
Si willen de ruters dwinghen,	Wronghele ende wey, broot ende ca
Si draghen enen langhen baert.	Dat heit hi al den dach;
Haer cleedren die zijn al ontnait,	Daerom es de kerel so daes,
Een hoedekin op haer hoofd ghesapt,	Hi hetes meer dan hijs mach,

«Мы хотимъ пропѣть о мужикахъ,	Чулки и башмаки зачинены;
Они дурные люди;	Жидкое молоко и сыворотка, хлѣбъ
Они притѣсняють всадниковъ,	и сырн
Они носятъ длинную бороду.	—Его ежедневная пища.
Ихъ одежды всѣ изорваны,	Поэтому мужикъ таковой дуракъ,
На головѣ у нихъ шляпа,	Онъ ѣсть больше, чѣмъ можетъ».—
Шапочка ихъ вывернута,	

И въ послѣдней строфѣ говорится, что крестьянъ надо учить и вѣшать, такъ какъ борода у нихъ слишкомъ длинна, и они не умѣютъ жить на свободѣ.

Еще надо прибавить, что большинство пѣсней историческаго и политическаго характера возникло впервые въ половинѣ XVI в., когда Голландія была угнетена ужасными казнями «духовнаго судилища» и на каждомъ шагу была оскорбляема въ своихъ правахъ и привилегіяхъ своимъ наследственнымъ государемъ Филиппомъ III (онъ же въ Испаніи—король Филиппъ II). Когда наконецъ народъ возсталъ, когда герцогиня Пармской было вручено прошеніе о смягченіи преслѣдованія еретиковъ, и баронъ Барлемонъ далъ дворянамъ просителямъ кличку «gueux», тогда возникла масса страстныхъ политическихъ пѣсней, въ то время распространяемыхъ смѣлыми приверженцами принца Оранскаго.

Впрочемъ еще вопросъ, принадлежитъ ли большинство этихъ пѣсней къ народной поэзіи: намъ извѣстны авторы многихъ изъ нихъ. Такъ извѣстна военная пѣсня «Slaet opten trommele» (бейте въ барабанъ) принадлежитъ пастору Аренту Дирксену¹⁾; еще болѣе извѣстная «Wilhelmus van-Nassouwe» написана дворяниномъ Филиппомъ ванъ-Марниксъ ванъ-Синтъ-Альдегонде²⁾. Для иностранца не достаточно хорошо знакомаго съ событіями этого періода, эти пѣс-

¹⁾ Van Vloten. Geschiedzangen I, 386 сл.

²⁾ Van Vloten. Geschiedzangen I, 365 сл.

представляютъ также лишь незначительный интересъ. О позднѣйшихъ историческихъ пѣсняхъ много говорить нечего; нѣкоторыхъ изъ нихъ мы воснемся въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

IV. Дѣтскія пѣсни.

Я опасаюсь, что уже слишкомъ долго занималъ русскаго читателя нашими народными произведеніями и потому при изложеніи дѣтскихъ пѣсенъ буду по возможности кратокъ. Относящійся сюда матеріалъ, какъ уже выше упомянуто, собранъ профессоромъ фанъ-Флотеномъ, но еще доселѣ не нашелъ никакого примѣненія. Было бы интересной задачей для нидерландскаго филолога изслѣдовать, въ какой степени замѣтны въ нихъ слѣды старыхъ пѣсенъ или историческихъ событій. Большая часть этихъ пѣсенъ извѣстна только въ новой формѣ, но тѣмъ не менѣе во многихъ вариантахъ, число которыхъ можно увеличивать съ каждымъ днемъ, такъ какъ во всѣхъ частяхъ Голландіи и Фландріи эти пѣсни живутъ еще въ устахъ народа, и еще много времени пройдетъ, пока эти послѣдніе остатки нашей нѣкогда столь богатой народной словесности (folklore) исчезнутъ изъ памяти нидерландцевъ. Дѣтскія пѣсни Голландіи и Бельгіи ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ пѣсенъ сосѣднихъ народовъ: тѣже бессмысленныя слова, тотъ же монотонный речитативъ. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія тѣ пѣсни, которыя поются дѣтьми въ извѣстныхъ случаяхъ и въ праздничные дни. Всѣмъ извѣстна среди такихъ пѣсенъ—пѣсенка Св. Мартина: 11-го Ноября (Св. Мартина) дѣти ходятъ въ городахъ и деревняхъ по дворамъ съ зажженными свѣчами, чтобы выпросить у жителей нѣсколько центовъ, причемъ они поютъ:

Hier woont een rijk man,
Die veel geven kan.
Veel zal hij geven,

Zalig zal hij leven.
Zalig zal hij sterven,
Den hemel zal hij erven.

Здѣсь живетъ богатый человѣкъ
Онъ много дастъ.
Если онъ много дастъ,

То счастливо онъ проживетъ,
Счастливо умретъ
И наследуетъ небесное царство.

Если они ничего не получаютъ, то прибавляютъ еще слѣдующее:

Een zakje met {zemelen,
Een zakje kruit,
Niet hangt de gierige dnivel uit.

Мѣшокъ съ отрубями
Мѣшокъ съ порохомъ,
Здѣсь на вывѣскѣ стоитъ скупой чортъ.—

Также очень известна слѣдующая пѣсенка св. Николая, которую дѣти поютъ въ домахъ вечеромъ 5 Декабря, слѣд. въ канунъ Николина (6 Дек.):

Sinterklaas, goed heilig man,	Van Amsterdam naar Spanje,
Trek je besten tabbaard an,	Appeltjes van Oranje,
Rijd er mee naar Amsterdam,	Peertjes van den hoogen boom.
Sinterklaas is peetoom!	

Святой Никола, блаженный чело-	Привези яблочки изъ Орана,
вѣкъ,	Грушки съ высокаго дерева,
Надѣнь лучший кафтанъ,	Святой Никола — нашь крестный
Отправься въ Амстердамъ,	отець.—
Изъ Амстердама въ Испанію,	

Въ сѣверной Голландіи есть обычай—въ опредѣленный зимній день (при жизни покойнаго короля въ день его рожденія 19-го Февраля) въ деревенскимъ дѣти обходятъ поселянъ, чтобы выпросить немного дровъ и соломъ, и при этомъ поютъ:

Ikkie, tikkie zoo,	Ikkie, tikkie ton,
Voer mag ik een bosje stroo?	Al op het leege land,
Ikkie tikkie tarwe,	Sinte Pieter schoven.
Dan mag jij je komen warmen,	Als je dan niet geven wil,
Dan zal ik het je ontrooven.	

Ики тики, такъ (припѣвъ)	Въ открытомъ полѣ
Можно унести охапку соломъ?	Стоять снопы Святаго Петра.
Ики, тики, хлѣбъ,	Если мнѣ не хотите ничего дать,
Тогда ты можешь прийти погрѣться.	Такъ я самъ возьму ¹⁾ .
Ики, тики, бочка,	

Да и въ дѣтскихъ играхъ употребляется еще много пѣсенокъ, среди которыхъ есть навѣрно очень древнія. Такъ слова слѣдующей пѣсни заключаютъ темное историческое воспоминаніе, которое можно было бы отнести къ 1672 году когда Голландія вела войну съ Англіей и Франціей. Или эта пѣсня можетъ быть болѣе новаго происхожденія и обязана имъ событіямъ 1795 года? Невѣдомъ, но едва ли такъ.

Onder de holle boomen,	Hij draagt een hoed met pluimen.
Daar ligt een Engelsch schip.	Eerst ben ik matroos geweest,
De Franschman is gekomen,	Nu ben ik soldaatje.
Hij is zoo rijk als ik.	Een, tien, dubbele tien,
Ulpe, tulpe, tynen,	Honderd, duizend dertien.

¹ Вечеромъ собранное сжигается большимъ костромъ. Этотъ обычай называется bekenen или въ другихъ мѣстахъ bekenen.

Подъ деревьями съ дуплами
 Лежить англійскій корабль.
 Пришелъ французъ.
 Онъ такъ же богатъ, какъ я.
 Ульпе, Тульпе, тейненъ

Онъ носитъ шляпу съ перьями.
 Прежде я былъ матросомъ,
 Теперь я солдатикъ.
 Разъ, десять, дважды десять,
 Сто, тысяча тринадцать.

Въ этомъ видѣ поютъ ее дѣти въ сѣверной Голландіи, прыгая черезъ веревку (vochten). По Кальфу, который сообщаетъ ¹⁾ вариантъ этой пѣсни, она употребляется и въ той игрѣ, когда одинъ выбирается догонять другихъ и ловить ихъ.

Въ числу болѣе древнихъ дѣтскихъ пѣсней принадлежитъ конечно и пѣсенка: «маленькая, маленькая дѣвчурка» которая, повидимому, является отголоскомъ средневѣковыхъ пѣсней.

Klein, klein kleutertje,
 Wat doe je in mÿn hof?

Jÿ plukt me al de bloempjes af,
 Je maakt het veel te grof.

Маленькая, маленькая дѣвчурка, ²⁾
 Что ты дѣлаешь у меня на дворѣ?

Ты срываешь цвѣточки,
 Ты слишкомъ ужъ шаллива.

Ср. напр. слѣдующія слова въ пѣснѣ: «Жили — были двое королевскихъ дѣтей» «Het waren twee coninckinderen» (Геро и Леандръ)

Mÿn alderjoncste suster,
 Dat is also cleinen kint,
 Si pluct maer al de roosjes,
 Diesi in haer wegen vint.

Si pluct maer al de roosjes
 Eu die bladertjes laet si staen.
 Dan segghen maer alle de lieden:
 Dat hebben coninckinderen ghedaen.

Моя младшая сестра
 —Такой маленький ребенокъ;
 Она срываетъ всѣ розы,
 Что она находитъ на пути.

Она срываетъ всѣ розы,
 И оставляетъ листики.
 И тогда говорятъ всѣ люди:
 Это сдѣлали королевскія дѣти.

и уже приведенныя выше слова изъ древней любовной пѣсни:

Mochte ic in uwen boomgaert gaen,
 Ick soude vanden bladerkens plucken
 Ende die rooskens laten staen & c.

Если бъ я попалъ въ вашъ садъ,
 Я сталъ бы срывать листики,
 И оставлять розы.

¹⁾ Kalf 547.

²⁾ Kalf 547.

Въ заключеніе этой статьи я сообщу очень старинную дѣтскую пѣсенку въ двухъ вариантахъ; оба встрѣчены мною въ сѣверной Голландіи:

Heb je wel gehoord van den hollen bollen wagen,
Waar die groote Gijs op zat? (тоже: hongerige gys).
Hij kon schrokken tien pond brokken (anders: groote brokken),
Zeven kannen bier en een pot vol smeer.
Нар, zei de beer, en ik lust nog meer.

Слышали-ли вы о славной повозкѣ,
Въ которой сидѣлъ большой Гейсъ? (иначе: голодный Гейсъ).
Онъ можетъ съѣсть десять фунтовъ всякой всячины (иначе:
большихъ кусковъ)

Выпить семь чаръ пива и покончить съ горшкомъ сала.—
Пожалуйте поѣсть, сказалъ медвѣдь,—я хочу еще больше.

Другой вариантъ вмѣсто двухъ послѣднихъ строкъ имѣеть:

Een koe en een kalf en een dood paard half,
Een os en een stier, zeven tonnen bier,
Een hok vol schapen, een schip vol gapen,
En nog kon die Gijs van den honger niet slapen.

Корову и теленка, половину мертвой лошади,
Быка и вола, семь бочекъ пива.
Стойло полное овецъ, корабль полный рѣпы,—
И все же Гейсъ отъ голода не могъ заснуть.—

Этихъ немногихъ примѣровъ вполне достаточно для общаго представленія о нашихъ дѣтскихъ пѣсняхъ, и этимъ я считаю поконченной свою задачу— дать очеркъ нидерландской народной пѣсни древней и новой.

Амстердамъ, Дек. 1892 г.

К. К. Уленбекъ.

ОТДѢЛЪ II.

Мордовская свадьба.

(Продолженіе).

Третій вечеръ.

Начинается такъ-же, какъ и въ предыдущіе вечера:

Мень седей кирьдезь санимешъ!

.....

1. Промодо, яганъ, промодо!
Сэръ лажамо тарказонъ,
Промодо, оянъ, промодо!
Сэръ вальмамо тарказонъ.
5. Ужокъ марясинь, ялгинень,
Московъ баяга вайгеленкъ
Ужокъ марясинь, оинень,
Мазы цишовка вайгеленкъ.
Лисиксэлень каршозонкъ,
10. Лисиксэлень срѣчамонкъ,
Бояръ-аваксь чимъ мартонъ арасель.
Мазыксь-пароксь чимъ мартонъ ара-
сель.
Аволъ тукшинось, ялгинень,
Кафто енга шабрава
15. Ломанъ превень вешнемъ,
Ломанъ превень кевнемъ:
Соньсинзэ-якъ ульнесеть, ялгинень,
Паро превень максинзэ,
Паро превень ѳтынзэ.
20. Бояръ-аваксь-чимъ, ялгинень,
Вере, вере утомоль,
Веръ утомонъ цюлансоль,
Цюланъ мазы вальматоль,
Ашо кеньде алонзоль,
25. Сіань мукоръ пильгалонзоль,
Тужо тевзэ кецэнзель,—
Ашо коневъ коцтозо,
Коневъ сѣрматъ артонзо
Сіань салмуксь кецэнзэ
1. Собирайтесь, мои подруженьки соби-
райтесь!
На причитанье моего тѣла,
Собирайтесь, мои голубушки, собирай-
тесь!
На оплакиванье моего стана.
5. Давно я слышу, подруженьки,
Московскіе колокола—ваши голоса.
Давно я слышу, голубушки,
Пріятные бубеньчики—ваши голоса.
Хотѣла выйти я на встрѣчу вамъ,
10. Хотѣла выйти я встрѣтить васъ,
Моего дѣвчества со мной не было,
Моей красоты со мной не было.
Не уходило оно, подруженьки,
На двѣ стороны—по шабрамъ.
15. Искать чужаго ума-разума,
У чужихъ ума спрашивать
И у самой были, подруженьки,
Доброму уму наставляющіе,
Доброму уму научающіе.
20. Мое дѣвчество, подруженьки,
Было въ самой верхней клѣти,
Въ верхней клѣти во чуланѣ,
У краснаго окна (того) чулана,
Подъ нимъ была кошма бѣлая,
25. Подъ ногами стулъ серебряный.
Въ рукахъ у него дѣло спорое,—
Бѣлая бумага—холстъ его.
Картинки на бумагѣ—узоры его.
Въ рукахъ его серебряна игла,

30. Парцій суре песэнзэ
Салмукскесэнть явафты,
Мишарасонть кешельди.
Пшкалинь, пшкалинь сонъ эзь пшеать,
Терьдинь, терьдинь эзь терьденьть.
35. Совьтемензэ эзинь лисеть
Тынкъ каршонокъ, ялгинень,
Совьтемензэ эзинь лисеть
Тынкъ сръчамонкъ, оввень.
Илимизь-га осудя,
40. Илядо-я пеняця.
Аштеде, ялганъ, ёфниса,
Кода теде веде монъ удмынь,
Целе веде икеле,
Сотакшъ морамодо мейле
45. Сайтець лембе монъ вельксамъ,
Штатаць танштей удомомъ.
Вачтынъ пиря пенезэнь,
Пиря песэнь ащи озадо
Воярь-аваксь-чимъ, ялгинень,—
50. Тарганъ пая лавксонзо,
Кумажась путозь рущязо,
Сахъянсков котать пильксэнзэ,
Нусманьгадозь шачозо,
Аварьдезь ащи кургозо.
55. Вачтынъ пильге пенезэнь,
Пильге песэнь, ялгинень,
Урексь-чись ащи озадо:
Кумажавя полязо,
Кочкарява нулавзо,
60. Кенерева ожанзо,
Суръ-пирява нулавзо;
Левге лутковъ карензэ,
Левшъ нулынень карьксэнзэ;
Веселгадозь шачозо,
65. Пеедезь ащи кургозо.
30. Нитка шелковая вѣта въ нее
Иголкой она водить,
Мишурой узоры выводитъ.
Я кликала, кликала—не докликалась,
Я звала, звала—не дозвалась.
35. Безъ него не вышла я,
Подруженьки, на встрѣчу вамъ,
Безъ него не вышла я,
Голубушки, встрѣтите васъ.
Не судите вы меня,
40. Не пеняйте на меня.
Постойте, подруженьки, узнаю вамъ,
Какъ я спала въ эту ночь:
Ранѣ полуночи,
Послѣ пѣнья пѣтуковъ
45. Снялося теплое мое одѣянье,
Прервался мой сладкій сонъ.
Взглянула я на свое изголовье,
У изголовья сидитъ
Мое дѣвичество, подруженьки:
50. Рубашечка на ней расшитая,
Руца ея до колѣнъ украшена,
На ногахъ ноги сафьяные,
Лицо его опечалено,
Уста его плаксивыя.
55. Посмотрѣла я къ ногамъ,
У ногъ моихъ, подруженьки,
Сидитъ замужество:
До колѣнъ у ней рубашечка,
До пятокъ ея лохмотья,
60. До локтей ея рукава,
Вровень съ пальцами лохмотья;
Изъ лутошки лапты его,
Изъ мочалокъ его оборы
Лицо его веселое,
65. Уста его смѣющіеся.

Въ Нижегородской губерніи (с. Великій Врагъ—Ине лей) записано тоже самое съ слѣдующимъ лишь прибавленіемъ:

1. Вачтынъ пильге пенезэнь,
Пильге песэнь, ялгинень,
Урексь чись ащи озадо:
Лукшти лавсесь пильксэнзэ,
5. Ризанъ парго вакснѣзэ,
Каль коренонъ кечкассо,
Тумо-тарадъ салмукссо.
Ризать-рязать эй цантли.
Ве семствэзэ сый чуди,
10. Омбоцетъ верь колыги.
Калмовъ сонъ-гакъ эй кищи!
12. Модавъ сонъ-гакъ эй моры!
1. Взглянула я къ своимъ ногамъ,
У ногъ моихъ, подруженьки,
Сидитъ замужество:
Ногой ово качаетъ колыбель,
5. Возлѣ него коробъ съ доскутьями,
Ивовый корень—крючекъ его,
Дубовый сукъ—игла его,
Доскутья оно пришиваетъ.
Изъ одного глаза гной течетъ,
10. Изъ другого—каплетъ кровь.
Могильное—п оно пляшетъ!
12. Земляное—и оно поетъ!

Послѣ этого невѣста встаетъ съ своего мѣста, отыскиваетъ въ толпѣ замужнюю женщину—свою сноху или родственницу и проситъ ее рассказать ей про замужество. Женщина начинаетъ причитывать, а невѣста тѣмъ временемъ подходитъ съ такой же просьбой къ другой, третьей—ко всѣмъ родственницамъ (замужнимъ). Женщины окружаютъ невѣсту и въ нѣсколько голосовъ причитываютъ.

Невѣста причитываетъ:

<p>1. Аштеде молянъ, ялгинень,
Килей пулова якамо,
Килей роцава пакамо;
Муанъ а муанъ, ялгинень,
5. Моньценъ кондыамо килейне,
Кона килейсть, ялгинень,
Таратвензэ нуварать,
Доппинензэ одажатъ,
Кошткефтеше коськени,
10. Вармафтомо либорды,
Се килейстенъ монъ поводянь,
Се килейстенъ монъ нежедянь.</p> | <p>1. Постоите пойдю, подруженьки,
По березовой чащѣ ходити,
По березовой роцѣ прохаживаться;
Не найду-ли я, подруженьки,
5. На себя похожую берёзоньку,
У которой березы, подруженьки,
Вѣточки обвислыя,
Листочки пожелтѣвшіе,
Безъ воздуха которая высыхаетъ,
10. Безъ вѣтра которая качается,
Къ той березѣ я повисну,
Къ той березѣ прислонюсь я.</p> |
|--|---|

При этомъ обѣ руки кладетъ на плеча замужней женщины и продолжаетъ: (въ это же время начинаетъ причитывать и женщина та).

<p>Сакая, урькай, сакая!
Сакая, авкай, сакая!
15. Ёфтылика, урькай, ёфтылика,
Ёфтылика, авкай, ёфтылика,
Кодамо сонъ уресь чись,
Кодамо сонъ вардокъ чись.
Ёфтылика, урькай, ёфтылика,
Ломанъ тетясь кодамо,
20. Ёфтылика, авкай, ёфтылика,
Ломанъ авась кодамо.
Ёфтылика, урькай, ёфтылика,
24. Ломанъ семиясь кодамо.</p> | <p>Подойди ка, сношенька, подойди!
Подойди ка, матушка, подойди!
15. Расскажи ка, снисьенька, расскажи!
Расскажи ка, матушка, расскажи!
Каково оно—замужество-то?
Какова она—жизнь-то замужняя?
Расскажика, сношенька, расскажи,
20. Каковъ чужой-то отецъ?
Расскажи, матушка, расскажи,
Какова чужая-то мать?
Расскажика, сношенька, расскажи,
24. Какова чужая-то семья?</p> |
|---|--|

Женщина въ отвѣтъ невѣстѣ причитываетъ:

<p>1. Ёфтылиса, дугай, ёфтылиса,
Кодамо сонъ уресь-чись;
Ёфтылиса, дугай, ёфтылиса,
Кодамо сонъ вардокъ чись:
5. Ве ёвдо сонъ ванюсто,
Кизэ чинь сонъ кондыамо;
Маней чинь сонъ кондыамо;
Малезонзэ пачкодять,
Эзэзонзэ эшкевать—
10. Книинь потковсъ поткуватанзатъ,
Ковь пандова кусьятганзатъ.
Ёфтылиса, дугай, ёфтылиса,
Ломанъ тетясь кодамо:
Ве ёвдо сонъ ванюсто,</p> | <p>1. Расскажу, голубушка, расскажу,
Каково оно—замужество-то,
Расскажу, голубушка, расскажу,
Какова жизнь-то замужняя:
5. Со стороны на нее смотрѣть—
Она какъ лѣтній день,
Она какъ ясный день,—
А подойдешь къ ней поближе,
Да столкнешься съ ней—
10. Въ желѣзныя подковы закуеть,
На каменну гору заставитъ лѣзть.
Расскажу, голубушка, расскажу
Чужой-то отецъ каковъ:
Со стороны на него смотрѣть—</p> |
|--|---|

15. Инечинь-чинь коньямо;
Малазонзо пачкодять,
Эзээнзэ эшкевать—
Ломань тетясь, душнемъ,
Благой пуршнень коньямо,
20. Пшти ёндолонь коньямо,
Бути серьгеди лангозотъ,
Арамсь тарка а муять.
Аштемсь тарка а муять.
Ефтьлиса, дугай, ёфтьлиса,
25. Ломань авась кодамо:
Ве ёнде сонъ ванюсто,
Таньтей ярцамонь коньямо,
Седсь педи ярцамонь коньямо;
Малазонзо пачкодять,
30. Эзээнзэ эшкевать,
Ломань авась, душнемъ,
Пици палаксонь коньямо.
Бути сонъ товть пицитязатъ,
Шлязь-гакъ, дугай, а шляви,
35. Коцькерезь-гакъ а коцькеревь.
Ефтьлиса, дугай, ёфтьлиса,
Ломань семіась кодамо:
Ве ёнде сонъ ванюсто,
Мазы одюжань коньямо,
40. Пери одюжань коньямо.
Малазонзо пачкодять,
Эзээнзэ эшкевать,
Чикезэнзэ леніять:
Бути ютатъ, дугинемъ,
45. Кудонь куватъ эрекеть,
Сестъ мери семіась:
Перекладнокъ сынтьсынъзе,
Ало мостюкъ меньсынъзе;
Бути ютатъ урядна,
50. Сестъ мери семіась:
А усксвить пылгензэ,
52. А каньлеви принезэ.
15. Онъ какъ первый день пасхи;
А подойдеш къ нему поближе,
Да столкнешься съ нимъ—
Чужой-то отецъ, голубушка,
Какъ гроза сердитая,
20. Какъ молнія острая:
Если крикнешь на тебя,
Не найдешъ мѣста встать.
Не найдешъ мѣста сѣсть.
Разкажу, голубушка, разкажу,
25. Чужая-то мать какова:
Со стороны на нее смотрѣть—
Она—какъ ѣда сладкая,
Она—какъ ѣда вкусная,
А подойдешъ къ ней поближе,
30. Да столкнешься съ ней—
Чужая-то мать, голубушка,
Она—какъ крапива жгучая,—
Если она обожжетъ тебя—
И мытьемъ, голубушка, не смоеся,
35. И скобленемъ не соскоблится.
Разкажу, голубушка, разкажу,
Чужая-то семья какова:
Со стороны на нее смотрѣть—
Она—какъ платье красивое,—
40. Она—какъ платье къ лицу.
А подойдешъ къ ней поближе,
Да столкнешься съ ней—
Задохнешься въ ея запахъ:
Если пройдешъ ты, голубушка,
45. По избѣ-то скорѣхонько,
Тогда скажутъ семейные:
Поломаеть перекладнины,
Половицы перегибѣтъ.
А пройдешъ ты тихохонько—
50. Тогда семейные скажутъ:
У ней ноги не таскаются,
52. Голова у ней не носится.

Въ Пензенской губерніи слоха въ отвѣтъ золовкѣ причитывають: (деревня Новая Пырма Саран. уѣзда).

1. Парынемъ, дугинемъ,
Парынемъ, азоръ авинемъ!
Ужо парыямъ, ёфниса,
Кодамо ятсо эрямось,
5. Кодамо ятсо ащемась:
Икелевь сыргатъ—некъ бойкатъ,
Мекевсь кадувать—вузаксать,
Маргостъ друкъ молятъ—тонъ сѣв-
нать.
1. Золовушка, ты моя голубушка!
Золовушка, ты моя хозяйюшка!
Постой, золовушка, разкажу,
Каково житьѣ-то у чужихъ,
5. Каково бытѣ-то у чужихъ:
Впередъ пойдешъ—слишкомъ бойкая,
Позади останешься—ты лѣнивая,
Съ ними вмѣстѣ идешъ—ты ругаешься.
Пусть врагъ испытаетъ, золовушка,
10. Душманьць неессэ, парыямъ,
10. Душманьць арьцессэ, дугинемъ,
10. У чужого отца жизнь-то;
Пусть врагъ себѣ желаетъ, голубушка,

- Ломань авасо ащеманьтъ:
 Ятсо-чужойсѣ, парьянъ,
 Стад(о) удуманъ удмыцятъ,
 15. Яказъ пекень пештицятъ.
 Аварьтъ, аварьтъ, парьянъ,
 Тиринь тетятъ кудосо,
 Шкинень аватъ икеле:
 Сыненцтъ жалне маряватъ,
 20. Сыненцтъ мила неаватъ.
 Ятсо-чужойсѣ, парьянъ
 Кинень-габъ жалъ а маряватъ,

- У чужой матери житье-то.
 На сторонѣ—у чужихъ,—золовушка,
 Люди стоя спяцѣ,
 15. Ходя наѣдающіеся.
 Плачь, плачь, моя золовушка,
 Въ домѣ батюшки родимаго,
 Передъ матушкой родимой:
 Имъ ты жалкой покажешься,
 20. Имъ ты милой покажешься;
 На сторонѣ—у чужихъ, золовушка,
 Никому ты жалкой не покажешься,

Въ Тамбовской губерніи сноха причитываетъ: (село Нороватово Темников. уѣзда).

1. Ломань тетясь-авасъ, парынъгемъ,
 Типаксъ-нармыньсѣ сынъ кортытъ,—
 Сурсость нефтитъ—акучить,
 Сельмсѣсть кончтитъ—атердить.
 5. Салмукъ песѣ вшинге максытъ,
 Пеедь прясѣ салъ почодытъ:
 Пилъге сурсѣсть кеишке панъжить,
 Кочкарасѣсть кеишке сѣлгить.
 Смыеть келезѣсть атъ чаркодятъ,
 10. Смыеть валозѣсть атъ содатъ.
 Маштытъ прясѣо прывыгетъ,
 Ешитъ курксто валынъгетъ.
 Лофашкады, парынъгемъ,
 Экстеръ умаръ чаминъгетъ.
 15. Дѣкушунъ, парынъгемъ,
 Пар(о) калаца шачинъгетъ,
 Тонъсѣтъ солы, парынъгемъ,
 18. Пар(а) пеняда тельнъгетъ.

1. Чужіе-то отецъ-мать, золовушка,
 По птичьему они говорятъ:
 Пальцемъ покажутъ—посылаютъ,
 Глазомъ мигнутъ—призываютъ;
 5. На концѣ иглы—хлѣбъ даютъ,
 На концѣ ножа посыпаютъ соль.
 Пальцами ногъ дверь отворяютъ,
 Пятками—дверь затворяютъ.
 Языка ихъ ты не знаешь,
 10. Разговора ихъ не поймешь ты.
 Пропадетъ умъ въ головѣ твоей,
 Съ языка пропадутъ слова твои.
 Поблекнетъ, моя золовушка,
 Красная ягода—личико твое,
 15. Опадутъ, моя золовушка,
 Какъ калачъ хорошій—щечки твои,
 Растаетъ, моя голубушка,
 18. Большая печь—тѣло твое.

Четвертый вечеръ.

-

 1. Промодо, яганъ, промодо,
 Сѣрь лажамѣ тарказонъ!
 Промодо, оянъ, промодо,
 Сѣрь вальмамѣ тарказонъ;
 5. Умокъ учанъ монъ эснанкъ,
 Мейсѣ а сагадо тынъ курокъ,
 Мейсѣ безарьдиде эстэдень?
 Пазонъ чизѣ іешка,
 Нишкенъ чизѣ кафтошка:
 10. Вельтъ пекъ скушна самнемъ,
 Вельтъ пекъ тошна мушнемъ:
 Чопъ ваньнъ монъ вальмава;—
 Вальмасѣ кадовсѣтъ монъ сидьменъ,
 Пельдасѣ кадовсѣтъ монъ суръ-прянь,
 15. Вальма манкъ сизѣсть кенерень,
 Эземсѣ педасѣтъ вумажанъ...

1. Собирайтесь, подруженьки мои, собирай-
 тесь!
 На оплакиванье моего тѣла,
 Собирайтесь, голубушки мои, собирай-
 тесь,
 На причитанье моего стана.
 5. Давно жду я васъ, подруженьки,
 Отчего такъ долго не идете вы?
 Отчего меня покинули?
 Божій день съ годъ (кажется),
 За два года день Создателя:
 10. Скука страшная взяла меня,
 Тоска сильная напала на меня:
 Цѣлый день я смотрѣла въ окно,—
 Въ окнѣ остались глаза мои,
 На рамѣ остались пальцы мои,
 15. На подоконникѣ устали (стоять) локти
 мои.
 Къ лавкѣ пристали колѣнки мои.

- Ушокъ марьясынъ, ялгинень,
 Московъ баяга вайгеленкъ;
 Вачтынъ вальма чирева, —
20. Московъ порятвасъ кувалма
 Мазы ялганъ кепетець,
 Ашо диганъ полк(о)къ сынъ сыргасъ.
 Котова таргазь сынъ паласъ,
 Клетка марготъ сынъ рупяць;
 25. Ашотъ цюлкасъ каштордыть,
 Сафьянойтъ котасъ чикордыть;
 Мазы моротъ сынъ морыть,
 Васолдо-якъ маравить...
 Вачтынъ омбоце вальмава:
30. Цѣра ялганъ кепетець, —
 Седить мазы седямсо;
 Поярышнойтъ чапность,
 Подяпейсъ каркесазъ сынъ каркесость,
 Крымской шапкаты сынъ прясость,
 35. Чикордыть кемъ сынъ пильксасъ.
 Вачтынъ колмоце вальмава, —
 Ниже дуганъ кепетець,
 Гульканъ полкоксъ сынъ сыргасъ.
 О, ялгинень — оинень!
40. О, ялгинень — душнень!
 Лисикскелень каршонькъ,
 Лисикскелень вастомонъ —
 Визьдинъ монъ, ялгинень,
 Эсъ панстома пирядонъ:
45. Виде килей тынкъ сэренькъ,
 Мазы сряпка уставонъ,
 Якстеръ (е) умаръ тынкъ чаманъ,
 Мако лопатъ тынкъ рудянкъ,
 Вачтынъ сэрень кувалма, —
50. Пайстома сэрень нувара,
 Мазы тусомъ олана.
 Вачтынъ ашо паланъ ланекъ,
 Ашо паланъ румакацъ,
 Клетка рупякъ олакацъ.
55. Сесъ эзнь листь каршонькъ,
 Сесъ эзнь листь срачамонъ.
 Илямизъ-га осуда,
 Илядо-я пеняца.
 Аштеде. ялганъ, ёфниса.
60. Кода чизе печтѣя,
 Кода шкантъ ютафтыя:
 Лисинь — совинь, ялгинень,
 Диринь — тетянь кардазга.
 Кордазонъ вить пелензъ
65. Шачозъ мазы поляна.
 Ниле ряцо тикшезъ:
 Пильге лавава — ташто гавданзо;
 Карькъ тапардамга — цяпоръ тикшезъ;
 Кумажава — карьсъ тикшезъ;
- Давно я слышу, подруженьки,
 Московскіе колокола — ваши голоса:
 Взглянула я въ край окна, —
20. Вдоль улицы Московской
 Красавицы подруги мои поднялися,
 Стаей бѣлыхъ гусей онѣ двинулися:
 Въ шесть полосъ вышиты ихъ руба-
 шечки,
 Клѣтками украшены ихъ рупи,
 25. Бѣлые чулочки ихъ шурчатъ,
 Башмачки сафьяновые скрипятъ.
 Красивыя пѣсни онѣ поютъ,
 Издалека онѣ слышатся...
 Взглянула я въ другое окно:
30. Поднялися парни — мои товарищи, —
 Играютъ на красивой музыкѣ.
 Чапаны ихъ поярочные,
 Кушавами по-барски опоясаны,
 На головахъ ихъ шапки крымскія,
 35. На ногахъ — сапоги скрипучіе.
 Взглянула я въ третье окно:
 Сестрички мои поднялися,
 Голубиной стаей онѣ двинулися.
 О, подруженьки — мои голубушки!
40. О, подруженьки — мои душеньки!
 Хотѣла выйти я на встрѣчу вамъ,
 Хотѣла выйти встрѣтить васъ.
 Постыдилась я, подруженьки,
 Своей головушки несчастной:
45. Вашъ ростъ — береза прямая.
 Вашъ станъ — скрипка красивая,
 Ваши личики — ягоды красныя,
 Ваши руди — какъ маковъ цвѣтъ.
 Посмотрѣла я на себя.
50. Мой несчастный ростъ поблекъ,
 Мое лицо красивое — потускнѣло,
 Посмотрѣла я на свою рубашку бѣлую,
 Рубашка бѣлая потемнѣла;
 Рупа клѣтчатая полинала.
55. Потому не вышла я на встрѣчу вамъ,
 Потому я васъ не встрѣтила.
 Не осудите вы меня,
 Не пеняйте на меня.
 Постойте, подруженьки, расскажу,
60. Какъ сегодняшній день я провела,
 Какъ я это время провела:
 Ходила я, подруженьки,
 По двору батюшки родимаго;
 На дворѣ, на правой сторонѣ
65. Уродилася красивая поляна:
 Въ четыре ряда трава ея, —
 По ступню — отава старая;
 По оборашъ — трава богородская;
 По колѣна — ширей трава;

70. Карсамова мопа тикшезэ;
Се полянавьтэ кучкасо
Ашо—мазы килея,
Се килейст ало, ялгинень,
Боярь-аваксь-чимь ащи озадо.
75. Котова таргазь паля со,
Кумажась путозь рудасо,
Коморо цеци кецэнзэ,
Трoвицянъ каштась прясонзо.
Нусмангадозь мацозо,
80. Аварьдезь ащи кургозо.
Вачтынъ монъ, ялгинень,
Вере пазонть чизэ ланксь,—
Пазонъ чизэ а вере,
Ншкенъ чизэ а вере,—
85. Тукшнось чи-пазь тетянтэнъ,
Тукшнось ншкше авантэнъ.
Тетязо учи эснэнзэ,
Лись орта ланксь каршонзо:
Сырнень венець прясонзо,
90. Сянъ маудо кецэнзэ,
Якстереть кемть пильксэнзэ.
Авазо лись каршонзо:
Сянъ венець прясонзо,
Пижень маудо кецэнзэ,
95. Пижень котатъ пильксэнзэ.
Саязь пазость, ялгинень,
Кафто пельде—кавалдо,
Кафтъ кедь ланксо сынъ кандызь,
Эземь пирасть озафтызь.
100. И кельганзо таргасть тарганъ столь,
Ацастъ ашо столешникъ,
Сянъ блюда столанксь пуцть,
Кафтъ садумарьтэ эснэнзэ.
Тукшнось диринъ тетязо
105. Садовой пенгень керамо;
Тукшнось ваньнъ авазо
Писи банянь уштомо.
Истя учить чи-пазонъ,
Истя эрвьить чи пазонъ:
110. Лись тетязо каршонзо,
Лись авазо каршонзо
Монъ тетямъ безарьць эстэдешъ,
Авамъ безарьць эстэдешъ.
Синенць жаль а шаряванъ,
115. Синенць жаль а неяванъ.
70. По поясъ—трава листовая;
По среди этой поляны
Стоитъ бѣлая, красивая береза,
Подъ этой березой, подруженьки,
Сидятъ мое дѣвичество:
75. Въ шесть полосъ вышитая рубашка
на ней,
До колѣна украшена рука его,
Въ рукахъ его пучекъ цвѣтовъ,
На головѣ вѣнокъ Троицянъ.
Лицо его опечаленное,
80. Уста его плаксивыя.
Взглянула я, подруженьки,
На солнце бога вышняго,—
Невысоко божье солнышко,
Невысоко солнце создателя,—
84. Уходило солнце-богъ къ отцу,
Уходило солнце-богъ къ матери.
Поджидаетъ его батюшка,
Къ воротамъ вышелъ на встрѣчу ему:
На головѣ его золотой вѣнецъ,
90. Въ рукахъ его палка серебряная,
На ногахъ его сапоги красные.
Вышла мать на встрѣчу ему:
На головѣ ея вѣнецъ серебряный,
Въ рукахъ у ней палка жѣдная,
95. На ногахъ у ней коты зеленые.
Взяли они бога, подруженьки,
Съ двухъ сторонъ—подъ рученьки,
На двухъ рукахъ понесли его,
На переднюю лавку посадили его.
100. Передъ нимъ столь выдвинули,
Бѣлой скатертью накрыли;
На столь поставили блюдо серебряное,
Два яблока садовыхъ на немъ.
Уходилъ его батюшка родимый
105. Садовыя дрова рубить,
Уходила его матушка родимая
Теплу банюшку топить.
Такъ ожидаютъ солнце-бога,
Такъ встрѣчаютъ солнце-бога:
110. Вышелъ отецъ на встрѣчу ему,
Вышла мать встрѣчать его.
Отецъ мой отвернулся отъ меня,
Мать моя охладѣла ко мнѣ.
Они жалости ко мнѣ—не чувствуютъ,
115. Имъ жалкой я не кажусь.

Послѣ этого невѣста обращается или къ своимъ подругамъ, съ просьбой помочь ей причитывать, или къ снокъ и къ другимъ замужнимъ женщинамъ—разсказать ей про житье-бытье замужнее. Окончаніе вечера такое же, какъ и въ первые вечера.

Послѣдній вечеръ.

Послѣдній вечеръ, т. е. вечеръ наканунѣ самой свадьбы, въ виду предстоящихъ многимъ причитаній невѣстѣ, бываетъ весьма кратокъ. Въ этотъ вечеръ невѣстѣ необходимо отдохнуть, такъ какъ утромъ, съ самой полуночи, она опять должна начать свои причитанія и уже безъ отдыха продолжать ихъ до обѣда слѣдующаго дня, т. е. до того времени, когда ее женихъ увезетъ изъ дома ея родителей. Поэтому въ этотъ вечеръ особыхъ причитаній не бываетъ; начинается онъ такъ же, какъ и первые вечера: «меня седей кирдезь... промодо, ялганъ, промодо». По окончаніи начала невѣста въ нѣсколькихъ словахъ высказываетъ подругамъ свое горе и потомъ предлагаетъ имъ, по примѣру первыхъ вечеровъ, отправиться вмѣстѣ съ ней по березовой рощицѣ гулять. Подруги вмѣстѣ съ ней выходятъ къ воротамъ. У воротъ невѣста приглашаетъ своихъ подругъ на свадьбу въ слѣдующихъ причитаніяхъ:

<p>1. Аштеде, ялганъ, аштеде
Тыненкъ накасъ наказанъ,
Тынепкъ прикасъ приказанъ:
Валцке рана стимосто</p> <p>5. Ашотъ пацать сюлседе,
Тарганъ палать орчледе,
Лиседе тынь, ялгинень,
Диринь тетянкъ орта ланксъ,
Вачтадо тынь, ялгинень,</p> <p>10. Диринь тетянь турба ланксъ:
Бути лиси, ялгинень,
Ашо—мазы качамо,—
Сестъ, ялганъ, аволь монъ кисъ,
Диринь авашъ стряпань,</p> <p>15. Кудосо семиянь кисъ стряпань.</p> <p>Бути лиси, ялгинень,
Віевъ штурма качамо.
Сестъ кепеди, тетянь
Покшъ поминкать монъ кисъ.</p> <p>20. Пастоймо лешень монъ ливи.
Сестъ садо, ялгинень,
Мазы лемень ливамо,
Мазы лемень кундамо,
Илядо учо терьдимать,—</p> <p>25. Арасъ кучмо монъ таркамъ,
26. Арасъ шожда носоломъ.</p> | <p>1. Пстойте, подруженьки, пстойте!
Я вамъ наказъ накажу,—
Я вамъ приказъ прикажу:
Какъ вы завтра встанете,</p> <p>5. Платки бѣлые повяжите,
Рубашки вышитыя надѣньте,
Выходите вы, подруженьки,
За ворота своего батюшки родимаго,
И посмотрите вы, подруженьки,</p> <p>10. На трубу моего батюшки родимаго:
Если будетъ выходить, подруженьки,
Красивый, бѣлый дымъ,—
Тогда, подруженьки, не для меня
Моя родимая матушка стряпаеть,</p> <p>15. Она стряпаеть на свою семью доман
но
Если же будетъ выходить, подруженьки,
Сильнымъ вихремъ дымъ,
Тогда мой батюшка собираетъ
Большія поминки по мнѣ,</p> <p>20. Мое несчастное имя поминать.
Тогда приходите и вы, подруженьки,
Мое красное имя почтить,
Мое красивое имя помянуть.
Вы не ждите приглашенья,—</p> <p>25. Мнѣ не кого за вами послать,
26. У меня нѣтъ посла легкаго.</p> |
|--|--|

Этимъ заканчиваются вечернія предсвадебныя причитанія; съ слѣдующаго утра должна начаться самая свадьба. Вечернія причитанія расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ они записаны мною отъ моей матери и другихъ лицъ; но этотъ порядокъ и объемъ каждаго вечера—не суть постоянные: они мѣняются по усмотрѣнію невѣсты; причитанія четвертаго вечера, напримѣръ, невѣста можетъ причитывать во второй и въ третій вечеръ, или причитанія четырехъ вечеровъ она можетъ разбить на гораздо большее или меньшее число вечеровъ, смотря по времени, какое илется невѣстѣ въ распоряженіи.

Всѣ причитанія, за исключеніемъ весьма немногихъ указанныхъ вариантовъ, записаны въ селѣ Малыхъ Кармалахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи. Нѣтъ с

живнія, что въ общемъ они далеко не полны; въ этомъ я убѣдился во время прошлогодней своей поѣздки по мордовскимъ селеніямъ разныхъ губерній; къ сожалѣнію въ эту поѣздку мнѣ удалось записать весьма немного вариантовъ предсвадебныхъ причитаній; во первыхъ потому, что главною цѣлью моей поѣздки было изученіе мокшанскаго нарѣчія мордовскаго языка; во вторыхъ потому, что вечернія причитанія, какъ несвязанныя съ обрядами, скорѣе забываются. Наоборотъ, свадебныя причитанія имѣютъ крѣпкую связь съ обрядами свадьбы—служать поясненіемъ ихъ,—потому они въ болѣе цѣлости сохраняются и въ памяти отдѣльныхъ лицъ. Въ настоящее время у меня имѣются свадебныя причитанія, записанныя въ четырехъ селахъ губерній: Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской; причитанія эти, при нѣкоторомъ дополненіи, могли-бы составить четыре самостоятельныя эрзянскія свадьбы.

Мнѣ представляется, что свадебныя причитанія мордвы въ извѣстной степени есть остатки древней старины; языкъ и изложеніе ихъ весьма поэтичны—для мордвина, конечно. Въ переводѣ-же (сознаюсь), при всемъ моемъ стараніи, мнѣ едва ли удалось передать колоритъ и красоту подлинника, особенно потому, что я старался сдѣлать переводъ какъ можно болѣе точнымъ и близкимъ подлиннику, чтобы всякій легко могъ отыскать по переводу соответствующія слова и выраженія въ подлинникѣ.

(Продолженіе будетъ).

Народная свадьба въ Толвуйскомъ приходѣ, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

Обычаи и причитанья.

Извѣстно, что время народной свадьбы, будучи посвящено съ обѣихъ брачующихся сторонахъ, приготовленіямъ, приему и угощенію гостей, посѣщенію родственниковъ, свадебнымъ весельямъ, вмѣстѣ съ этимъ соединяется съ различными обычаями и сопровождается—со стороны невесты, ея родственницъ и подругъ—причитаньями.

Свадебные обычаи народа и причитанья возбуждали и возбуждаютъ интересъ въ людяхъ, интересующихся бытовою жизнью нашего простонародья. И, дѣйствительно, какъ обычаи, такъ и причитанья народной свадьбы—не лишены интереса. Интересъ ихъ въ томъ, что они составляютъ наслѣдіе предковъ ихъ потомкамъ. Постепенно устанавливались при свадьбахъ обычаи, сообразно съ условіями жизни народа слагались свадебныя причитанья, и переходили отъ одного поколѣнія къ другому. Народъ, вѣрный завѣтамъ старины, слѣдовалъ и продолжаетъ¹⁾ слѣдовать установившимся обычаямъ и сохранять сложившіяся причитанья.

Въ настоящее время многое изъ того, чѣмъ сопровождается народная свадьба, отчасти можно считать уже и неизвѣстнымъ. То, что въ прежнее время считалось вполне понятнымъ, какъ слѣдствіе народной жизни, теперь, съ измѣненіемъ взглядовъ и условій этой жизни, на первый взглядъ кажется смѣшнымъ, или, по меньшей мѣрѣ, наивнымъ. Возьмемъ, наприимѣръ, свадебныя причитанья. Въ нихъ дѣвица-невеста высказываетъ грусть о томъ, что ей приходится разстаться съ волей дѣвичьей, говорить, что ея волю будутъ отнимомъ отнимать, жалуется на родителей и родственниковъ, что они противъ ея воли порѣшили отдать ее «за остудника млада сына отцааго», что они, позарившись на жите жениха, скоро вадумали совѣтъ на думу крѣпкую; въ мрачныхъ

¹⁾ Въ послѣднее время среди нѣкоторыхъ изъ молодого поколѣнія можно замѣтить отчасти холодность и какъ-бы пренебреженіе къ обычаямъ старины. Молодые люди различныя свадебныя порядки и причитанья считаютъ наивными, и не прочь бы покончить со всемъ этимъ, сыграть свадьбу безъ всякихъ причитаній. Но старшіе, особенно женщины, сочувствуя всему старинному, наставляютъ и наблюдаютъ, чтобы все о свадьбѣ шло по старому установившемуся порядку.

красках рисуетъ невѣста свою будущую жизнь на чужой, дальней сторонѣ и все въ этомъ родѣ. Подобнаго рода причитанья имѣли смыслъ, когда дѣвицу выдавали въ замужество за немиллаго, противъ ея воли, по усмотрѣнію родителей, когда замужняя жизнь женщины была далеко не такъ приглядна, какъ теперь, когда на жену смотрѣли почти какъ на рабу. Теперь же дѣвица въ большинствѣ случаевъ выходитъ въ замужество по своей волѣ, на предстоящую ей замужемъ жизнь она не можетъ много сѣтовать, такъ какъ въ настоящее время во многомъ и значительно измѣнились взгляды и отношенія мужчины къ женщинѣ. Въ виду сказаннаго причитанья такого содержанія, какъ указано выше, могутъ вызвать только улыбку¹⁾. Зная, что дѣвица идетъ въ замужество по своей волѣ, и слыша, какъ она жалуется на всѣхъ и все, всякій ясно сознаетъ, что слова дѣвицы не могутъ вполне соответствовать ея душевному настроенію, и что она, едва-ли сама то сознавая, разыгрываетъ роль «подневольной красной дѣвицы».

Но интересъ къ народнымъ свадебнымъ обычаямъ и причитаньямъ отъ такого притворенія, можно думать, нисколько не измѣняется. Важно не то, что свадебные обычаи и причитанья не имѣютъ полного примѣненія къ современной жизни народа, а важное значеніе ихъ заключается въ томъ, что въ обычаяхъ сказывается духъ, а въ причитаньяхъ духъ и творческая дѣятельность нашего русскаго народа. Съ этой стороны интересъ къ народнымъ обычаямъ и причитаньямъ не уменьшается, а, напротивъ, долженъ еще болѣе возрастать.

Въ виду всего сказаннаго, я полагаю, безъинтересно будетъ прослѣдить за ходомъ народной свадьбы, гдѣ, какъ завѣтъ предковъ потомкамъ, удержаны различные обычаи и причитанья.

Такъ какъ свадебные обычаи и причитанья далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ одинаковы, и особенность въ свадебныхъ обычаяхъ и причитаньяхъ можно замѣтить даже въ селахъ недалеко отстоящихъ другъ отъ друга, то поэтому, ведя рѣчь о народной свадьбѣ, надобно имѣть въ виду ту или иную отдѣльную мѣстность.

Въ настоящей статьѣ уважемъ тѣ обычаи²⁾ и приведемъ тѣ причитанья, которыми сопровождается свадьба въ Толвуйскомъ приходѣ (Петрозаводскаго уѣзда, Олонец. губ.) и его окрестностяхъ.

Въ большинствѣ случаевъ сватовству, какъ съ жениховой, такъ и съ невѣстной стороны предшествуютъ семейныя совѣщанія, обсужденія, разузнаванія. Оттѣнокъ и содержаніе этихъ предварительныхъ совѣщаній понятенъ и извѣстенъ всѣмъ, а потому останавливаться на нихъ не будемъ, а поведемъ рѣчь о свадьбѣ прямо со сватовства.

Сватовство.

Въ назначенный для сватовства день, родственники жениха, собравшись у послѣдняго, отправляются на-домъ къ невѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ участвуютъ въ сватовствѣ только близкіе родственники жениха: братъ, невѣстка, зять, сестра (замужняя, а сестры-дѣвицы—нѣтъ), дядя, тетка, крестный отецъ, крестная мать. Изъ родителей ѣздитъ сватать только отецъ, мать же въ очень рѣдкихъ случаяхъ (наприм., когда по дальности разстоянія невѣста ей неизвѣстна). Предъ отъѣздомъ родители благословляютъ сына хлѣбомъ-солью, а сынъ, въ знакъ покорности, кланяется имъ въ ноги. Выѣстъ съ такимъ ограднымъ явленіемъ имѣетъ мѣсто и явленіе съ суевѣрнымъ характеромъ. При

¹⁾ Справедливость требуетъ оговориться, что и въ настоящее время далеко не улыбку вызываютъ причитанья невѣсты на устахъ женщинъ. Напротивъ, замѣчается, что причитанья возбуждаютъ въ нихъ скорбное, новосолое чувство, и сердце навортываются на глазахъ ихъ слезы.

²⁾ Такъ какъ суевѣріе сгустило свѣтъ себѣ гнѣздо и при свадьбахъ, то уважемъ и тѣ суевѣрные обычаи, которые пришлось намъ замѣтить, или о которыхъ мы слышали и значенію которыхъ намъ объяснили.

отъѣздѣ изъ дому въ карманъ жениха полагаютъ женскій головной уборъ—повойникъ. Дѣлается это въ тѣхъ видахъ, чтобы не получить отказа со стороны невѣсты ¹⁾.

Пріѣхавъ въ деревню, гдѣ живетъ невѣста, сваты пріѣзжаютъ или прямо къ ней на домъ, или останавливаются въ постороннемъ домѣ (последнихъ случаевъ больше). Въ случаѣ, если остановятся не въ домѣ невѣсты, то посылаютъ кого-либо (чаще хозяина дома, въ которомъ остановились) съ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ и просьбой принять ихъ сватать. Обыкновенно точнось же ихъ приглашаютъ. Когда сваты придутъ въ домъ невѣсты, то отецъ ея, а если его нѣтъ, то старшій въ домѣ, по обычаю, проситъ ихъ садиться. Поблагодаривъ за предложеніе сѣсть, старшій свать говоритъ: «Не сидѣтъ мы пріѣхали, а за добрымъ дѣломъ—за сватовствомъ, у васъ есть дѣвица-невѣста, у насъ женихъ-молодецъ, нельзя ли ихъ въ мѣсто скласть». Или: «Мы слышали, что у васъ есть товаръ, а у насъ есть покупатель-купецъ на тотъ товаръ и проч.». Выслушавъ такое заявленіе свата, родители спрашиваютъ невѣсту о ея согласіи. Если невѣста скажетъ, что она согласна выйти, то отецъ объявляетъ, что дѣло ихъ можетъ состояться, что онъ радъ породниться, если только они сойдутся въ условіяхъ. Условія слѣдующія. Прежде всего отецъ невѣсты спрашиваетъ: «Много ли денегъ дадите на блюдо?» На предложенный вопросъ отецъ или кто-либо другой со стороны предлагаетъ сказать, сколько они желали бы получить. Невѣстину отецъ назначаетъ сумму, съ жениховой стороны предлагаютъ менѣе и просятъ скинуть. Затѣмъ, одна сторона скидываетъ, другая прибавляетъ и въ концѣ-концовъ сходятся въ условіи о деньгахъ. Женихъ выдаетъ выраженную сумму своему будущему тестю. Количество денегъ, уплачиваемыхъ женихомъ при сватовствѣ, различно. Богатые даютъ, относительно, значительныя суммы, а бѣдные сообразно со своимъ достаткомъ. Обыкновенно даютъ отъ 3-хъ до 50-ти рублей. Пятьдесятъ рублей сумма уже значительная и даются не часто. Богачи же даютъ по 100 и по 200 рублей ²⁾.

Второе условіе—о дарахъ. Но этотъ вопросъ рѣшается скоро и почти всегда безъ особыхъ разсужденій. Со стороны жениха скажутъ, сколько лицъ надобно одарить и кому какіе подарки, и родители невѣсты соглашаются исполнить согласно желанію. Надобно при этомъ сказать, что дары не выраживаются отцу, матери, братьямъ, сестрамъ (хотя бы и замужнимъ) и др. односемейнымъ жениха, а также крестному отцу и крестной матери. Всѣмъ имъ дары даются безъ всякихъ условій. Выраживаются же дары только родственникамъ, не живущимъ въ одной семьѣ съ женихомъ. Когда ряда закончена, деньги получены, гости въ снова предлагаютъ садиться, и тогда они садятся. Послѣ заключенія условій (ряды) бываетъ благословеніе. Зажигаютъ лампадку или свѣчку, приводятъ невѣсту къ жениху, и они, ставъ предъ иконою, молятся, равно какъ и другіе присутствующіе. Помолвившись, женихъ и невѣста обращаются къ родителямъ, и тѣ благословляютъ ихъ св. иконою и хлѣбомъ-солью. Послѣ благословенія невѣста кланяется отцу и матери въ ноги, и въ заключеніе состоявшагося благословенія, женихъ и невѣста цѣлуются ³⁾.

По окончаніи благословенія, гостей начинаютъ угощать чаемъ, а гдѣ и кофе. Женщины въ это время готовятъ пироги (сучать пироги, какъ выражаются въ Заонежьѣ) и ячницу, какъ необходимыя кушанья за обѣдомъ въ день сватовства. Последнее кушанье готовится, конечно, если сватовство бываетъ не въ среду и пятницу.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, Петрозаводскаго же уѣзда, садясь предъ отъѣздомъ за столъ, на который положены хлѣбъ и соль, каждый изъ собравшихся сватать беретъ изъ солонки немного соли и ѣсть, затѣмъ всѣ встаютъ, помолятся и блудъ.

²⁾ Сказать что либо опредѣленное о выраживаемыхъ деньгахъ—трудно. Обыкновенно выражаются объ этихъ деньгахъ дуюко: «деньги за невѣсту», «деньги подъ дары». Выраженіе «деньги за невѣсту» говоритъ за то, что деньги служатъ какъ бы выкупомъ за невѣсту, подобно тому какъ и въ библейскія времена женихъ долженъ былъ давать за невѣсту выкупъ—вѣно. Но, следуя второму выраженію надобно предположить, что выраживаемыя деньги имѣютъ совсѣмъ другое предназначеніе, т. е. имѣются въ виду расходы на свадебные подарки. Кажется, что выраженныя деньги по преимуществу предназначаются «за дары», такъ какъ сообразно суммѣ денегъ бываетъ качество подарковъ.

³⁾ Иногда на благословеніе приглашается священникъ. Въ этомъ случаѣ, по окончаніи краткаго молебствія, священникъ благословляетъ жениха и невѣсту св. крестомъ, а затѣмъ уже благословляютъ и родители.

Невѣста же, поцѣловавъ жениха, отходитъ въ задній уголъ ¹⁾, и отсюда начинается причитывать. Она сѣтуетъ, что родители дали благословеніе на ея бракъ, жалуется, что ее лишаютъ воли, хотятъ волю отнимомъ отнимать, говоритъ, что родители выдаютъ ее какъ-бы потому, что она имъ напрокучила, онѣ рады выдать ее изъ-за корыстныхъ цѣлей и въ концѣ-концовъ приглашаетъ подругъ подойти къ ней и взять у ней «волюшку д рочечную», съ которой ей приходится разставаться навсегда. Вотъ это причитанье:

«Какъ сего денечка Господня
У моихъ желанныхъ у родителей
Не муравьтесь-ко жаратки ²⁾ муравейные,
Вы не дымитесь-ко огни огнепалачіе,
Не гори-тко ты лучинушка сосновая,
Не топясь-ко ты свѣща (свѣча) да передъ
Господомъ,
Ты не сдѣнься-ко ³⁾ нынче ⁴⁾ правая
рученька
У моихъ милыхъ, желанныхъ родителей,
Выше плечъ на младу да на головушку,
Съ головушки на ретиво да на сердечушко,
Отъ сердечушка на правое на плечушко ⁵⁾.
У моихъ вѣрно у желанныхъ у родителей
Изъ свинцу(а) да ножки вылиты,
Изъ желѣза ручки скованы,
Крѣпко каменно сердечушко положено,
Что дали идти да ножки рѣзвыя,
Во почетный во большой уголъ,
Что сдѣнулись ручки бѣлыя
Зажигать свѣщу предъ Господомъ,
Какъ я дочи-невольница
Первый разъ да поклонилася,
Моя волюшка на головушкѣ да покатила,
Второй разъ я поклонилася,
Моя волюшка съ головушки скатилася,
Третій разъ я поклонилася—
Отъ меня вола да укатилася ⁶⁾.
Теперь я дѣвушка раслакалалася,
Моя волюшка да разсудьякалась ⁷⁾:
Ты умѣла, красна дѣвица,
Меня волюшку повьдрочить,
Не умѣла, красна дѣвица,
Меня волюшку не выпустить.
Посудьячу ⁸⁾ невольна красна дѣвушка
На своихъ да на желанныхъ родителей:

Вы отнимомъ мою волю отнимаете,
Вы урывомъ мою волю урываете,
Знать ⁹⁾ до зла-горя я вамъ напрокучила,
Знать женатые мной да похвалялися,
Аль холостые надо мной насмѣялися,
Что вы сняли мою волюшку съ головушки?
Знать хлѣбушки у васъ я всѣ прѣбла?
Золоту казну у васъ я приточила,
Я ужъ добрыхъ коней приставовила,
Я повозниковъ у васъ да притомила;
Аль несчастлива дочи у васъ я въ домѣ была,
Для меня вѣрно невольной красной дѣвицы
На полѣ у васъ да хлѣба не родило,
На дворѣ вѣрно скотины не плодилось.
Какъ избудете желанные родители—
На полѣ будутъ стоги да трехгодовые,
Во амбарахъ-то засѣки хлѣба поляные,
Полонъ дворъ будетъ рогой скотинушки,
Двѣ конюшенки ступисчатыхъ лошадушокъ,
У васъ скопится золота казна безсчетная,
Богатые вѣдь будете вы, да именитые...
Вы растроньтесь-ка, люди добрые,
Вы растроньтесь-ка, люди православные,
Пропустите-тко невольну красну дѣвушку.
Отъ меня нуль ¹⁰⁾ невольной красной
дѣвушки
Дубовы поля да погибаются.
Миѣ пройти было въ угрюмый, задній
уголокъ,
Миѣ-ка сѣсть на бросову бѣду лавочку,
Миѣ подумать крѣпку думушку,
Миѣ призвать было милыхъ подруженекъ,
Пораздать было бажену свою волюшку.
Подойтите-тко души да красны дѣвицы,
Не убойтесь-ко подневольной красной
дѣвушки,

¹⁾ Уголъ у печки.

²⁾ Жаратокъ—одинъ изъ угловъ, находящійся ближе къ дымовой трубѣ—въ передней части русской печи, куда сбрасываются горячіе угли,—жаръ.

³⁾ Не поднимись.

⁴⁾ Нынѣ, теперь.

⁵⁾ Хотя и нѣтъ упоминанія о лѣвомъ плечѣ, но ясно, что рѣчь идетъ о крестномъ знаменіи, которое только что было совершено при благословеніи.

⁶⁾ Послѣ благословенія дѣло считается окончатально рѣшеннымъ и слѣдовательно вола дѣвицы уже «укатилася»...

⁷⁾ Пенять, сѣтовать.

⁸⁾ Тоже—сѣтовать—пенять.

⁹⁾ Вѣрно?—должно быть.

¹⁰⁾ Нуль = нынѣ, теперь.

Вы возните-тко бажену мою волюшку,
 Вы возните-тко теперь да стерегите-тко:
 Моя волюшка была вѣдь ужъ баженная,
 Вѣдь я дѣвушка у родителей дроченая.
 Будто смиръ въ маслѣ я каталася,
 Изъ цѣла въ меду валялася.

Нынче-жь съ волюшкой лебедушка,
 разсталася...
 Нуль неволице волей похваляюся.
 Подъ началъ возьму невольну красну
 дѣвицу,
 Въ ногахъ стопчу бажену вольну волюшку.

Окончивъ причитанье, невеста подходитъ къ столу и садится рядомъ съ женихомъ. Послѣ чаепитія слѣдуетъ ужинъ (въ большинствѣ случаевъ сватовство бываетъ по вечеру). За ужиномъ сватамъ даютъ подарки, за которые они полагаютъ на тарелку деньги. Деньги идутъ въ пользу отца невесты. Послѣ ужина сваты, уговорившись о днѣ вѣнчанія, возвращаются на домъ къ жениху. На обратномъ со сватовства пути уже звенятъ колокольчики, возвѣщая объ успѣшномъ окончаніи поѣздки.

Но, конечно, не всегда сватовство увѣнчивается успѣхомъ. Иногда, какъ говорится, приходится сватамъ сдѣлать отъ воротъ поворотъ. Явятся на домъ къ невестѣ, заявить ей родителямъ о желаніи породниться, а имъ отвѣчаютъ положительнымъ отказомъ. Въ такомъ случаѣ некогда уже бываетъ угощаться, если даже и предлагаютъ угощеніе. Сваты-неудачники поскорѣе стараются убраться безъ лишняго шума и сраму домой. Не всегда только это имъ удается. Кто-либо изъ досужихъ зрителей, предвидя такой результатъ сватовства, уже заранѣе подготовитъ чашку квасной гущи. Когда же послѣдуетъ отказъ, то прежде чѣмъ сваты успѣютъ возвратиться къ своимъ экипажамъ,—въ одинъ изъ нихъ уже бываетъ вылита гуща. Такимъ образомъ, въ деревнѣ, не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ оправдывается выраженіе о неудачной поѣздкѣ сватовъ, — «съ гущей возвратились». Когда же гущи не припасутъ, то полагаютъ, для насмѣшки, въ сани сватовъ старую борону, или что-нибудь подобное. Рѣдко (лишь) удается сватамъ послѣ отказа уѣхать безъ какой-либо поклажи.

Не всегда дѣло сватовства оканчивается въ одинъ день. Иногда родители невесты, по какинъ-либо видамъ, не рѣшаются дать сразу окончательный отвѣтъ. Въ такомъ случаѣ, угостивъ сватовъ какъ слѣдуетъ, родители невесты просятъ дать имъ срокъ обдумать и обсудить, общая датъ въ такой-то день отвѣтъ. Родственники жениха или соглашаются обождать нѣсколько дней, или же бываютъ не согласны на это по недостатку остающагося до поста свадебнаго времени, или и потому, что заранѣе предвидятъ для себя неблагоприятный исходъ, а въ просьбѣ отстрочить усматривается благовидный и болѣе деликатный для отказа предлогъ. Но больше случаевъ, когда соглашаются обождать. Въ назначенный для окончательнаго отвѣта день, если свадьбѣ быть, то родители и ближайшіе родственники невесты собираются и ѣдутъ къ жениху «съ приказомъ». Пріѣздъ родственниковъ невесты къ жениху уже самъ по себѣ говоритъ, что дѣло приняло благоприятный исходъ. Объ этомъ не замедляютъ заявить и пріѣхавшіе. Ихъ, какъ дорогихъ гостей, принимаютъ и угощаютъ чѣмъ только могутъ.

Когда же родители невесты не согласны выдать дочь, то жениху посылается отказъ. Увѣдомляютъ обыкновенно чрезъ какого-либо не родственнаго, посторонняго человека. Наблюдаются нерѣдко и такіе случаи, что съ отказомъ не посылаютъ никого, — и женихъ заключаетъ объ отказѣ изъ того, что въ назначенный день не было дано никакого отвѣта. Пождавъ еще день-другой послѣ назначеннаго для отвѣта срока и пождавъ бесполезно, женихъ примиряется съ мыслью объ отказѣ.

Отъ сватовства—до дня вѣнчанія.

На другой день послѣ того, какъ бываетъ рѣшено, что свадьба состоится, невеста начинаетъ посѣщать родныхъ. Цѣль посѣщенія—лично ¹⁾ пригласить родственниковъ на «унылую свадьбу», на «слезливое ширваньце», какъ выражается она въ причитаньѣ.

¹⁾ Если родственники живутъ далеко отъ невесты верстъ за 25—50, тогда невеста не ѣздитъ сама приглашать, а кто либо другой.

Вмѣстѣ съ невѣстой ѣздятъ обыкновенно и ея подруги. Последнія дорогой распѣвають протяжныя и нѣсколько унылыя пѣсни. При посѣщеніи невѣста старается соблюсти порядокъ въ приглашеніяхъ. Первой всегда приглашается крестная мать, затѣмъ ближайше родственники и наконецъ подруги. Конечно, соблюдается порядокъ въ приглашеніяхъ только отчасти. Поѣздка къ роднымъ продолжается различно. Иногда невѣста посѣтитъ всѣхъ родныхъ въ одинъ день, иногда же потребуется на это два и болѣе дней, — смотря по тому, много-ли родни, далеко-ли живутъ другъ отъ друга и побуждають-ли свадебное время спѣшить, или нѣтъ. Если поѣздка продолжается нѣсколько дней, то на ночь все же невѣста въ каждый день возвращается домой.

Въ то время какъ невѣста посѣщаетъ и приглашаетъ родственниковъ, и женихъ въ свою очередь также ѣздитъ къ своимъ родственникамъ ¹⁾ и, какъ выражается народъ, собираетъ народу ²⁾. Происходитъ это слѣдующимъ образомъ. Посѣтивъ родственника, женихъ приглашаетъ его на свадьбу, и послѣ угощенія ѣдетъ къ слѣдующему родственнику, а вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ и приглашенный родственникъ. Изъ втораго дома родственниковъ ѣдутъ въ третій — женихъ и два представителя родственныхъ домовъ и т. д. Такимъ образомъ вокругъ жениха собирается въ концѣ концовъ вся родня или порода.

Если въ одинъ день не успѣютъ пригласить всѣхъ родственниковъ, то на ночь разъѣзжаются по домамъ. На другой же день собираются снова въ условленное мѣсто и продолжаютъ поѣздку какъ и наканунѣ. Когда же бываетъ собрана вся родня, тогда они изъ дома жениха возвращаются къ домамъ своимъ до дня вѣчанія.

Слѣдя за поѣздкой невѣсты къ роднымъ и приглашеніемъ ихъ на свадьбу, вниманіе прежде всего должно быть остановлено на тѣхъ причитаньяхъ, которыми сопровождается отъѣздъ невѣсты изъ дому, пріѣздъ къ родственникамъ, пребываніе и отъѣздъ отъ нихъ и возвращеніе въ родительскій домъ ³⁾.

Выѣзжая изъ своего дома, невѣста, какъ бы представляеть, что она ѣдетъ въ гости къ родственникамъ безъ всякой особенной цѣли, — какъ ѣздилъ въ теченіи своей дѣвической жизни, — съ такими словами обращается къ матери:

«Ты прости, прости, родима матушка,
Я ѣду въ сердечное гостиблице,
Ко крестной своей матушкѣ ⁴⁾.
Дай мнѣ пальца да точеныя,

Дай пголочку да волоченую,
Дай трубу холста да столокютную ⁵⁾:
Прогощу я у крестной матушки
Урочныхъ три недѣлюшки».

Прогнѣвъ эти, не соответствующія дѣйствительности слова, невѣста ѣдетъ къ крестной матери, какъ сказано выше, въ сопровожденіи подругъ-дѣвицъ. Подѣхавъ къ дому крестной матери, дѣвицы берутъ невѣсту подъ руки и направляются въ домъ. Въ сѣняхъ невѣсту встрѣчаетъ крестная мать съ образомъ и хлѣбомъ-солью. Увидѣвъ крестную мать, невѣста закрываетъ платкомъ глаза и начинаетъ причитывать. Прежде всего она какъ бы выражаетъ радость, что «на сѣняхъ ее обжидаютъ», — «на крыльцѣ ее вострѣчаютъ»; затѣмъ уже стѣуетъ на крестную мать, что она и родители ея (невѣсты) «скоро вздумали совѣтъ, да думу крѣпкую», «скоро сдѣлали ручное рубоитьице»; не въ привлекательномъ видѣ рисуетъ жизнь «за остудникомъ, младымъ сыномъ отецкиимъ, къ семьѣ котораго надобно «золотомъ присмиаться и жемчугомъ присаждаться», — тогда только можно въ честь попасть, и въ заключеніе говорить, что схватятся впоследствии они, т. е. ея родители и крестная мать, да будетъ поздно.

Приведенныя мысли причитанья выражаются такъ:

¹⁾ Первымъ приглашается крестный отецъ.

²⁾ Родня.

³⁾ Родственники и родственницы невѣсты не сопровождаютъ ее послѣ приглашенія, какъ принято сопровождать жениха.

⁴⁾ Къ крестной матери, какъ было замѣчено ранѣе, невѣста ѣдетъ къ первой. Но если поѣздка продолжается нѣсколько дней, то, отъѣзжая во второй день, въ причитанья упоминаеть ту родственницу, къ которой намѣревается ѣхать прежде другихъ.

⁵⁾ Сто локтей длины.

«Слава Богу, слава Господу,—
 На снѣжкѣ меня обжидаютъ,
 На крыльцѣ меня встрѣчаютъ.
 Ты желанна крестна матушка!
 Я прѣехала къ тебѣ въ сердечное гостибъще,
 Я не въ перво нуль, а во послѣднее,
 Я прѣехала со стадомъ лебединымъ,
 Со совѣтными со милыми подружками,
 Со милыми свѣтушками,
 Со братцами со родимыми.—
 Ты слушай-ко, желанна крестна матушка,
 Ты какъ была на ручномъ моемъ да руко-
 битьицѣ ¹⁾

Я несу гнѣвъ невольна красна дѣвица
 На тебя, крестова матушка,
 Что скоро вздумали ²⁾
 Совѣтъ да думу крѣпкую,
 Что скоро сдѣлали
 Ручное челобитьице.
 Вы бы думали урочный долгій годичекъ,
 Вы бы дѣлали ручное рукобъитьице
 Цѣлу вешнюю недѣлюшку,
 А то у васъ думушка была часовая,
 А мнѣ опирушка будетъ вѣковая.
 Я несу гнѣвъ невольна красна дѣвица,—
 Что вы скупъ взяли съ млада сына отецкаго.
 Ты, желанна крестна матушка,
 Ты отъ креста меня да принимала,
 Ты вѣдь заповѣдь велику полагала,
 Что стѣной стоять буду городовою;
 Нуль же измѣну сдѣлала,
 Желанна крестна матушка,
 Промѣняла меня на великое неволице.
 Вы вѣдь глузу-молоду меня теперь про-
 сватали,
 Вы заботой обваботили,
 Вы неволей обневоляли.

Когда невѣста закончитъ причитывать, крестная мать благословляетъ ее иконою, и затѣмъ крестница проходитъ въ комнаты. Здѣсь, какъ невѣстѣ, такъ и подругамъ ея, бываетъ предложено угощеніе. Откушавъ предложеннаго хлѣба-соли (или напившись чаю), невѣста садится въ большой уголь и, причитывая, такъ благодаритъ за угощеніе:

«Спасеть Богъ тебя, да крестна матушка,
 За хлѣбъ за соль, за столовое угощеньице,
 За питья да за медовыя,
 Да за кушанья сахарныя.
 Ты приняла меня теперь—да не по-старому

Я какъ слышала, невольна красна дѣвица,
 Какъ о чужой-то сторонушкѣ,
 Объ остудникѣ младомъ сынѣ отекшемъ:
 Темны ноченьки во картахъ онъ проигры-
 вать
 Вѣшни красны дни въ кабакѣ онъ просижи-
 ваетъ;

У нихъ вздорная семья, не однодумная.
 Вы на что, на что позарались?
 Вы на что, на что укинулись?
 Вѣрно, я вамъ надоѣла, напрокутила,
 Просидѣла ваши лавочки дубовыя,
 Проглядѣла я косивчаты окошечки,
 Приустали ваши ступисчаты лошадушки,
 Принаскучила любимымъ я повозникамъ.
 Какъ на чужой на дальней на сторонушкѣ,
 Надо силушку туда звѣриную,
 Мнѣ работать тамъ надо по лошадинному
 Надо золотомъ къ семьѣ да присыпаться,
 Надо жемчугомъ къ семьѣ да присаждаться,
 Тожно ³⁾ въ честь приду невольна красна
 дѣвица,

На остудну чужу сторону.
 А какъ я бы,—моя крестна матушка,
 Возрастала у желавныхъ родителей
 Я бы въ вольной жила волюшкѣ...
 Не умѣю я корить ретиваго сердечушка,
 Не умѣю клонить младаго головушки,
 Не подѣ силу будетъ мнѣ тяжелая рабо-
 тушка,

Я вѣдь возрастомъ малешенька,
 Умощь-разумощь глупешенька,
 Мои годы молодешеньки;
 Не созрѣла я въ бору, да будто ягода,
 Будто птичка буду въ клятку я посажена,
 Будто рыбка буду въ сѣтку я заловлена.
 Вы вѣдь схватитесь тогда, да не воротите ⁴⁾.

Не по старому—да не по прежнему.
 Я не въ перво теперь,
 Да вѣдь въ послѣднее.
 Научижь меня, желанна крестна матушка,
 Жить на остудной чужой сторонушкѣ».

¹⁾ Слова этой строки не причитываются, если крестная мать не была въ домѣ невѣсты при благословеніи.

²⁾ Родители ея, крестная мать и другіе родственники.

³⁾ Тогда только...

⁴⁾ Поворотъ.

Во время этого причитанья, крестная мать садится рядомъ съ невѣстой и дарить ей свадебный подарокъ ¹⁾. Подарки даются сообразно состоянію. Принимая подарки невѣста причитываетъ:

«Не подарочкомъ меня ты подарила,
А съ волюшкой-красой ты разлучила».

Послѣ этого невѣста собирается уѣзжать. Одѣвшись она подходитъ къ крестной матери, и приглашаетъ ее пожаловать на ея свадьбу.

«Ты пожалуй, желанна крестна матушка, На унылу-честну свадьбу,
Ко мнѣ,—къ невольной красной дѣвицѣ, На слезливое пированьице».

Наконецъ, выходя изъ квартиры, невѣста, имѣя въ видѣ, что она выходитъ изъ этого дома дѣвицей въ послѣдній разъ,—прощается въ такихъ выраженіяхъ съ домою, гдѣ она была дорогой, желанной гостьей:

«Ты прости, прости, сердечное гостиб- Ты прости меня, желанна, крестна матушка,
ице, Я не въ перво теперь нуль,—въ послѣднее...
Прости, сладкое да уѣданыце, Западеть моя путь—широка дороженька
Прости, нѣжное мое да высырныце. Въ это сердечное гостибныце».

При посѣщеніи и приглашеніи другихъ родственницъ происходитъ то же, что и у крестной матери. Если имѣть въ виду различіе въ наименованіяхъ родственницъ и родственницъ, и нѣкоторое самое незначительное различіе въ выраженіяхъ, то этимъ исчерпывается вся особенность причитаній невѣсты при посѣщеніи того или другаго родственнаго дома. Содержаніе же—одно и то же: тѣ-же сѣтованія на родителей и родственницъ, тѣ-же печальныя думы о недалекомъ будущемъ, та-же благодарность за угощеніе и прежнее сердечное гостепріимство и т. под.

Только посѣщая подругъ своихъ, невѣста причитываетъ иначе. Встрѣченная подругою опять-же въ снѣгахъ, невѣста проситъ принять ее не въ первый разъ, а въ послѣдній; затѣмъ проситъ подругу взять ея дѣвичью «вольну-волюшку», но потомъ предполагаетъ, что подруга крѣпнѣе ея волю, выйдя сама замужъ, а потому намѣревается посѣять волю подъ косивчатымъ окошечкомъ, гдѣ весной и разцвѣтетъ ея воля-вольная и будетъ служить напоминаніемъ о невольной красной дѣвицѣ ²⁾.

При встрѣчѣ подругою невѣста причитываетъ:

Слава Богу, слава Господу! Я не въ первый разъ, а во послѣдній.
На снѣгахъ меня обжидаютъ, Я впродъ сего до этого
На крыльцѣ меня встрѣчаютъ. Не недѣльной была гостынцей,
Ты, совѣтна мила подружка А воскресной честной была бесѣдницей.
Я прѣвѣхала къ тебѣ со стадомъ лебедин- Подъ однимъ съ тобою сидѣли косивчатымъ
нымъ окошечкомъ,
. Одну думали съ тобою совѣтъ да думу
. крѣпкую.

Послѣ этого входитъ въ комнату, и здѣсь ее угощаютъ. За угощеніе она благодаритъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и крестную мать, опуская только послѣднія слова:

«Почти жить меня...
На остудной чужой сторонушкѣ».

Принимая подарокъ отъ подруги, который ясно показываетъ, что она гоститъ не по старому и не по прежнему, что она уже просватана, невѣста опять-же причитываетъ:

¹⁾ Смотря по состоятельности дарить—или ситцу на платье, или холста на рубашку.
²⁾ Указано совместно содержаніе причитаній при прѣвѣдѣ и при отъвѣдѣ невѣсты отъ подруги.

«Не подарочкомъ меня ты подарила,
А съ волошкой красой меня ты разлучила.

Мнѣ-ка въ волюшкѣ болѣе не бывать,
А вамъ дѣвушкой меня ужъ не видать».

Одѣвшись и пригласивъ подругу на унылую свадьбу, она такъ продолжаетъ:

•Ты, совѣтна мила подружка,
По присядешь-ка на брусову бѣлу лавочку,
Подъ косивчатымъ окошечкомъ,
Не въ первой разъ теперь, а въ послѣдній,
И подумаешь совѣтъ, да думу крѣпкую.
Ты возьми-тко, совѣтна, мила подружка,
Мою вольну-волюшку.
Ты въ день держи на младой головушкѣ;
Ты въ страпню ¹⁾ клади въ ларцы да въ

окованныя,

За замки да за рублевныя;
А въ ночь клади да подъ подушечку...
Я раздумаю невольна красна дѣвица,
Не отдамъ тебѣ свою я вольну-волюшку:
Ты сама дѣвушка на возрастѣ,
Сама красная на выдаванѣ,
Ты изиѣнишь волю-вольную.
Тебя сватухи стануть засватывать,
Женихи будутъ засматривать,
Ты позарисься, да поужинься
На красу-басу да на угожество молодецкое.
Лучше у твоего родителя батюшки

Спросимъ мѣстечко подъ косивчатымъ окошечкомъ,

И посѣмъ вольную-волюшку
Подъ косивчато окошечко.
Какъ придетъ весна да красная—
Разцвѣтетъ моя бажена вольна-волюшка...
Я какъ буду, невольна красна дѣвица,
Священникомъ въ Божьей церкви повѣчана,
Буду жить я на остудной чужой сторонущкѣ,
Мнѣ какъ вздохнется тамъ да тяжелешенько,
И клокнется да тихоненько,
Вспомню, вздумаю тогда, невольна красна

дѣвица,

Что меня вспомнила совѣтна мила подруженька,

Глядячись на мою бажену волюшку.

Что на красѣ баша да на угожествѣ—

Разцвѣла моя воля-вольная

Бли зко гѣнія церковнаго,

Близко звона колокольнаго,

Близъ владычнаго Божьяго праздника,

На прогульной на широкой на дороженькѣ.

Закончивъ это причитанье, невѣста прощается съ доможъ, въ которомъ была частой бесѣдницей (см.—причитанье «прости, прости сердечное гостибнице») и съ самой подругой и со словами:

«Западетъ моя путь-широка дороженька
Въ это сердечное бесѣдное гостибнице»

выходитъ изъ дома подруги и направляется къ другой подругѣ, гдѣ повторяется то же.

Возвратившись домой невѣста, встрѣченная матерью въ сѣняхъ, начинаетъ причитывать:

Слава Богу, слава Господу!
На сѣняхъ меня обжидаютъ,
На крыльцѣ меня встрѣчаютъ.
Не возьми во гнѣвъ ты, родитель, моя ма-
тушка,
Что долго ѣздила невольна красна дѣвица,

Не сердитесь, свѣтушки братцы родимые,
Что приустанн ваши тягловыя лошадушки.
Я не въ первый ѣздила теперь разъ, а въ
послѣдній;
Меня встрѣчали нуно да не по старому,
Принимали, да не по прежнему.

Когда поѣздки къ роднымъ бывають закончены, невѣста остальное свадебное время проводитъ дома. Подруги ея не разлучаются съ ней. Время проходитъ среди приготовленій къ свадебному дню, разсужденій о предстоящей новой жизни невѣсты и среди веселій: поютъ различныя пѣсни, танцуютъ, ѣздить кататься по деревнѣ. Невѣста болѣе катается на родительскихъ лошадяхъ. Но бываетъ такъ, что приѣзжаетъ кто-либо изъ родственниковъ или сосѣдей (особенно если невѣста—бѣдная дѣвушка и у ея родителей нѣтъ лошади),—и приглашаетъ невѣсту покататься. Та, конечно, не отказывается.—

¹⁾ Во время исполненія дѣлъ въ хозяйствѣ.

Иногда, послѣ катанья, невѣста заѣзжаетъ въ гости къ сосѣду, на лошадахъ котораго она каталась. Тамъ встрѣчаетъ радушный пріемъ: ее обыкновенно уже ожидаютъ и рады бываютъ принять и угостить сосѣдку—невѣсту. Не обходится и тутъ безъ причитаній подобныхъ тѣмъ, которыми сопровождалось посѣщеніе родственниковъ. («Слава Богу, слава Господу», «Прости, прости сердечное гостибънце»). Пріѣхавъ къ своему дому, невѣста, выйдя изъ саней, подходитъ къ тому, кто былъ извозчикомъ и, причитывая, благодаритъ его за то, что онъ не пожалѣлъ «стушисчатыхъ лошадушекъ»—поваталъ ее «невольну красну дѣвицу».

Въ одинъ изъ свадебныхъ дней, послѣ поѣздки къ роднымъ, женихъ пріѣзжаетъ въ гости къ невѣстѣ. Иногда и невѣста, послѣ пріѣзда жениха, ѣздитъ къ нему, такъ сказать, отгацивать, но только не всякая невѣста ѣздитъ къ жениху. Женихъ же всегда считаетъ долгомъ посѣтить свою невѣсту, хотя-бы одинъ разъ. Эта поѣздка въ гости бываетъ днемъ.

По-вечеру же нерѣдко женихъ со своими друзьями пріѣзжаетъ къ невѣстѣ, гдѣ и устраивается вечеринка съ танцами и пѣснями¹⁾). Никакихъ причитаній и ничего печальнаго на вечеринкахъ не допускается. Женихъ пріѣзжаетъ, чтобы провести послѣдніе дни холостой жизни въ кругу молодежи, среди веселья и развлеченій, а потому слезы и причитанья считаются уже неумѣстными.

Между посѣщеніями родственниковъ и знакомыхъ, между приготовленіями и развлеченіями, незаметно проходитъ свадебное время, послѣдніе дни дѣвической жизни невѣсты, а холостой—жениха; и наступаетъ день вѣнчанія

Невѣста-сирота—на могилѣ родителей.

Не всякая невѣста имѣетъ возможность высказывать въ причитаньяхъ свои жалобы на родителей за скорую думу о ея судьбѣ и за лишеніе воли дѣвичьей. Въ причитаніяхъ невѣсты-сироты уже слышатся сѣтованія, что нѣтъ у ней «желанныхъ»—родителя-батюшка, или родительницы-матушки, не съ кѣмъ ей думать думу крѣпкую, и что только вслѣдствіе сиротства, она рѣшается разстаться съ волей дѣвичьей. Хотя эти сѣтованія замѣчаются во многихъ причитаньяхъ невѣсты-сироты (будетъ-ли она круглой сиротой, или нѣтъ, все равно), но преимущественно высказываетъ невѣста свои сѣтованія о сиротствѣ въ причитаньяхъ на могилѣ умершихъ родителей. Посѣтить могилу родителей—испросить ихъ благословеніе на всю новую жизнь—невѣста считаетъ своимъ дочернимъ долгомъ. Пріѣхавъ на могилу родителей, въ сопровожденіи неразлучныхъ подругъ, невѣста припадаетъ къ сырой землѣ и такъ причитываетъ:

«Путь дороженька моя да скороталася,
Мнѣ-ка тутъ пришло мое сердечное гостибънце.
Вѣрно тутъ мои желанные родители...
Размуравтесь-ко вы, травушки муравье,
Пораздвинься-ко, мать сыра земля, да воросеная
Раскатитесь-ко, катучи бѣлы камешки,
Покажись оттуль, колода лѣсу бѣлаго,
Ты раскройся, гробова доска дубовая,
Вы разшейтесь, саваночки тонко-бѣлые.
Покажись оттуль, родитель моя матушка²⁾
Налетите-тко съ неба, Ангелы-Архангелы—

Вы вложите-тко великое желанъце
Воздыханъце—во бѣлую грудь;
Вы ужъ зрѣнъце—во ясны очушки,
Прожній умъ—во разумную головушку,
Размышленъце—въ ретиво сердечушко,
Вы могутушку—въ могучи еины плечушки,
Вы маханъце—во бѣлые рученьки,
Вы хожденьце—во рѣзвы ноженьки...
Ты ужъ стай-встань родитель оттуль ма-
тушка,
Ты ужъ сдѣлай со мной доброе здоровъце,
Ты забай³⁾ со мной единое словечушко...

¹⁾ Вечеринка бываетъ, если невѣста изъ богатого или зажиточнаго дома. Если же невѣста—бѣдная, то родители ея не имѣютъ возможности устроить вечеринки, а потому женихъ и невѣста и др. свадебная молодежь веселятся на общихъ деревенскихъ бѣсѣдахъ.

²⁾ На могилѣ отца—«родитель мой батюшка».

³⁾ Баять—говорить.

Знать разгѣввалась родитель моя матушка
 На меня несчастну красну дѣвушку,
 На меня горемычну сиротинушку,
 Что не сходила я на могилушку умершихъ,
 Я не призвала къ ручному рубобитищу,
 Не подумала я крѣпкой съ тобой думушки.
 Глупо сдѣлала невольна красна-дѣвица,
 Что не призвала тебя, родитель мою ма-
 тушку...

Но родитель моя матушка,
 Какъ безъ тебя живу невольна красна дѣ-
 вушка,
 Такъ послѣшила идти на чужу на сторонушку,
 Убоилась я невольна красна дѣвушка:
 Чтобы вѣтрушки меня въ дѣвцахъ не об-
 бѣяли,
 Чтобы людюшки меня да не оббѣяли;
 Я того во дѣвушкакъ сидѣть да убоилась,
 Я того сидѣть во красныхъ устрашилася,
 Я того идти на чужу на сторонушку послѣ-
 шилася.

Кабы въ живности была ты, родитель моя
 матушка,
 Я бы умышломъ можетъ не подумала,
 Я бы мыслями можетъ не помыслила,
 Ты на меня, родитель, не прогнѣвайся.
 Ты пойдемъ-ка въ докъ да нашу жирушку,
 Пойдемъ къ родителю ко батюшкѣ,
 Пойдемъ на честное пированьице.
 Пойдемъ ко мнѣ на слезное проливаньице,
 Надѣлать меня нуль таланомъ-участью,
 Наградить меня родительскимъ награжденъ-
 ищемъ,

Благословить меня родительскимъ благосло-
 веньищемъ,
 Чтобы дагь Госнодь талану тамъ и участи
 Какъ на этой жить на чужой на сторонушкѣ.
 Такъ ты когда придешь ко мнѣ, родитель моя
 матушка?

По утру ли придешь ранешенько?
 Али въ вечеру придешь поздешенько?
 Али днемъ по красному по солнышку?
 Буду ждать тебя, родитель моя матушка,
 Я стоять буду на переднемъ на крыле-
 чушкѣ.

Тебя встрѣтила бы я, родитель моя матушка,
 Провела бы я въ хоромное строеньице
 Я большухой въ домъ тебя да экономницей,
 Домовой бы я тебя да домовщицей...
 Пораздумаюсь невольна красна дѣвица,
 Хоть звать тебя, родитель моя матушка,—
 да не дозваться,
 Хоть ждать невольной красной дѣвицѣ,—
 да не дожидаться.

Вѣрно такъ пойдти съ сердечнаго гостиьница;
 У родителя въ гостяхъ я побывала,
 А родительницы въ глаза я не видала,
 Хлѣба-соли у родительницы не ѣдала,
 Воды-квасу у родительницы не пивала...
 Хоть родители желанной не видала,
 Хоть мнѣ жаль пойдти отъ родительницы
 отъ матушки,
 Хоть жаль пойдти,—да надо поразстаться,
 Хоть тошнехонько,—да надо распротиться.
 Ты прости, прости, родитель мой матушка,
 Прости, милое родительско-лежаньице».

Съ послѣдними словами невеста съ подругами оставляетъ могилу матери или отца. Вслѣдъ за невестой расходятся по своимъ домамъ и зрительницы-сосѣдки, всегда собирающіяся къ могилѣ послушать, какъ «голосить» невеста. Надобно сказать, что причитанье невесты на могилѣ родителей производитъ большее впечатлѣнiе, чѣмъ всѣ причитанья въ домахъ. Многя возвращаются съ могилы съ заплаканными глазами, утирая капающія изъ глазъ на холодный снѣгъ или песокъ, слезы.

День вѣнчанiя.

Наступаетъ день вѣнчанiя. Этотъ день самый интересный изъ свадебныхъ дней. Главный интересъ опять же сосредочивается вокругъ невесты. Въ ея домѣ въ послѣднiй день можно наблюдать за приглашенiемъ и хожденiемъ (невесты) въ баню, за заплетенiемъ и расплетенiемъ косы, за прiѣздомъ жениха и слѣдующею за прiѣздомъ, такъ называемою, «ставкою». Всѣ эти явленiя народной свадьбы сопровождаются соответственными причитанiями, которыя въ домѣ невесты и заканчиваются.—Послѣ отъѣзда жениха и невесты и ихъ вѣнчанiя слѣдуетъ свадебный пиръ въ домѣ жениха, гдѣ и заключается тогда весь интересъ, но слезливыхъ причитанiй здѣсь уже не бываетъ.

а) Пробужденіе невѣсты.

Особенность послѣдняго свадебнаго дня сказывается съ ранняго утра.—Когда невѣста еще спитъ-почиваетъ, мать ея подходитъ къ постели и въ послѣдній разъ будить свою дочь-дѣвицу. Пробуждаетъ она слѣдующимъ причитаніемъ:

«Сердечно, мило мое дитятко!
 Полно спать да высныаться;
 Пора вставать да пробуждаться.
 По крестьянскимъ сараямъ пѣтухи поють,
 По бобыльскимъ фатерамъ печи топятся,
 У меня сострапана страпна да суетливая,

Убрана дворовая скотинушка,
 Кофен сварены, самовары скипачены.
 Стань-возстань, сердечно мое дитятко,
 Ко кушаньямъ сахарнымъ,
 Ко питьцамъ медовымъ».

На такое бужденіе матери невѣста, причитывая, высказываетъ, что мать будила ее въ этотъ день не по старому и не по прежнему,—значитъ будила не въ первый разъ, а въ послѣдній:

«Спасетъ Богъ тебя, родитель моя матушка,
 Что разбудила невольну красну дѣвушку,—
 Не по старому будила нуль—да не по прежнему.
 Ужъ какъ предъ сего—до этой поры времени

По ранешеньку лебедушку будила:
 Ко страпнѣ да суетливой,
 Ко убору дворовой скотинушки,
 Вѣрно не перво теперь будишь, а въ послѣднее».—

Послѣ этого невѣста встаетъ и, одѣвшись, опять причитываетъ. Она передаетъ матери въ этотъ причитанъ свой сонъ, который ей, будто бы, снился въ эту ночь.—Такъ какъ сонъ касался предстоящей ей замужней,—не совсѣмъ приглядной,—жизни, то невѣста въ причитанъ предлагаетъ, что не лучше ли отказать остуднику—младу сыну отцекому.

Сонъ и желаніе отказать жениху невѣста передаетъ матери въ такихъ выраженіяхъ:

«Ужъ я слышала, родитель моя матушка,
 Какъ подошла ты къ тесовой кроваточкѣ,
 Ты изголовнице подладила,
 И по головушкѣ меня погладила.
 Какъ сегодняшней долгой ноченькой
 Миѣ маленько спалось, да грозно видѣлось:
 Прилетѣла перелетна мала пташечка,
 И сказала миѣ перелетна птиченька:
 Что-жъ ты спишь, душа, да красна дѣвица,
 Какъ на твоей на остудной чужой сторо-
 нушкѣ,
 Тамъ справляются, да снаряжаются
 За тобой за красной дѣвицей,
 Тамъ вѣдь ходитъ богоданна твоя матушка,
 Ходитъ по хоромному строеньицу расхаживаетъ,
 Своимъ сусѣдушкамъ рассказываетъ,
 Какъ въ сегодняшній Господень Божій де-
 нечекъ
 Приведутъ душу, да красну дѣвицу,
 На поля наши работницу,
 На поля да сѣнокосы—сѣнокосицу,
 На Онего ¹⁾ рыболовщицу.

Выходила богоданна твоя матушка
 На путь на широкую дороженьку
 Выбирала мѣстечка немножечко.
 Своимъ сусѣдушкамъ рассказывала:
 Я срублю здѣсь малу клѣточку,
 Посажу невольну красну дѣвицу,
 И не выпущу до самой теплой веснушки,
 До крестьянской до работушки...
 Тутъ устрашилась я, да убоилася,
 Ночью темною миѣ да не послалося.
 Не откажешь ли, родитель моя матушка,
 Остудника млада сына отцекаго.
 Ты отдай меня невольну красну дѣвицу
 Хоть во лѣтнія работницы,
 Хоть во зимнія кухарочки,
 Лишь не выдай на остудну чужу сторону.
 Я у родителя своего у батюшки
 Буду клубышко въ ногахъ его кататися,
 Буду червущкомъ свиватися,
 Буду упрашивать да умаливать,
 Чтобы не выдалъ на остудну чужу сторону,
 Оставилъ бы во вольной волонкѣ
 Во бездѣвномъ во дѣвичествѣ».

¹⁾ Онежское озеро, при которомъ расположены деревни.

б) Ваня.

Утрожь въ день вѣнчанія для невѣсты топятъ баню ¹⁾. Истопницами бывають ея подружки. Когда баня бываетъ истоплена, дѣвицы приходятъ приглашать невѣсту въ баню. Происходитъ приглашеніе обыкновенно такимъ образомъ. Невѣсту садятъ въ большой уголь. Дѣвицы подходятъ къ ней. Затѣмъ одна изъ дѣвиць подружка выходитъ изъ комнаты за дверь и, начиная тамъ причитывать, возвращается сразу же къ невѣстѣ. Въ своемъ причитаньи она передаетъ о фантастическихъ путешествіяхъ за ключевой водой, говоритъ, что многіе желали сходить въ парну баенку и съ этой цѣлію подкупали ее, и угрожали ей, но она не впустила никого, а приглашаетъ пожаловать во парну баенку «совѣтну милу подружку».

Начинаеть причитывать дѣвица, какъ сказано, за дверями, что и видно изъ начальныхъ словъ причитанья:

«Отворитесь-ко, двери новы дубовыя,
Отогнитесь-ко, петли шелковыя,
Открычьтесь-ко, крючки да золоченыя».

Входя въ комнату:

«Вы раздвиньтесь-ко народъ—да люди добрые,
Вы мнѣ дайте-ка тропиночку—съ мостиночку,

Подходя къ невѣстѣ продолжаетъ:

«Ты пожалуй ка, совѣтна мила подружка,
Ты пожалуй-ка во парную во баенку;
Парна баенка истоплена,
Ключева вода напшена.
Извини, совѣтва подружка,
Долго топила я твою дѣвичью парну баенку,
Того дольше я носила ключеву воду.
Мнѣ сказали люди добрые,
Что во Питерѣ—во славномъ городѣ,
Есть три колодца студеныя,
Тамъ вода чиста да ключевая.
Я пріѣхала душа да красна дѣвица
Ко этимъ колодцамъ студенымъ
Тамъ вѣдь царская дочи да умывалася,
Измутила ключеву воду.
Мнѣ еще сказали люди добрые
Что за Онегомъ страховитымиъ,
Есть три колодца студеныя,
Почерпушка—золоченая.
Я спросила своего родителя батюшка,
Я взяла свѣтушковъ—братцовъ родимыхъ,
Я садилась въ налогребну легку лодочку,
Я поѣхала за Онего страховитое.
Завѣяли тутъ вѣтры буйныя,
Занесло меня бѣлую лебедушку
Во острова да незаѣдыне
Въ берега да небывалые.
Простоая тамъ урочную недѣлюшку

Какъ пріутихли вѣтры буйныя,
Нашла я эти колодца студеныя.
Какъ во первомъ колодцѣ—съ омутомъ
Вода да возмутилася;
Во второмъ—съ пескомъ
Да сбуторажилася,
А лишь въ третьемъ колодцѣ
Водушка серебрстая,
Почерпушка золоченая.
Я черпнула лишь ключевой воды,
Вдругъ слышу стучить гремнть
Коньто лошадиное;
Оглянулась я душа да красна дѣвица,
Вижу наѣхалъ тутъ остудникъ
Чужъ отецкій сынъ.
На допросъ бралъ меня душу
Да красну дѣвицу:
Про кого берешь ты ключеву воду?
Я стояла—не дрожала,
Говорила—не мѣшалася:
Я беру воду про совѣтну милу подружку,
Про невольну красну дѣвицу.
Онъ сулилъ мнѣ тутъ засуливалъ
Города да съ пригородками,
Села сулилъ да съ приселками,
Мнѣ на плечики сулилъ
Да шаль Турецкую,
На шейку—да много жемчугу.
Онъ сулилъ мнѣ это все,
Мнѣ пройти во почетный да большой уголь,
Мнѣ ступень ступить во сто рублей,
Мнѣ другу ступить въ пятьсотъ рублей,
Мнѣ увидѣть тамъ совѣтну милу подружку».

¹⁾ Иногда топятъ баню для невѣсты и не въ самый день вѣнчанія, а наканунѣ.

Чтобъ измѣнила я твою
 Да волю вольную.
 Но я не взяла городовъ
 Да съ пригорками,
 Я вѣдь не взяла селъ
 Да съ приселками,
 На плечики не взяла я шали Турецкой,
 На шейку я не взяла жемчугу
 Да мелкообразнаго.
 Я стояла не дрожала,
 Говорила не смѣшалась,
 Не продала я и не отдала,
 Остуднику—чужу сыну отечному
 Твоей да воли дѣвичьей...
 И... подѣхала къ твоей
 Да парной баенкѣ.
 Какъ у твоей у парной баенки
 Поуставлены да лавочки торговны
 Всѣ торговцы—не знакомые.
 Всѣ давались во парну баенку,
 Меня дарили жемчугомъ
 Да перебраннымъ,
 Меня дарили шелкомъ
 Заграничнымъ;
 Ни на что я не позарилась,
 Ни на что я не покинулась
 И еще у твоей у парной баенки
 Стояли полки солдатъ да Государевы.
 Угрожали мнѣ солдаты новобранные

Какъ у вашей у парной у баенки
 У насъ подкопаны подкопы подземельные,
 У насъ подкопаны туда да бочки сорока-
 ведерныя,
 Съ лютымъ зельемъ—съ чернымъ поро-
 хомъ.
 Какъ пойдетъ твоя, невольна красна дѣ-
 вушка,
 Со совѣтными со милыми подружками
 Взрывъ мы сдѣлаемъ тогда
 Съ подкоповъ подземельныхъ.
 Унесетъ тогда подневольну красну дѣвицу
 Съ совѣтными милыми подружками,
 И тебя душу да красну дѣвицу—
 Парной баенки истопщицу,
 Ключевой воды изнощицу.
 Ты спусти насъ во парну баенку
 Измѣни ты ея волю вольную,
 Мы снимемъ тогда бочки сорокаведерныя
 Съ лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохо-
 мъ,
 Мы разроемъ всѣ подкопы подземельные.
 Я стояла не дрожала, говорила не мѣшалась,
 Не пустила ихъ во парну баенку,
 Не измѣнила твоей да воли дѣвичьей.
 Ты пожалуй-ко, совѣтна мила подружка,
 Ты пожалуй-ко во парную во баенку.
 Безъ измѣны байня толена
 Безъ измѣны вода пошена».

Когда причитаніе дѣвицы-истопщицы бываетъ закончено, невеста отправляется въ баню. Ее сопровождаютъ подруги и постороннія зрительницы,—дѣвушки поютъ пѣсни. Придя къ банѣ, онѣ остаются въ сѣняхъ бани и продолжаютъ улаждать слухъ невесты пѣніемъ. Невѣсту въ это время моютъ. Приято обыкновенно, чтобы мыла невесту замужняя женщина. Когда невеста вымоется, дѣвушки входятъ въ баню и моютъ лице той водой, которой только-что мылась невеста. Съ послѣднимъ обычаемъ связано суевѣрное мнѣніе, что дѣвица, умывшаяся водой, которой мылась невеста, будетъ пользоваться большимъ «почетомъ» («славой»—«славутная»). И вотъ, чтобы наложить честь на себя, какъ выражаются въ простонародьѣ,—дѣвицы и умываются водой невесты ¹⁾.—Послѣ

¹⁾ Существуетъ еще слѣдующій суевѣрный обычай, наблюдаемый при свадьбахъ:

Когда невеста вымоется въ банѣ, то тѣло ея обтираютъ полотенцемъ и затѣмъ, пока полотенце еще сырое, выжимаютъ воду изъ него въ какой либо сосудъ. Вода эта или потъ съ тѣла считаются какими-то симпатическимъ средствомъ. Какъ симпатическое средство вода эта, незамѣтнымъ образомъ—въ кушань или питьѣ дается жениху, въ предположеніи, что женихъ, принявъ эту воду, будетъ сильнѣе любить невесту. Хотя указанный суевѣрный, омерзительный обычай и существуетъ, но практикуется далеко не всѣми. Надобно думать, что многихъ отталкиваетъ отъ принятія чувства гадливости, которое естественно возбуждается подобнымъ средствомъ.—А въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но въ очень дальнемъ разстояніи отъ Тольца (Горескомъ, Кондорожскомъ и др. приходахъ), по рассказамъ, существуетъ подобнаго же рода обычай. Невѣсту, послѣ того какъ оботрутъ полотенцемъ, обливаютъ молокомъ и тѣло ея обтираютъ тѣстомъ Изъ тѣста этого приготовляются пироги, которые и предлагаются жениху и невестѣ, за отдѣльнымъ столомъ, предъ самымъ пѣваніемъ ихъ на погостъ для вѣнчанія. Вѣстѣ съ пирогами подается и молоко, которымъ была облита невеста. Все это дѣлается съ указанною выше цѣлю.

этого невѣста и дѣвицы выходятъ изъ бани и направляются дошой. Подруги ведутъ невѣсту подѣ руки и голосятъ протяжную пѣсенку.

Возвратившись домой, невѣста, какъ и передъ отхожденіемъ въ баню, садится въ большой уголь и начинаетъ причитывать подругѣ, баенной-истопщицѣ, которая чрезъ причитанье приглашала ее въ баню.

Такъ какъ хожденіе въ баню считается, такъ сказать, однимъ изъ послѣднихъ явленій дѣвической жизни, напоминающимъ о скорой перемоткѣ этой жизни на жизнь супружескую, то и въ причитаніи невѣсты послѣ бани мы слышимъ упреки ея, баенной истопщицѣ, что та допустила измѣну воли дѣвичьей:

«Вы, совѣтны милы подружки!
Гдѣ же баенна истопница,
Ключевой воды износница?
Гдѣ же Петерска обманщица,
Вытегорская измѣнница?
Вуди проклята, совѣтна мила подружка,
Измѣнила ты да волю вольную,
Измѣнила ты мою волю дѣвичью.
Я пришла какъ въ парну баенку, —
Моя волюшка съ головушки бросалася,
Во мѣдны газы она кидалася,
Въ чистой водушкѣ да испуалася;
Она въ печеньку бросалася,

Зрѣлымъ углемъ показалася;
Она на каменку бросалася,
Огнемъ пламеннымъ да показалася;
Она въ двери какъ бросалася,
Сѣрой уточкой да показалася.
Поплыла какъ эта сѣра уточка
По широкому, по славному Онегушку,
Тутъ по крутому по бережку
Ходилъ полѣсоваль ¹⁾ остудникъ
Младъ отецкій сынъ.
Онъ убилъ да сѣру уточку
На широкомъ славномъ Онегушкѣ.
Это не уточка была,

Это была да воля дѣвичья.

Затѣмъ, обращаясь къ матери, продолжаетъ причитывать:

«Ужъ ты, родитель моя матушка,
Вѣдь я бѣлая лебедушка
Безъ воли нуи вольной.
Вы зовите свѣтушкова
Да братцовъ родимыхъ:

Пусть догонять остудника
Млада сына отецкаго,
Пусть отнимутъ мою да волю вольную,
Пусть отнимутъ мою
Да волю дѣвичью».

в) Заплетеніе и расплетеніе косы.

По возвращеніи изъ бани и окончаніи приведеннаго выше баеннаго причитанья, начинается расчесываніе и заплетеніе невѣстиной косы. Почесать волосы невѣста приглашаетъ каждого изъ окружающихъ и никто не отказывается. При приглашеніи невѣста соблюдаетъ порядокъ. Прежде всего приглашается и чешетъ голову мать, затѣмъ отецъ, сестры, братья и другіе родственники и родственницы, потомъ уже подруги, посторонніе женщины и мужчины и т. далѣе.

При расчесываніи наблюдается слѣдующее. Всякій приглашенный, взявъ гребень, подноситъ его къ устамъ; подойдя къ невѣстѣ, онъ дѣлаетъ крестное знаменіе на ея головѣ и чешетъ. Остающіеся на гребнѣ волосы не отбрасываются, а обвертываются всегда вокругъ гребня. Понятно, что каждый чешетъ голову невѣсты не долго, но такъ какъ зрителей въ то время собирается не мало и каждый приглашается къ расчесыванью особыиъ, хотя и краткимъ причитываніемъ, то процедура эта занимаетъ довольно продолжительное время.

Невѣста приглашаетъ почесать ея «младу головушку» въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

¹⁾ Полѣсовать — охотиться въ лѣсу.

«Ты, родитель моя матушка,
Подойди ко мнѣ, невольной красной дѣ-
вицѣ,
Почеши мою младу головушку
Не первый разъ—последній.

Моя головушка не гладится
Волось къ волосу не ладится.
Вѣрно, слышитъ руса косынька,
Что будутъ волюшку
Отнимомъ отнимать».

Мать беретъ гребень и расчесываетъ волосы своей дочери. Когда она кончитъ, то невѣста такъ благодаритъ ее:

«Спасетъ Богъ тебя желанна, моя ма-
тушка,
Почесала моею младой головушкой,

Не первый разъ чесала кунь,—последній.
Вольше въ волюшкѣ мнѣ да не бывать
Меня красной дѣвушкой вамъ—да не видать».

Мать передаетъ гребень отцу невѣсты, которая причитаньемъ же приглашаетъ его расчесать волосы, и въ тѣхъ же выраженіяхъ благодаритъ его, когда онъ почешетъ.

Отецъ передаетъ гребень сыну или дочери; тѣ слѣдующему и повторяется одно и то же пока всѣ не примутъ участія въ расчесываніи косы.

Въ причитаньяхъ, обращенныхъ къ постороннимъ, иногда бываетъ нѣкоторое прибавленіе, всегда касающееся какой либо болѣе или менѣе характерной черты жизни того лица, который приглашается почесать волосы невѣсты.

Такъ, приглашая расчесать волосы женщину богатую, невѣста присовокупляетъ:

«Поучи жить на остудной чужой сторонущкѣ,
Надѣли невольну красну дѣвицу таланомъ участью;
Тебѣ вѣдь міромъ поклоняются,
Ума-разума срѣзываются» ¹⁾).

Къ другимъ же женщинамъ обращается, прибавляя только: «Поучи жить на остудной чужой сторонущкѣ».

Когда же приглашаетъ женщину бѣдную, находящуюся не рѣдко въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, не пользующуюся особеннымъ благоволеніемъ судьбы, невѣста прибавляетъ слѣдующее:

«Попросила бы я тебя невольна красна дѣвица
Надѣлить меня таланомъ участью,
Но вѣдь твои рученьки несчастливы,
Твои бѣлы не талантливы».

Бѣдная женщина, тронутая напоминаніемъ объ ея горькой незавидной долѣ, такъ отвѣчаетъ невѣстѣ:

«Я присѣла бы къ тебѣ, совѣтна мила дѣ-
вица,

Да не смѣю наложить я ручки бѣлыя
На твою младу головушку;
Мои рученьки несчастливы,
Мои бѣлы—неталантливы».

Почесала бы младу головушку,
Запела бы русу косыньку,

Не смотря на такія рѣчи, голову невѣсты чешетъ и несчастная.
Обращаясь къ подругѣ дѣвицѣ, невѣста прибавляетъ:

«Ты, совѣтна мила подружка,
Возьми мою да волю вольную».

Но когда проситъ почесать волосы дѣвицу изъ бѣдной семьи, или дѣвицу сироту, то причитываетъ другое:

¹⁾ Совѣта спрашиваютъ, совѣтуются.

«Не отдашь тебѣ я воли вольной;
 Моя волюшка съ твоюю не поладится;
 Твоя волюшка да не дроченая;
 Везь родительницы вѣдь ты росла безъ матушки;
 У ты по недѣлюшкѣ головушка была не чесана,
 По мѣсяцу руса коса не плетена,
 Возрастаньце твое было съ унываньцею.
 Моя жъ волюшка дроченая,
 Мнѣ родитель моя матушка—
 Цѣлый вешній день чесала млада головушку,
 Цѣлый лѣтній девъ заплетала русу косыньку,
 Всю недѣлюшку за головушкой проваживала.

Самой послѣдней чешеть волосы та изъ подругъ невѣсты, которая пользуется болшею ея любовію и расположеніемъ. Когда подруга любимица расчешеть волосы,— невѣста просить ее и заплести ей косыньку:

Ты, совѣтна мила подружка!
 Заплети мою ты русу косыньку,
 Возьми ты мою волю вольную,
 Не по старому плети, да не по прежнему:
 Вѣдь свѣтушки мои братцы родимые,

Рожники ¹⁾ да перезольники,
 Вѣдь они будутъ подкуплены
 Отъ студнива млада сына отцаго;
 Будутъ косыньку мою да расплетать,
 Будутъ волюшку мою да отнимать.

Исполняя просьбу невѣсты, подруга начинаетъ заплетать, въ чемъ помогаютъ ей и другія дѣвицы.

Такъ какъ расплетеніе косы у невѣсты служить какъ бы прообразомъ лишенія воли дѣвичьей, лишиться же послѣдней для невѣсты, по словамъ ея, не желательно; то дѣвицы заплетаютъ косу такъ, чтобы было не легко расплести. Съ этою цѣлію онѣ раздѣляютъ волосы на много косичекъ и переплетаютъ ихъ очень мелко. При этомъ волосы и ленточка, которая вплетается въ косу, перевязываются въ узлы, и въ такомъ видѣ заплетается и вкалывается въ косу много очень булавокъ. Всѣ эти воздвигаемыя для расплетанія косы препятствія, какъ бы, должны свидѣтельствовать о высказываемомъ въ причитавьихъ нежеланіи, чтобы коса была расплетена, а воля дѣвичья отнята.

Когда коса бываетъ заплетена, дѣвица, которую невѣста просила заплести косу, причитывая, сообщаетъ невѣстѣ, что она заплела косу не по старому и не по прежнему, она вилела въ косу и малое озерушко, и лядину лѣсу темнаго, и Свирь рѣку и Ладожское (оз.) спѣсивое, и три ножа булатные, такъ что тѣ, которые будутъ расплетать, то или обрубятъ свои руки, или потонутъ въ озерѣ, или заблудятся въ лѣсу, и невѣста останется въ вольной волюшкѣ, во прекрасномъ дѣвичествѣ. Вотъ и самое причитанье:

«Ты послушай-ко, невольна красна дѣвица,
 Ты совѣтна мила подружка.
 Зачесала я твою млада головушку,
 Заплела твою я русу косыньку,
 Не по старому плела, да не по прежнему.
 На нерховицѣ ичесала тебѣ кругло-малое
 озерушко,

Во корень косы вилела тебѣ
 Три лядны лѣсу темнаго,
 По срединѣ косы—Свирь—
 Рѣду свирѣую.
 Во вторыхъ еще Ладожско спѣсивое,

Въ конецъ косы три ножа булатные.
 Будутъ волюшку съ головушки снимать,
 Будутъ косыньку твою да расплетать,
 Приобрубятъ руки бѣлыя въ три ножа бу-
 латные,
 Потонутъ они въ Ладожскомъ спѣсивоемъ,
 Унесетъ ихъ Свирь рѣна свирѣная,
 Заблудятся въ лядинахъ лѣсу темнаго,
 Приутонутъ въ кругломъ малоемъ озерушкѣ.
 И тогда невольна красна дѣвица
 Ты останешься въ вольной волюшкѣ,
 Во прекрасномъ сноемъ дѣвичествѣ».

¹⁾ Рожниками принято называть мужчинъ—родственниковъ невѣсты, участвующихъ въ свадьбѣ, женщинъ съ невѣстиной стороны называютъ приставницами;—родственниковъ жениха: мужичу—повѣманьихъ, а женщину—брюда.

Вслушавъ причитанье подруги, невѣста обращается къ братьямъ, а если ихъ нѣтъ, то къ родственникамъ-мужчинамъ и просить ихъ расплести ей русу косыньку.

«Свѣтики братцы родимые,—

Подойдите вы къ невольной красной дѣвицѣ,

Вы погладите мою младую головушку,

Расплетите мою русу косыньку».

Приглашенные начинаютъ расплестать косу. Дѣвицы наблюдаютъ, чтобы были развязаны всѣ узлы, какъ въ ленточкѣ, такъ и въ волосахъ. Невѣста же движеніемъ или пошатаніемъ головы старается не дать расплести свою косу и въ то же время причитываетъ:

«Надоѣла вѣрно вамъ я, напрокучила,

Что срываюмъ волюшку срываюте,

Что отнимомъ отнимаюте;

Притрепали вы мою русу косыньку,

Вы прирвали алы ленточки;

Знать присидѣла я невольна красна дѣвица

Ваши лавочки дубовые,

Проглядѣла я косивчаты окошечки,

Приустали ваши ступисчаты лошадушки,

Принаскучила любимымъ я повозникамъ,

Приточила я вашу золоту казну

.

и т. под. жалобы.

Что меня невольну красну дѣвицу

Разлучаюте нунь съ вольной волюшкой,

Что меня вы глупу-молоду

Лишаюте прекраснаго дѣвичества,

Отдаюте за остудника

Млада сына отецкаго.

Пока невѣста причитываетъ, коса, не смотря на всѣ трудности бываетъ расплетена. Невѣста остается съ распущенными волосами, а дѣвицы-подруги берутъ чашку съ водой, опускаютъ каждая нѣсколько копѣекъ въ воду и подносятъ эту чашку въ невѣстѣ, чтобы она умыла лице.

Невѣста встаетъ, чтобы умыться, но вдругъ, какъ бы замѣтивъ что-то въ водѣ, начинаетъ причитывать:

Вы совѣтны милы подруженьки!

Гдѣ вы брали ключеву воду?

Вы во Питерѣ брали, во славномъ городѣ

Тамъ вѣдь царская дочи да умывалась,

Измутила она ключеву воду.

Не умю я своего лица бѣлаго.

Вы возьмите воду во Ладожскомъ

Да страховитомъ,

Туть умю я свое я лице бѣлое ¹⁾.

Дѣвицы, дѣлая видъ, что онѣ считаютъ просьбу невѣсты вполне основательной и возможной для исполненія, повертываются по солнцу и уходятъ въ сѣни, при этомъ каждая старается держаться за чашку. Постоявъ въ сѣняхъ, онѣ возвращаются въ комнату и снова предлагаютъ невѣстѣ умыть лице. Та снова отказывается, объясняя отказъ тѣмъ, что въ Ладожскомъ—вода съ омутомъ помутилася, и просить принести воды изъ «славнаго Онегущка ²⁾».

«Вы совѣтны милы подруженьки!

Гдѣ вы брали ключеву воду?

Вы брали воду во Ладожскомъ да страховитомъ,—

Тамъ вода вѣдь съ омутомъ—да помутилася.

Не умю я своего лица бѣлаго.

Вы возьмите воду въ Онегѣ

Славномъ озерѣ

Туть умю я свое лице бѣлое».

Дѣвицы во второй разъ выходятъ въ сѣни и, возвратившись, опять подносятъ воду невѣстѣ.

¹⁾ Если же село, или деревня расположены не на берегу Онежскаго озера, то въ первый же разъ невѣста просить принести воду изъ Онежскаго, а не изъ Ладожскаго озера, а во второй разъ просить принести—изъ мѣстнаго озера, если деревня при озерѣ, или изъ ключеваго колодца.

²⁾ Село Толвуя расположено на берегу Онежскаго озера.

На этотъ разъ невѣста со словами:

«Ужь мнѣ сколько-ли не ломаться,
А ужь съ волюшкой придется разстаться»,

умываетъ свое лице, а оставшуюся воду плещетъ рукою на подругъ. Тѣ же въ свою очередь стараются плеснуть воды въ лицо подруги невѣсты.

Послѣ исполненія всѣхъ указанныхъ свадебныхъ обычаевъ слѣдуетъ ожиданіе и прїѣздъ жениха. Въ большинствѣ случаевъ ожидать не приходится или приходится очень не долго, такъ какъ хожденіе въ баню, заплетеніе и расплетеніе косы, — все это дѣлается съ такимъ расчетомъ времени, чтобы закончить только къ часу, назначенному для прїѣзда жениха за невѣстою.

г) Отъѣздъ жениха изъ дому и прїѣздъ его къ невѣстѣ.

Въ то время, когда невѣста ходитъ въ баню, когда ей заплетаютъ и расплетаютъ косу, — родственники жениха, приглашенные участвовать въ свадьбѣ, въ назначенное время собираются къ нему, чтобы всѣмъ вмѣстѣ отъѣзжать за невѣстой и потому везти ее «къ вѣнцу».

Предъ отъѣздомъ въ домъ жениха бываетъ предложенъ хлѣбъ-соль. По окончаніи обѣда, на столъ полагается подносъ или тарелка, покрытая платкомъ жениха, на которые всѣ сидящіе за столомъ полагаютъ деньги. Деньги эти идутъ въ пользу жениха. Сообразно количеству положенныхъ денегъ, женихъ въ день же вѣнчанія послѣ ужина даетъ подарки. Для того же, чтобы обдарить сообразно даннымъ деньгамъ, сряду, какъ только полагаютъ деньги на тарелку, записываютъ сколько положилъ тотъ или другой родственникъ ¹⁾.

Во время обѣда женихъ одѣвается ²⁾, или вѣрнѣе сказать его одѣваютъ на готово. При одѣваніи въ одежду его полагаютъ какъ можно болѣе иголокъ (безъ ушекъ) и булавокъ. Дѣлаютъ это вѣри примѣтѣ, что иголки и булавки предохраняютъ отъ порчи со стороны злыхъ людей ³⁾.

Надобно сказать, что вѣра въ силу «порченія» продолжаетъ существовать въ народѣ и особенно опасаются порченія при свадьбахъ.

Сряду послѣ обѣда слѣдуетъ отъѣздъ къ невѣстѣ.

Въ какое бы время года свадьба не происходила, впереди ѣдутъ дружки или шафера верхомъ; почему они и называются еще вершниками, передоѣзжими. Остальные родственники, или какъ называютъ ихъ, поѣзжане, ѣдутъ въ саняхъ или телѣгахъ. Мальчики деревенскіе зажигаютъ при отъѣздѣ жениха маяки (пучки соломы) и при такой иллюминаціи и крикахъ «ура» провожаютъ отъѣзжающаго жениха. За такое усердіе дѣти нерѣдко получаютъ нѣсколько копѣекъ на пряники, чему они конечно бываютъ весьма рады, и—тогда—вечеромъ, при возвращеніи новобрачныхъ еще съ большою готовностью жгутъ маяки и съ большимъ воодушевленіемъ кричать «ура».

Въ домъ невѣсты прежде жениха прїѣзжаютъ дружки-вершники. Войдя въ домъ старшій изъ нихъ ударяетъ кнутовищемъ въ балку и громко произноситъ:

¹⁾ Записываютъ только деньги, полученныя отъ мужчинъ, такъ какъ мужъ полагаетъ деньги и за себя и за жену (30 к.—3 р.); жена же если и полагаетъ деньги, то полагаетъ только лишь въ силу обычая, чтобы всѣ обѣдающіе—полагали на тарелку деньги—и потому полагаетъ лишь нѣсколько копѣекъ (3 к.—15 к.) и деньги эти въ записъ не идутъ.

²⁾ По установившемуся обычаю ни женихъ, ни невѣста въ день вѣнчанія—до брака не ѣдятъ.

³⁾ Существуетъ и другая подобная примѣта: женихъ во все свое свадебное время носить привязанную къ тѣлу сѣтку. По мнѣнію суевѣровъ, это также предохранительное средство отъ колдовства.

«Часъ перечесть, призамолятъ на часъ: Есть ли въ семь домѣ у невѣсты молодой
Старыя старушки, молоды молодушки, Батюшка родной?»
Красныя дѣвушки, удалы добры молодцы.

Для переговоровъ съ ними выходитъ кто либо изъ родственниковъ невѣсты, болѣе бойкій на слова. Къ вышедшему дружка обращается съ слѣдующими словами:

«Мы есть-посланы отъ князя молодого Голова съ поклономъ, языкъ съ пригово-
Дружка-вѣрные служки: ромъ.
На ногахъ подходимъ, на рукахъ подно- —Есть ли у Ивана Ивановича ¹⁾
симъ, Дочь родная, невѣста молодая?»

На послѣдній запросъ родственниковъ невѣсты отвѣчаетъ:

«Нѣтъ невѣсты молодой Была, да обернулась въ лебедь бѣлую
У Ивана Ивановича. И улетѣла за море».

Послѣ такого заявленія начинаются переговоры съ приговорами (съ той и другой стороны выбираются такія личности, у которыхъ «языкъ съ приговоромъ») между дружкой и уполномоченнымъ невѣсты. Каждая сторона старается подтрунить, съострить на счетъ другой. Дружка высказываетъ предположенія относительно причины отсутствія невѣсты; со стороны же невѣсты подсмѣиваются надъ дружками, которые вдругъ пріѣхали за невѣстой, а невѣсты нѣтъ, и предлагаютъ имъ заняться исполненіемъ у нихъ какой-либо черной работы. Насказавъ другъ другу шилыхъ нелюбезностей, обѣ стороны въ концѣ концовъ приходятъ къ соглашенію. Дружкамъ объявляется, что у Ив. Ив. дочь невѣста, дѣйствительно, есть; что она дома и находится въ ожиданіи жениха. Затѣмъ дружкамъ прикалываютъ банты и они возвращаются къ жениху. Встрѣтивъ жениха, дружки возвѣщаютъ, что:

«Невѣста много кланяется Н. Н.
И приглашаетъ его въ гости».

Проговоривъ эту фразу, дружки опять уѣзжаютъ впередъ и являются въ домъ невѣсты—объявить, что женихъ скоро прибудетъ ²⁾. Теперь ихъ принимаютъ гораздо любезнѣе, желли въ первый разъ: угощаютъ виномъ и дарятъ нѣтъ по полотенцу.—Обязавъ полотевца черезъ плечо, дружки во второй разъ уѣзжаютъ къ жениху. Повстрѣчавъ послѣдняго, дружки присоединяются къ свадебному поѣзду и весь свадебный поѣздъ подѣзжаетъ къ дому невѣсты. Встрѣченные и любезно принятые поѣзжане, во главѣ съ женихомъ, входятъ въ комнату, гдѣ стоятъ приготовленные для нихъ столы. Но за столами сидятъ дѣвицы—подруги невѣсты и—женихъ долженъ бываетъ выкупить столъ. Онъ даетъ дѣвицамъ пряниковъ, конфетъ или кренделей, и тѣ, получивъ гостинцы, освобождаютъ мѣста и удаляются. Женныхъ и поѣзжане разсаживаются вокругъ стола и начинается «ставка».

д) Ставка.

Въ самый моментъ пріѣзда жениха, невѣста бываетъ въ отдѣльной комнатѣ отъ той, гдѣ намѣрены принимать гостей. Если же другой комнаты нѣтъ, то она уходитъ

¹⁾ Называютъ по имени и отчеству отца невѣсты. Для примѣра взять Иванъ Ивановичъ.

²⁾ Собрать приговоры, которыми сопровождаются переговоры дружки и родственника невѣсты, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось по обстоятельствамъ совершенно независимо отъ меня. Поэтому я ограничился только передачею содержанія приговоромъ. Со временемъ быть можетъ я буду имѣть возможность пополнить указанный недостатокъ.

въ кладовую (чуланъ). Когда женихъ и гости войдутъ въ комнату и всѣ сядутъ за столъ, невѣста, покрывъ голову фатой (платкомъ), направляется въ комнату, гдѣ женихъ и гости. Впередѣ ея идутъ дѣвицы и поютъ слѣдующую пѣсню:

«Винна ягодна по сахару пыла,
По меду, меду, крупичатому.
Марья ¹⁾ по бархату шла
Ивановна ¹⁾ по аленькому,
Приходила ко бѣлому ко шатру.
Вѣлъ шатеръ растворенъ стоитъ,
Во шатрѣ стовтъ убранный столъ,
За столомъ сидятъ Иванъ—господинъ, ²⁾
За столомъ сидятъ Ивановичъ ²⁾.
Тебѣ хлѣбъ да соль, Иванъ господинъ,
Тебѣ хлѣбъ да соль, Ивановичъ.
Хлѣба кушать, Марья душа,

Хлѣба кушать, Ивановна.
Я не ѣсть пришла не кушати:
Я пришла поигратъ съ тобой,
Поигратъ да позаботитъся
Во всѣ шашки, во всѣ шахматы,
Во всѣ игры молодецкія,
Во забавы во Турецкія...
Проигралася Марья душа
Проигралася Ивановна,—
Со головушки—волюшку,
Съ русой косы—ленточку,
Золотую перевязочку...

Эту пѣсню дѣвицы поютъ два раза. При повтореніи онѣ заканчиваютъ ее такъ:

«Проигрался Иванъ—господинъ,
Проигрался Ивановичъ,

Со кармана золотые часы
Со другаго позолоченныя».

Распѣвая такую пѣсню, дѣвицы и невѣста подходятъ къ столу, за которымъ возсѣдаетъ женихъ и др. гости. Когда дѣвицы окончатъ пѣсню, старшій изъ сватовъ подходитъ къ невѣстѣ, и, взявъ за платокъ, которымъ бываетъ покрыто лицо невѣсты, говоритъ: «Пожайте ту ли привели молодую невѣсту». Затѣмъ, повернувъ платокъ вокругъ головы трижды, онъ снимаетъ его, и невѣста остается стоять безъ покрывала. Послѣ этого начинаютъ подносить гостямъ вино (или водку). Первую рюмку подносятъ старшему свату, а затѣмъ по очереди всѣмъ гостямъ. Подголосница, притѣвая, проситъ каждаго гостя «встать на рѣзвыя ноженьки и выпить чару зелена вина» ³⁾. При этомъ подголосница почти всякому изъ гостей причитываетъ что либо, касающееся его лично. Такъ какъ подголосницѣ всякій уже дастъ много или мало денегъ, то она, предполагая сколько можетъ получить за притѣвъ, сообразно съ этимъ и притѣваетъ. Отъ кого надеется получить копейекъ 10—15, того она расхваливаетъ, указывая свѣтлыя стороны его жизни: богатство, разсудительность, пользованіе почетомъ и др. т. под. Когда же видитъ, что болѣе 2—8 коп. ожидать нельзя, то и причитываетъ уже совсѣмъ о другомъ—о бѣдности, о горькой долѣ, о зависимости отъ богатыхъ сосѣдей и прочемъ въ этомъ родѣ.

Справедливость требуетъ сказать, что послѣдняго рода причитанья можно слышать довольно рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ подголосница, обращаясь къ бѣднымъ и незнатнымъ гостямъ, причитывая, не высказываетъ ничего, кромѣ предложенія выпить чару зелена вина. Да и когда и бываетъ, что упоминаетъ о мрачной сторонѣ жизни гостя, то дѣлаетъ это въ добродушно-шутливомъ тонѣ, такъ что никто оскорбляться не думаетъ.

Указавъ въ общемъ содержаніе отдѣльныхъ причитаній подголосницы, мы не будемъ приводить ихъ дословно, такъ какъ онѣ слишкомъ разнообразны, а ограничимся общимъ краткимъ причитаньемъ, которое бываетъ обращено ко всякому гостю безъ исключенія. Вотъ это причитанье:

¹⁾ Имя и отчество невѣсты.

²⁾ Имя и отчество жениха.

³⁾ При «ставкѣ» вмѣсто невѣсты всегда причитываетъ подголосница. Ранѣе же введенныя причитанья—причитываются когда подголосницей, а иногда и невѣстой, если причитанья ей знакомы. Въ виду такой условности—о подголосницѣ и умалчивалось.

т. е. въ супружеской жизни будетъ имѣть большее вліяніе на другаго (будетъ управлять). Послѣ того какъ вино вылито, женихъ беретъ невѣсту за руки и старается черезъ столъ привлечь къ себѣ, чтобы поцѣловать. Невѣста въ свою очередь тянетъ за руки жениха къ себѣ. Та или другая сторона привлекаетъ болѣе къ себѣ и уста ихъ сливаются въ поцѣлуй. Примѣчаютъ—кто привлечетъ ближе къ себѣ, тотъ будетъ «начало вѣсти». Послѣ поцѣлуя женихъ подаетъ невѣстѣ свадебныя подарки въ шкатулкѣ¹⁾. Подарки даются сообразно матеріальной обеспеченности жениха. Зажиточный женихъ даритъ на платье матерію, затѣмъ штіблеты, чулки и туалетныя принадлежности. Бѣдный же женихъ ограничивается поднесеніемъ въ подарокъ ситцу или матеріи на платье. Чтобы ни было въ шкатулкѣ, но для невѣсты интересно посмотрѣть подарокъ жениха, а между тѣмъ шкатулка бываетъ заперта и ключъ отъ нея остается у жениха. Невѣста проситъ ключъ.—Женихъ говоритъ, что онъ позабылъ ключъ дома. Понимая, что это значить и къ чему клонится рѣчь, невѣста цѣлуетъ жениха, и снова проситъ ключъ. Женихъ отвѣчаетъ, что хотя и взялъ (ключъ) изъ дому, но должно быть обронилъ въ дорогѣ. Невѣста повторяетъ поцѣлуй и просьбу. Женихъ даетъ ключъ, но ключъ оказывается не подходящимъ къ замку и слѣдуетъ новый поцѣлуй. Послѣ сего уже невѣста получаетъ, купленный поцѣлуемъ, ключъ отъ шкатулки.

Получивъ шкатулку и ключъ, невѣста причитываетъ. Она жалуется своимъ родителямъ на гостя «остудника млада сына отцакаго», который пристыдилъ ея лицо дѣвичье, поцѣловавъ «во уста сахарныя».

Высказываетъ жалобу невѣста въ слѣдующихъ словахъ:

«Вы послушайте, желанныя родители!
У васъ что это за гости приглашенные?
Ужъ я сколько-ли у васъ да возрастала,
Ужъ я такихъ гостей да не видала.

Схватилъ за ручку меня за правую,
Ступилъ на ножку да на дѣвую,
Взглянулъ взглядомъ невеселымъ,
Пристыдилъ мое да лицо бѣлое,
Поцѣловалъ во уста да во сахарныя».

Тамъ сидитъ остудникъ—отецкій сынъ.

Съ послѣдними словами невѣста удаляется въ другую комнату. Здѣсь она разсматриваетъ подарки жениха, а также сосчитываетъ деньги, положенныя на блюдо.

Гости же, угоставшись чаемъ или кофе, продолжаютъ сидѣть за столомъ въ ожиданіи свадебныхъ подарковъ отъ невѣсты. Подарки тотчасъ же по уходѣ невѣсты и даются. Женщинамъ подаютъ подарки въ тѣ платки, въ которые у нихъ были положены деньги.—Получивъ и разсмотрѣвъ подарки (рубашки или полотенца) женщины прячутъ ихъ, а мужчины обвязываютъ чрезъ плечи крестъ на крестъ.

Съ раздачей подарковъ родственникамъ и родственницамъ жениха, или вѣрнѣе съ уходомъ невѣсты отъ стола, послѣ довольно продолжительной стоянки во время подчиванія виномъ и причитаній подголосишцы, стоянки, во время которой невѣста была предметомъ вниманія и наблюденій окружающихъ, какъ бы «на выставкѣ»—оканчивается такъ называемая въ народной свадьбѣ «ставка».

Еще въ недавнее прошлое время бывало при свадьбѣ двѣ ставки. Въ первый разъ невѣста являлась къ столу гостей и угощала ихъ виномъ, а затѣмъ угощала и всѣхъ постороннихъ зрителей. Во второй же разъ приходила невѣста къ столу потчевать жениха и принять отъ него подарки. Въ настоящее же время, если и практикуется гдѣ двѣ ставки, то очень рѣдко, и—почти всегда бываетъ одна, описанная выше.

в) Свадебныя пѣсни при обѣдѣ гостей у невѣсты.

Послѣ ставки слѣдуетъ обѣдъ (часто неравній). Дѣвцы приводятъ къ столу невѣсту²⁾ и она садится рядомъ съ женихомъ. Но какъ женихъ, такъ и невѣста при-

¹⁾ Только бѣдные женихи подаютъ подарки завернутыми въ бумагу.

²⁾ Невѣсту приводятъ покрытую фатой—платкомъ.

ничаютъ участіе въ обѣдѣ только своимъ присутствіемъ. До кушаній они такъ сказать не затрагиваются, въ силу обычая не ѣсть до вѣнчанія. Кроме того они сохраняютъ, или по крайней мѣрѣ стараются сохранить молчаніе во все время, пока продолжается обѣдъ. Последній обычай имѣетъ суевѣрную и одну и ту же подкладку. Заговорившій раньше подпадетъ подъ вліяніе молчаливаго.

Когда ведутъ къ столу невѣсту, сопровождающія ее дѣвницы поютъ одну или нѣсколько изъ слѣдующихъ пѣсенъ:

<p>1. «Во Китай во крѣпкомъ городѣ,
На конрѣ, на чистомъ золотѣ,
У стола стола дубоваго,
Противъ зеркала хрустальнаго стекла,—
Тамъ дѣтнушка чесалъ кудри.
Онъ чесалъ да перечесывалъ,
Душу дѣвицу (N имя рекъ) да перекли-
кивалъ.»</p> | <p>Ужъ ты N . . . извей кудри
N . . . вва — русыя.
Заочу я кудри перевью,
Не хочу кудрей не перевью,
Не твое я вѣла-кушала,
Не тебя я буду слушати,
Вѣла кушала у батюшки,
Буду слушати родну матушку».</p> |
|--|---|

Поется эта пѣсня три раза. Во второй разъ, какъ и въ первый, поется о нежеланіи (молодой) дѣвницы перевить кудри молодца. Въ третій же разъ дѣвницы поютъ о готовности перевить кудри:

«Нуъ хочю я—кудри перевью,
Нуъ твое я вѣла кушала,
Нуъ тебя я буду слушати».

<p>2. «Еще съ висока на високо
N (имя дѣвницы) шла
Еще съ терема на теремъ
N . . . вва шла. Играйте гораже,
Не могу иди; башмачки глостятъ;
Башмачки глостятъ, пяты ломятся;</p> | <p>Пяты ломятся,—гвозди сыплются.
Подьте, дайте приведите
Коня батюшкина.
Еще батюшкинъ конь
Не поѣхалъ, не повезъ
Къ золоту вѣнцу, ко виту кольцу».</p> |
|--|--|

И эта пѣсня повторяется трижды. Во второй разъ нѣсколько видоизмѣняется:

«Подьте дайте приведите
Коня матушкина
и опять

Еще матушкинъ конь
Не поѣхалъ, не повезъ
Къ золоту вѣнцу, ко виту кольцу».

А послѣдній разъ уже поютъ:

«Подьте дайте приведите
Добра молодца коня,
Какъ добра молодца конь,

И поѣхалъ и повезъ
Къ золоту вѣнцу, ко виту кольцу».

3. «Какъ во городѣ кровать,
Во пригородѣ кровать
Тамъ дѣтнушка спалъ (припѣвъ).
Къ нему матушка подходила,
По головшкѣ подрочила.

люли-люли
люли-люли ²⁾).

Стань-ко, дитятко, пробудись;
На море корабль ушелъ,
Съ чистымъ серебромъ ушелъ.
—Не могу, мати, стати,
Буйной головы поднять,
Руки—ноги приподнять».

Поется три раза. Во второй разъ корабль
«Съ чистымъ золотомъ ушелъ».

1) Усѣченное окончаніе им. добраго.

2) Припѣвъ «люли-люли» слѣдуетъ послѣ каждого стиха.

Но молодец и для чистаго золота не может подняться.
Въ третій же разъ:

« корабль
Съ красной дѣвицей ушедъ
люли-люли.

Могу мати встать,
Буйну голову поднять,
Руку ногу приподнять.
Вы подайте-ко чулки,

По скорѣ сапоги,
Кафтанишко на плечики.
Рукавицы на рученка,
И шапченку на боченко ¹⁾.
Какъ могу—корабль догоню,
Красну дѣвицу схвачу
И обратно привезу».

Люли-люли.

4. Какъ на горочкѣ елочка,
Подъ горой была бесѣдушка,
Во бесѣдѣ красна дѣвушка,
Красна дѣвушка NN.
Приходила родна матушка.

Ты пойдешь пойдешь N (ласкательно) домой.
Не иду, не иду, родна матушка;
Лѣса густыя, ночи темныя,
Ночи темныя, рѣки быстрыя,
Рѣки быстрыя, перевозчиковъ нѣтъ».

Во второй разъ поется, что приходилъ родной батюшка домой звать, но дѣвица по тѣмъ же причинамъ не пошла домой.

Въ третій разъ...

Приходилъ добрый молодецъ,
—Приходилъ N да N—ничъ.
Ты пойдешь N домой,

Ты пойдешь N . . . вна домой.
Иду, иду, миленькій, домой:
Лѣса рѣдкіе, ночи свѣтлыя,
Рѣки тихія—первозичекъ есть».

5. «По край бережка часовенка стоимъ
люли-люли.
Какъ никто въ эту часовенку не ходитъ
люли-люли.
Шла дѣвушка заходила (прип.)

Шла N (ласкательно) заходила,
За маленьку Бога молила,
Три поклонника положила.
Отъ того голова заболѣла,
Домой пошла завогѣла ²⁾

При повтореніи поютъ, что за батюшка Бога молила и отъ того голова заболѣла.
Третій же разъ:

«За милаго Бога молила,
Сто поклонниковъ положила,
Отъ того голова не болѣла,
Домой пошла не вогѣла».

Всѣ приведенныя пѣсни поются предъ обѣдомъ (и, отчасти, и во время) гостей. Со-
держаніе этихъ пѣсней, какъ видимъ, подходящее къ свадебному времени. Въ пѣсняхъ
поется, то о желаніи дѣвицы перевить кудри молодцу, то о предпочтеніи ею молодца даже
родителямъ, то о привязанности молодца къ дѣвицѣ болѣе сильной, нежели привязанность
къ серебру и золоту и т. д.

Кстати приведемъ еще три пѣсни, которыя также поются въ свадебное время, но
не при угощеніи гостей.

1. «Слезно было посмотреть
Ваня ³⁾ у окошка.
Проходила за водой
Маша ⁴⁾ за графиномъ;
Со улыбочкой такой

Рѣчи говорила;
Рѣчи, рѣчи говорила
Въ уста дѣловала
Что жъ ты розовый цвѣточникъ
Сидишь слезно плачешь?

¹⁾ При посидѣнности шапка часто одѣвается на бокрень, на бокъ.

²⁾ Вопить—плакать.

³⁾ Ласкательно имя молодца жениха.

⁴⁾ Ласкательно имя дѣвицы.

Не слышали ль злые люди
 Не сказали-ль сплоскаты
 Нашихъ разговоровъ?
 Твоей родиной
 У та чей на ручкѣ перстень?
 Перстень перстень росписной
 Съ чистымъ изумрудомъ.
 Возьмемъ перстень этотъ вмѣстѣ,
 Вмѣстѣ поцѣлуемъ.
 Вмѣстѣ перстень поцѣлуемъ
 Тоску растоскуемъ.—
 Перелей тоску кручину
 Ты въ мое сердечко
 Жаркимъ поцѣлуемъ.
 Вербочка, вербочка
 Канарейка-Машенька
 Соловейко-Ванюшка.
 Это чей? это чей?
 Удивительной такой?
 Удивилъ меня милой
 Своей чудной красотой.
 Поцѣлуемся жъ съ тобой».
 2. «Жарко, жарко во теремѣ,
 Жарко, жарко во высокомъ.
 Жарко свѣчи горятъ
 Воску яраго горятъ
 Жалко плакала Машенька ¹⁾,
 Жалко тужила Ивановна ²⁾,
 По своей по воли вольной
 По русской косѣ.
 Унижаетъ ю (ее) мамшипка,
 Уговариваетъ татинька:
 Ты не плачь, наша умница,
 Не тужи, наша разумница,
 Мы тебя вѣдь не въ полонъ дадимъ,
 Мы тебя вѣдь въ замужъ выдадимъ,

Мы за умнаго, за разумнаго.
 За высокоаго, за красиваго,
 За богатаго, за почетнаго...
 Не одну дадимъ:
 Мы дадимъ брата въ провожатые.
 Провожая братъ наказывалъ,
 Братъ сестрицу уговаривалъ:
 Ты, сестрица родимая,
 Носи золото—не снанивай,
 Терпи горе—не рассказывай.
 Милый братецъ дорогой!
 Носясь золото сносится,
 Потерпѣвши, горе скажется!»
 3. «Я не знала, я не вѣдала,
 Когда сваха и навѣдала.
 Сваха гордая спѣсивая,
 Она ступила, не ступила,
 Слово молвила, не молвила:
 Снаряжайся, наша умница,
 Снаряжайся-ко, наша разумница,
 Ты во ту ли церковь Божью,
 Ко тому-ли суду Божію,
 Ко тому-ли ко злату вѣнцу.
 У злата вѣнца ножки ломатся,
 Подъ вѣнцомъ стоять—голова болитъ,
 Со ясныхъ очей слезы катятся,
 Во бѣлыхъ рукахъ свѣчи гасятся,
 А злодѣй стоитъ, все подталкиваетъ.
 Отойди ты прочь, обманщица,
 Отойди ты прочь, подговорщица,
 Безъ тебя мнѣ тошнехонько.
 Безъ тебя мнѣ тяжелехонько
 Разставаться съ отцомъ—батьюшкой
 Разлучаться съ родной матушкой,
 Распрощаться съ родомъ племенемъ.

Поѣздка на погостъ.

Какъ только обѣдъ бываетъ законченъ, — женихъ съ невѣстой и участники свадьбы съ той и другой стороны—ѣдутъ на погостъ. Женихъ и невѣста ѣдутъ въ отдѣльныхъ экипажахъ. Сряду по пріѣздѣ въ село невѣста снѣиваетъ дорожный костюмъ на подвѣнечный. Затѣмъ по исполненіи необходимаго для приступленія къ вѣнчанію, они отправляются въ церковь. Ихъ сопровождаютъ родственники и посторонніе лица, всегда усердно присутствующіе въ храмѣ при совершеніи брака. Только родители жениха и невѣсты не посѣщаютъ храма, когда вѣнчаются ихъ дѣти. Идя въ храмъ для вѣнчанія и обратно, женихъ и невѣста сохраняютъ молчаніе ³⁾. Путь ихъ туда и обратно освѣщается огнями маяковъ и оглушается криками «ура». Когда послѣ вѣнчанія новобрачные садутъ въ сани, навѣрваясь ѣхать домой, толпа зрителей кричить: «лошадь не ѣдетъ,—сани подольнули». Новобрачная цѣлуетъ мужа... и уѣзжаютъ.

¹⁾ Има невѣсты.

²⁾ Отчество ея.

³⁾ Причина таже, что и раньше сказано (при обѣдѣ).

Послѣ вѣнчанія.

Въ дожѣ женнахъ молодыхъ встрѣчаютъ въ сѣняхъ съ образомъ, хлѣбомъ и солью, и здѣсь же благословляютъ ихъ. Послѣ благословенія иногда даютъ молодымъ пить молока въ надеждѣ, что дѣти ихъ будутъ бѣловровнѣе. По сѣнямъ и по комнатамъ бѣгаетъ подостланъ холстъ, по которому молодые и идутъ. Когда они идутъ по сѣнямъ, то свади, чрезъ головы ихъ, бросаютъ житомъ. Дѣлаютъ это для того, чтобы жизнь молодыхъ была счастлива, съ совѣтомъ да любовью. У людей же состоятельныхъ богатыхъ бросаютъ чрезъ головы молодыхъ вмѣсто жита — пухъ, чтобы молодая толстѣла (пушило). Придя въ комнату, молодыхъ садятъ. Но прежде чѣмъ приступить къ угощенію новобрачныхъ и гостей, «молодую княгиню», какъ называютъ новобрачную народъ, — уводятъ въ отдѣльную комнату и здѣсь смѣняютъ ея дѣвичій головной уборъ на женскій. Въ комнату, гдѣ находится новобрачная, приходитъ ея свекровь. Новобрачная привѣтствуетъ свою богоданную матушку. Проводницы между тѣмъ, снимаютъ съ головы новобрачной «поднизъ» или жемчужную сѣтку, которыми голова бываетъ украшена во время вѣнчанія. Новобрачная, закрывъ лицо платкомъ, наклоняетъ голову. Свекровь же раздѣляетъ волосы своей новой невѣстки на двѣ половины (отъ середины лба до затылка), расчесываетъ ихъ и полагаетъ на голову деньги (1 — 5 руб.), которыя новобрачная сразу же беретъ себѣ.

Расчесавъ волосы свекровь обращается къ проводницамъ, кланяется имъ и говоритъ: «сватѣюшки! — все вамъ, все вамъ, имъ не свободно». Этими словами свекровь отказывается сана заплести косы и поручаетъ исполнить это проводницамъ. Тѣ, по обыкновенію, отвѣчаютъ: «не много надобно времени, сватѣюшка, ваплети-ка сама». Но со словами: «нѣтъ, сватѣюшки, не свободно, все вамъ», удаляется, а проводницы, или присутствующія постороннія женщины заплетаютъ волосы новобрачной на двѣ косы, какъ обыкновенно носятъ женщины, и надѣваютъ повойникъ (головной уборъ) — отличительный признакъ замужней женщины-крестьянки. Всякой женщинѣ принявшающей то или другое участіе при перемѣнѣ головнаго убора новобрачной даютъ маргін или сѣтку на повойникъ.

Когда головной уборъ смѣненъ, къ новобрачной приводятъ мужа, который садится на колѣни жены. Ему даютъ зеркало и просятъ посмотрѣть — «его-ли молодая?» Новобрачный смотритъ въ зеркало и говоритъ: «Не моя, не признаю; моя была въ поднизѣ, а эта въ повойникѣ; нѣтъ — не моя». Молодая цѣлуетъ мужа, и послѣдній снова смотритъ въ зеркало. Посмотрѣвъ онъ произноситъ: «Кажется, что моя, ей бы надо быть; да нѣтъ не она». Слѣдуетъ поцѣлуй отъ жены. Ваглянувъ въ третій разъ въ зеркало, молодой мужъ, какъ бы теперь только узнавъ свою жену громко восклицаетъ: «Моя, моя! Дѣйствительно моя!»

Послѣ описанной церемоніи новобрачные приходятъ въ комнату, гдѣ находятся гости, и садятся противъ средины стола. На мѣстѣ, приготовленномъ для новобрачныхъ, бывають положены шуба и подушка. На этихъ предметахъ и сидятъ новобрачные во все время вечера. Вслѣдъ за молодыми усаживаются вокругъ столовъ родственники новобрачной. Начинается угощеніе ихъ чаемъ, новобрачнымъ подается одинъ приборъ. Предъ чаемъ подносятъ гостямъ вино или водку. Каждый гость, взявъ рюмку, привѣтствуетъ молодыхъ «съ законнымъ бракомъ» и пьетъ за ихъ счастье. Отпивъ глотокъ вина, гость произноситъ: «горько». Молодые цѣлуются. Гость продолжаетъ пить. Отпивъ еще нѣсколько капель, онъ снова говоритъ: «слаще стало, да все еще горьковато». Цѣлуются. Гость допиваетъ остатокъ вина и со словами: «ну, вотъ теперь и сладко», полагаетъ рюмку на поднось.

Сразу послѣ чаепитія накрываютъ столы и просятъ гостей хлѣба сели покушать. Новобрачные и родственники молодой садятся и начинаютъ уничтожать предлагаемыя яства и питья. Послѣднимъ блюдомъ за свадебнымъ столомъ подается каша. Когда это послѣднее кушанье бываетъ съжрано, приносятъ горшокъ съ сыромъ и крендели. То и другое раздается зрителямъ. Это угощеніе называется «залозное». Водкой зрителей много или мало угощаютъ отъ молодыхъ заранее. Предъ раздачею же «залоз-

наго» старшій изъ сватовъ стучитъ палочкою въ потолокъ и обращаясь къ зрителямъ громко произноситъ:

«Чась перечась, призамолкните на чась:
Старыя старушки, молоды молодушки,
Красныя дѣвушки, удалы добры молодцы.
Князь молодой дасть залозное,
А княгиня низко кланяется».

Новобрачные стоятъ за столомъ и кланяются. Одинъ изъ зрителей, выбранный прочими за распорядителя и называемый старостою, раздастъ залозное присутствующимъ ¹⁾.

По окончаніи раздачи залознаго старшій свать опять стучитъ въ потолокъ призывая присутствующихъ къ порядку и вниманію, и, обратившись къ сидящимъ за столомъ, спрашиваетъ: «Кашу ѣли?»—отвѣчаютъ: «ѣли». Затѣмъ обращается съ вопросами къ зрителямъ: «Залозное ѣли?» «ѣли». «Водку пили?» «Пили».

Получивъ утвердительные отвѣты, свать произноситъ: «Похвалите же нашу молодую» и съ этими словами бросаетъ кверху горшокъ. Зрители, по почину старосты, въ одинъ голосъ кричатъ: «Хороша молода», «Хороша молода». Свать возвышаетъ снова свой голосъ и проситъ похвалить поѣзжанъ. Зрители хвалятъ гостей: «Хороши приставницы», «хороши рожники».

Когда всѣ гости бываютъ расхвалены зрителями, начинаютъ раздавать дары родственникамъ жениха. Дары бываютъ привезены отъ невесты и раздаются слѣдующимъ образомъ. Старшій свать, какъ и прежде, стучитъ въ потолокъ и произноситъ:

«Чась перечась, призамолкните на чась.
Старыя старушки, молоды молодушки,
Красныя дѣвицы, удалы добры молодцы.
Есть-ли у князя молодого батюшка
родной

NN.

Если есть, то повѣстите;
Спать, такъ побудите.
Нѣтъ,—такъ поищите
И сюда—ко мнѣ пришлите».

Отецъ молодого князя подходитъ къ столу. Свать разскажъ (какъ называетъ его въ причитаніи подгостиница), какъ бы не зная отца жениха, спрашиваетъ его, указывая на сына. «Вашъ сынокъ?» — «Мой», отвѣчаетъ отецъ. «Вы росли сынга?» опять спрашиваетъ свать. — «Росилъ». — «Теперь жените?» — «Женю». — «Получите же вотъ подарочки. Князь молодой ихъ дарить ²⁾, а княгиня низко кланяется». Молодые стоятъ и кланяются. Отецъ беретъ подарокъ ³⁾. (Подарокъ дается не изъ рукъ въ руки, а полагается на палочку, которою свать ранѣе стучалъ въ потолокъ).

Принявъ подарокъ, отецъ подноситъ его (подарокъ) къ губамъ, а затѣмъ кланяется и благодаритъ новобрачныхъ.

Послѣ отца свать вызываетъ мать жениха. Стучитъ и начинаетъ приговаривать:

¹⁾ Иногда бываетъ и такъ: Во время ужина присутствующіе зрители — мужчины выбираютъ изъ своей среды одного распорядителя — старосту. Этотъ староста подходитъ сначала къ «молодому князю», затѣмъ «княгинѣ», затѣмъ къ каждому изъ присутствующихъ за столомъ гостей и обращается съ просьбою дать что-либо на угощеніе зрителямъ. Каждый даетъ нѣсколько копѣекъ (20—5). На собранныя деньги староста покупаетъ кренделей и раздастъ ихъ зрителямъ.

²⁾ Подарокъ, какъ замѣчено выше, отъ невесты. Но послѣ вѣнчанія иѣется въ виду уже общность интересовъ и имущества молодыхъ, а потому свать и выражается: «князь молодой дарить».

³⁾ Не всегда сряду свать отдаетъ подарокъ. Бываетъ верѣдко и такъ, что отецъ жениха, протанувъ руку, готовъ взять подарокъ, а свать относитъ въ сторону подарокъ и второй разъ предлагаетъ вопросъ: «Вашъ ли сынгъ? Да вы ли росли? Жените ли? Вашъ ли молодые?» и т. п. Наспрашивавшись такимъ образомъ и, потомавъ отца жениха, свать наконецъ передаетъ ему подарки «князя и княгини молодыхъ».

«Часъ перечесть, призамолятъ на часъ. Матушка родная NN
 в. т. д. Если есть
 Есть-ли въ семьь домѣ у князя молодого то пришлите».

Когда мать приходитъ къ столу, то и ей свать предлагаетъ подобныя же, какъ и отцу вопросы. Отвѣтивъ на предложенныя вопросы, мать получаетъ подарокъ, благодарить молодыхъ и удаляется. За матерью вызываются братья, сестры, невѣстки, племянники и другіе родственники жениха по старшинству и подобнымъ указанному образомъ получаютъ подарки, только дѣвцы, сестры жениха не вызываются къ столу. Вѣсто же ихъ вызывается мать и, увѣривъ свата, что у ней, дѣйствительно есть дочь и зовутъ такъ (N) и величаютъ такъ-то (N), она получаетъ подарокъ для пердачи дочери. А между тѣмъ зрители каждый, получившаго подарки, а также родственниковъ невѣсты, съ криками «ура» поднимаютъ вверхъ, за что съ нѣкоторыхъ и получаютъ на водку.

Съ раздачею подарковъ заканчивается ужинъ и какъ молодые, такъ и гости отправляются на отдыхъ послѣ тревожной свадебнаго дня.

Въ какое-бы время года свадьба не происходила,—принято, чтобы молодые первое время спали въ холодной комнатѣ (кладовой, на чердакѣ, вышѣ и т. п.). Когда новобрачные явятся въ спальную комнату, ложе ихъ оказывается занято друзьями—шаферами. Однѣ просьбы оставить ложе и удалиться изъ спальни не дѣйствуютъ на друзей и невѣста должна бываетъ прибѣгнуть къ выкупу ложа. Она даритъ друзьямъ кому рубашку, кому полотенце, платокъ и т. п. Заполучивъ подарки, они удаляются, пожелавъ новобрачнымъ пріятныхъ сновъ.

Друзья удалились и молодой супругъ ложится на ложе, супруга же разобувасть его, снимая сапоги съ ногъ. За сняваніе сапоговъ супругъ даетъ деньги женѣ, полагая ихъ въ сапоги (въ руки не даетъ). Такимъ образомъ, какъ ни старалась невѣста предугадать—будетъ-ли она подъ началомъ, или ей придется начальствовать, и можетъ быть въ будущемъ ей удастся захватить въ свои руки «бразды правленія» мужемъ,—но почти первое ея дѣйствіе (разобуваніе) по отношенію къ мужу говорить, кажется, не въ ея пользу. Исполняя обычай она показала, очень легко хотъ и бессознательно, что должна и готова исполнять желаніе мужа, подчиниться его волѣ, и за это будетъ получать обезпеченіе. Не знаю имѣли-ли установители приведеннаго обычая мысль о подчиненіи жены мужу, (полагаю, что имѣли) и сознаютъ ли ее послѣдователи установленнаго обычая, но изъ поступка мысль вытекаетъ сама собою «понимай-де моль, чего моя нога хочетъ, поняла, исполнила,—получи деньги».

Наконецъ наступитъ ночь. Узы Гименея соединять еще двухъ законныхъ супруговъ, Морфей же смежать очи счастливецъ и навѣтъ сладостныя грезы. Среди грезъ они едва-ли замѣтятъ, какъ пройдетъ ночь и наступитъ утро, когда предупредительные друзья, стучомъ въ дверь, возвратятъ ихъ изъ міра сновидній къ обыденной дѣятельности.

Второй и послѣдующіе дни новобрачныхъ.

Первымъ дѣломъ, какъ только встанутъ, молодые отправляются въ баню. Друзья, вѣрнѣе — служки и здѣсь ихъ встрѣчаютъ, но бани не оставляютъ. Невѣста, какъ и съ ложа, заставляетъ ихъ удалиться подарками.

Возвратившись изъ бани молодые являютъ въ общество родственникововъ, гдѣ тѣ поздравляютъ ихъ «съ добрымъ утромъ», а другъ друга «съ молодыми».

Послѣ сего слѣдуетъ кофе-питіе и чае-питіе, а все это заканчивается обѣдомъ, который носитъ названіе «княжьяго стола». Послѣ княжьяго стола «молодая княгиня» даетъ подарки свекру, свекрови и другимъ близкимъ родственникамъ мужа.

Пообѣдавъ участники свадьбы разъѣзжаются по своимъ селамъ, деревнямъ и домамъ.

Спустя нѣсколько дней, чаще всего въ первый послѣ вѣчанія воскресный или праздничный день, молодые и ихъ односельчане ѣдутъ въ гости къ родителямъ молодой. Это первое посѣщеніе молодыми дома родителей невесты — называется «хлѣбнины». На хлѣбнинахъ молодая даритъ подарки всѣмъ пріѣхавшимъ.

Во многихъ мѣстахъ ¹⁾, въ скоромъ времени послѣ «хлѣбнины», ближайшіе родственники со стороны невесты (молодой) пріѣзжаютъ къ жениху (молодому), какъ говорятъ: «печь ронить», а на самомъ дѣлѣ посмотреть на общую жизнь молодыхъ и погостить у нихъ.

Визитами, такъ сказать, съ той и другой стороны заканчивается свадебное время. Молодые—главныя дѣйствующія лица—мало-по-малу входятъ и привыкаютъ къ новой жизни, а о прежней—холостой и дѣвической жизни остаются одни воспоминанія, которыя долго и долго хранятся въ памяти и для большинства бывають пріятными.

II. Пѣсня.

¹⁾ Въ Толувскомъ приходѣ «пече-роненье» соблюдается далеко не всѣми; между тѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Петрот. уѣзда этотъ обычай исполняется строго.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ.

Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. П. Житецкаго. Кіевъ, 1893.

Трудъ г. Житецкаго распадается на три части. Изъ нихъ одна посвящена малорусскимъ думахъ; другая говоритъ о такъ называемыхъ виршахъ, написанныхъ на малорусскомъ языкѣ; третью занимаютъ тексты 13-ти думъ, записанные неизвѣстнымъ лицомъ въ началѣ настоящаго столѣтія (сборникъ покойнаго А. А. Котляревскаго).

Нѣтъ сомнѣнія, что наиболѣе важна третья часть книги г. Житецкаго, хотя ея матеріалы не представляютъ полной новизны: ими уже воспользовался, и не мало, въ своихъ позднѣйшихъ статьяхъ Н. И. Костомаровъ. Она, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ эту книгу необходимою для каждаго любителя малорусской народной поэзіи. Но насъ въ трудѣ г. Житецкаго интересуетъ по преимуществу первая часть, излагающая мысли автора о думахъ.

Эти мысли вполне неожиданны. До сихъ поръ въ литературѣ о думахъ мы не встрѣчали ничего такого, что могло бы насъ сколько-нибудь подготовить къ подобнымъ мыслямъ...

Думы, говоритъ авторъ, — «сложный родъ поэзіи»... Онѣ представляютъ собою «особенныя формы поэтическаго творчества, народныя по мировоззрѣнію и языку и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія». Это видно изъ рѣимы и стихотворнаго размѣра думъ. Первая играетъ въ нихъ «видную роль». Въ угоду ей являются даже «невозможныя формы словъ». Впрочемъ она «неразнообразна и вообще скудна». Ея появленіе въ думахъ повело къ «неравномѣрности» стиховъ: одни изъ послѣднихъ имѣютъ болѣе 20 слоговъ, другіе, стоящіе рядомъ съ ними, ограничиваются семью-восемью, даже четырьмя слогами. Та же книжность видна изъ стилистическихъ особенностей думъ. Въ нихъ преобладаетъ глагольная рѣима, и такъ какъ каждый стихъ составляетъ самостоятельное предложеніе, то понятно, въ нихъ предложенія отличаются отъ обычныхъ предложеній тѣмъ, что имѣютъ сказуемое, отодвинутое отъ подлежащаго, на самомъ концѣ. Онѣ изобилуютъ синонимами, особенно глагольными, повторяютъ, для ясности, слова и выраженія, часто употребляютъ, и въ большомъ количествѣ, придаточныя предложенія, любятъ союзы, даже для соединенія главныхъ предложеній съ придаточными, вообще отличаются «періодическою рѣчью», а вмѣстѣ в «прозаическомъ складомъ рѣчи», причеиъ въ нихъ встрѣчаются періоды «какъ будто составленные по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства». Наконецъ, о книжности говоритъ словарный матеріалъ думъ: въ немъ не мало книжныхъ, церковно-славянскихъ элементовъ, попадаются книжныя же старинныя слова.

«Едва ли можно сомнѣваться, заключаетъ авторъ, въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти княжнне и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ».

Таковы мысли г. Житецкаго о думахъ, изложенныя и отчасти снабженныя доказательствомъ на первыхъ 38 страницахъ его труда.

Намъ кажется, единственное достоинство этихъ мыслей—ихъ новизна...

Что такое дума?

Мы напрасно стали бы искать у автора отвѣта на этотъ вопросъ. Г. Житецкій много разъ употребляетъ слова дума и пѣсня, но нигдѣ не опредѣляетъ, чѣмъ отличается дума отъ пѣсни. Иногда онъ даже не отличаетъ ихъ одну отъ другой. Такъ, мы у него читаемъ: «То же нужно сказать и о думахъ, изображающихъ боевыя столкновения козаковъ съ Татарами и Турками. Излюбленный образъ пѣсенъ, сюда относящихся. . .» (стр. 143). Или, онъ излагаетъ содержаніе одной думы и одной пѣсни и затѣмъ говорить: «двѣ разобранныя нами думы» (стр. 146). Другіе авторы, писавшіе о думахъ, также не даютъ намъ опредѣленія, что они называютъ думой. Гг. Антоновичъ и Драгомановъ въ извѣстномъ своемъ сборникѣ при однихъ пьесахъ пишутъ послѣ заглавія: «дума»; при другихъ, однородныхъ, не пишутъ этого слова. Покойный Головацкій называетъ думами и думками всѣ пьесы перваго тома «Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси». Покойный О. Ф. Миллеръ, употребляетъ названіе дума въ примѣненіи ко всѣмъ малорусскимъ историческимъ пѣснямъ, воспѣвающимъ борьбу козаковъ съ бусурманами и Лахами, между прочимъ къ пѣснямъ о Байдѣ и о Морозенкѣ¹⁾.

Самое слово дума не говоритъ ничего. Г. Житецкій полагаетъ, что «въ думѣ передается продуманный рассказъ о событіи» (стр. 7), но во-первыхъ, во всякой исторической пѣснѣ мы имѣемъ право видѣть продуманный рассказъ, а во-вторыхъ, крайне сомнительно, чтобъ слово дума, употребляющееся какъ названіе пѣсни по крайней мѣрѣ съ начала XVI вѣка, значило то же, что наше современное дума. Во всякомъ случаѣ древне-русскій языкъ знаетъ глаголъ думать въ значеніи совѣщаться, бесѣдовать, а въ болгарскомъ языкѣ тотъ же глаголъ значитъ говорить; слѣдовательно, слово дума нѣкогда могло значить, между прочимъ: бесѣда, рассказъ.

Авторъ, говоря о думахъ, цитируетъ по преимуществу тѣ историческія и бытовыя пѣсни, которыя поются не народомъ, а исключительно пѣвцами-нищими, слѣпыми бандуристами и лирниками, и которыя по своимъ внѣшнимъ особенностямъ рѣзко выдѣляются изъ массы произведеній малорусской народной музы. Только эти пѣсни мы считаемъ заслуживающими названія думъ и только ихъ мы далѣе будемъ называть думами.

Авторъ видитъ въ думахъ произведенія полу-народныя, полу-искусственныя. Намъ кажется, онъ относится къ нимъ несправедливо, потому что беретъ ихъ особнякомъ, такъ сказать, вырвавъ ихъ изъ ряда произведеній малорусской поэзіи, и забываетъ особенности большей части послѣднихъ... Мы надѣемся защитить отъ него думы и освободить отъ взведеннаго на нихъ обвиненія въ тѣсной связи ихъ съ виршами.

Посмотримъ на доказательства г. Житецкаго,

Онъ указываетъ въ думахъ прежде всего, какъ признакъ ихъ искусственности, — риму, но признается, что ова появляется въ думахъ «непредназначенно и какъ-бы случайно» и что «слагатели думъ не особенно заботились объ ея обработкѣ». «Цѣнилась, говоритъ онъ, только та рима, которая сама, такъ сказать, напрашивалась въ стихъ» (стр. 4). Дѣйствительно, рима вовсе не необходимая принадлежность стиха въ думахъ; она можетъ быть, можетъ не быть. Вотъ, напримѣръ, начало думы о трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ Азова:

¹⁾ Галаховъ, Исторія русск. словесности, изд. 2-е, I, 130—132.

Ізнідъ города, зпідъ Азова то не великі
тумани уставали,
Якъ три брати рідненькі,
Якъ голубонькі сивенькі,
Ізъ города, ізъ Азова, зъ тяжкої веволі
У землю християвську до батька, до ма-
тері, до роду утікали.
Два брата кінникъ,

А третій братъ, менший, піша пішаниця,
За кінними братами уганяе,
І на біле каміння,
На сире коріння
Свої ніжки козацькі-молодецькі побивае,
Кровню слідъ заливає
І до кінникъ братівъ словами промовляє.

Мы сохранили здѣсь дѣленіе стиховъ гг. Автоконича и Драгоманова. Конечно, оно можетъ быть нѣсколько иное. Но какъ-бы мы ни дѣлили стихи, нѣкоторое ихъ число все равно остается не соединеннымъ прямою съ остальными стихами.

Эта необязательность рими ярко отдичаетъ думы отъ всѣхъ прочихъ малорусскихъ пѣсней. Послѣднія (за незначительными исключениями), каково бы ни было ихъ содержаніе,—такъ или иначе римованныя; обыкновенно каждые два, рѣже три стоящихъ рядомъ стиха соединены въ нихъ между собою римою. Напримѣръ:

За рікою вогні горять;
Тамъ Татари полонъ ділять.
Село наше запалили
И богатство розграбили,
Стару неньку зарубали,
А милевьку въ полонъ взяли.
А въ долині бубни гудуть,

Бо на зарізъ людей ведуть.
Боло шін арванъ ъвєця
И по ногахъ ланпухъ бєця.
А я бідний зъ діточками
Піду лісомъ стежечками.
Нехай ёму ізъ водою!
Ось-ось чайка надо мною ¹⁾.

Если припомнимъ, что рима—необходимая принадлежность всѣхъ виршей, написанныхъ на малорусской почвѣ въ XVI—XVII—XVIII вѣкахъ, то мы увидимъ наибольшее сходство съ виршами не въ думахъ, какъ видитъ г. Житецкій, а во всѣхъ прочихъ малорусскихъ пѣсняхъ. Иначе говоря, желающій, подобно г. Житецкому, видѣть въ римѣ признакъ искусственности—долженъ признать меньшее количество искусственности въ думахъ и большее въ прочихъ малорусскихъ пѣсняхъ. А сверхъ того, мы не имѣемъ основанія думать, что рима указываетъ на искусственность. Всѣ западно-славянскія пѣсни—римованныя, и единственное, на что въ вопросѣ о думахъ указываетъ рима (на что указываютъ также и сюжеты, и символика, и разныя мелочи), это сильное вліяніе западно-славянской, въ особенности польской народной поэзіи на малорусскую ²⁾.

Въ виду этого, какъ-бы случайная, необработанная рима въ думахъ можетъ свидѣтельствовать лишь о составленіи думъ въ то время, когда малорусскій народъ не вошелъ еще во вкусъ рими и не придавалъ ей большаго значенія.

Далѣе г. Житецкій ссылается, какъ на признакъ искусственности, на неравномѣрность стиховъ въ думахъ. Дѣйствительно, какъ можно видѣть изъ приведеннаго выше отрывка, думы не имѣютъ даже того приблизительнаго равенства между стихами, которое замѣчается во всѣхъ прочихъ малорусскихъ пѣсняхъ, и этимъ рѣзко отличаются отъ послѣднихъ. Между тѣмъ въ виршахъ, за незначительными исключениями, какъ извѣстно, равенство стиховъ (по числу слоговъ) въ томъ или иномъ видѣ обязательно. Слѣдовательно, желающій смотрѣть на неравномѣрность стиховъ какъ на признакъ искусственности долженъ призвать меньшую искусственность въ думахъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ малорусскихъ пѣсняхъ. А сверхъ того, у насъ нѣтъ основанія полагать, что неравномѣрность стиховъ свидѣтельствуетъ объ искусственности. Скорѣе мы можемъ видѣть въ этой неравномѣрности указаніе на архаичность внѣшней стороны думъ.

¹⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, I, 76.

²⁾ Рядъ пѣсней у Малоруссовъ съ одной стороны и у Поляковъ однѣ и тѣ же: Малоруссы поютъ пѣсни заимствованныя у Поляковъ, а Поляки пользуются пѣснями несомнѣнно малорусскаго происхожденія.

Далѣ г. Житецкій говоритъ объ построеніи предложеній въ думахъ—съ сказуемымъ на концѣ. Но и оно не можетъ быть считаемо за признакъ искусственности. Подобное построеніе свойственно не однимъ думахъ; оно обычно во всѣхъ прочихъ малорусскихъ пѣсняхъ, только въ послѣднихъ, благодаря сравнительной краткости ихъ стиховъ, постановка сказуемаго (или вообще глагольной формы) въ концѣ предложеній не бросается въ глаза. Вотъ, на примѣръ, галицкая пѣсня изъ сборника Головацаго (I, 267):

Чомъ ты, коню, воду не пьешь, ци дорогу чуюшь?
 Чому, сину ти Василю, дома не ночуешь?
 Ой, якъ мені, моя мати, дома ночовати:
 Темна нічка въ Петрівочку, ні съ кимъ розмовляти.
 — Ой, маешь ти, мой синочку, коня вороного,
 Заведи го до стаенки, промовляй до нѣго!
 — Бодай тобі, моя мати, такъ було вмерати,
 Та якъ мені молодому съ конемъ розмовляти!
 Я до коня промовляю, а вінъ не говорить,
 Лишень мене, моя мати, въ білші літа вводитьъ.
 Високая ліщинонька широкій листъ має;
 Гірше любовь відъ болести серденько врыває.
 Що я болю, переболю, умру, перебуду,
 А вже туту сучу лубу ніякъ не забуду!

На оборотъ, вирши такого построенія предложеній (по нашему мнѣнію, архаическаго) почти не знаютъ. Вотъ для сравненія первый отрывокъ вирши, попавшійся намъ на глаза въ книгѣ г. Житецкаго (стр. 44):

Не пиись, что тебѣ не дано отъ Бога.
 Безъ Бога, знаешь, ниже до порога.
 Если не рожденъ, не сунься въ науку:
 Ахъ, многи черезъ то въ вѣчну впали муку!
 Не многихъ мати породила въ школѣ.
 Хочъ ли блаженъ быть? Будь сытъ въ своей долѣ!

Наконецъ, что до соединенія предложеній союзами, до періодичности рѣчи, до книжнаго элемента въ словарномъ матеріалѣ, на которыя также ссылается г. Житецкій,—все это въ думахъ не сильнѣе, чѣмъ въ великорусскихъ былинахъ, и если о чемъ-нибудь говорить, то развѣ только о томъ, что пѣвцы думъ поютъ также исальмы съ ихъ искусственнымъ языкомъ.

Мы покончили съ наиболѣе существенною частью мыслей г. Житецкаго. Теперь вѣсколько словъ о виршахъ, которыя, по мнѣнію автора, оказали вліяніе на думы.

Г. Житецкій для сравненія съ думами приводитъ извлеченія изъ виршей безъ всякаго разбора. Рядомъ съ немногими виршами, дошедшими до насъ въ рукописяхъ XVIII вѣка, онъ помѣщаетъ вирши, записанныя въ новѣйшее время и имѣющія разные признаки новѣйшаго составленія: тоническій размѣръ, чередующіяся черезъ стихъ рѣемы, юморъ во вкусѣ «Энеиды» И. П. Котляревскаго, словомъ—вирши въ родѣ помѣщенныхъ на стр. 83, 95—96, 134:

Родивсь Христось, Адамъ гуляе,
 Е нова свитка и кожухъ,

И Ева въ плахті похожае,
 И зновъ радіє духъ.

Рудий богатьрь Самсонъ,
 Що бувъ велимъ ласъ на сонъ,
 Наробивъ вінъ въ неклі трусу,

Крикнувъ Навину Ісусу,
 Щобъ вінъ сонце придержавъ.
 Адъ затрясся, задрожавъ.

Далѣ, рядомъ съ собственно-виршами, онъ пользуется діалогами въ комическихъ интермедіяхъ прошлаго вѣка и вертепной драмѣ. Все это и по времени, и по формѣ, и по содержанію не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ думамъ и не можетъ давать ихъ особенностямъ никакого объясненія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что думы по своей формѣ рѣзко отличаются отъ народныхъ пѣсенъ. Чѣмъ это объясняется?

По нашему мнѣнію, различіе между думами и пѣснями находится въ зависимости отъ того, что одиѣ поются исключительно пѣвцами-нищими, а другія—народомъ.

Пѣвцы-нищіе болѣе или менѣе консервативно относятся къ тому, что поютъ; они вносятъ мало измѣненій въ заученныя пѣсни и сохраняютъ ихъ форму, ихъ слова (иногда имъ непонятныя), ихъ музыку. Напротивъ того, народъ заботится о приданіи своимъ пѣснямъ лучшей (по его мнѣнію) формы, о внесеніи большей ясности въ ихъ содержаніе, о снабженіи ихъ лучшей музыкою, и его пѣсня ¹⁾ съ теченіемъ времени, при измѣненіи его вкуса, постепенно измѣняется.

Такимъ образомъ различіе между думами и пѣснями можетъ быть сведенно къ тому, что дума представляетъ собою народную эпическую пѣсню съ тою формою и музыкою, какую она имѣла въ старину, въ тѣ времена, когда перешла отъ народа къ пѣвцамъ нищимъ²⁾, а пѣсня—нѣчто сравнительно новое во всѣхъ отношеніяхъ, получившее послѣ продолжительной, еще не закончившейся обработки народомъ первоначальнаго пѣсеннаго текста.

А. Соболевскій.

Богатырь-козакъ Илья Муромецъ какъ историческое лицо. Д. И. Иловайскаго
(Русскій Архивъ 1893 года № 5.)

Настоящая статья написана нашимъ почтеннымъ историкомъ по поводу «Экскурсовъ въ область русскаго народнаго эпоса», проф. В. Ф. Миллера, и посвящена главнымъ образомъ разрѣшенію вопроса: почему Илья Муромецъ въ былинахъ называется *козакомъ*?

Авторъ вѣритъ, что былинный Добрыня «пошелъ» отъ лѣтописнаго Добрыни, дяди Владимірова, что былинный Ставръ—тотъ Ставръ, который жилъ при Мономахѣ, что былинный Дунай—тотъ Дунай, о которомъ упоминаетъ галицко-волинская лѣтопись. Онъ признаетъ возможнымъ, что прототипъ Илья Муромца, какой-то знатный витязь Илья, воспѣвался въ дружинной поэзіи уже въ XI—XII вв., и отказываетъ въ древности лишь эпитету Илья—*козакъ*. Ему прекрасно извѣстно, что слово *козакъ* въ старой Руси означало работника, но онъ почему-то хочетъ понимать его какъ эпитетъ Илья не въ старомъ, а въ современномъ его значеніи. Отсюда поиски, результатъ которыхъ таковъ.

Царь Василій Шуйскій въ 1609 году осадилъ въ Тулѣ одного изъ мелкихъ самозванцевъ, лже-Петра, и заставилъ его сдаться вмѣстѣ съ окружавшими его козаками. Этотъ самозванецъ передъ казнью былъ допрошенъ и оказался сыномъ торговаго челоувѣка Ильею, родомъ изъ Муромца, служившимъ сначала въ судовыхъ рабочихъ (въ «козакахъ») на Волгѣ, а потомъ приставшимъ къ волжскимъ козакамъ. Личность этого историческаго козачьяго атамана Илья Муромца, по мнѣнію Д. И. Иловайскаго, слилась съ легендарнымъ его, такъ сказать, тезкой и однофамильцемъ, и съ тѣхъ поръ богатырь Илья сталъ представляться козакомъ.

¹⁾ Кроме, до извѣстной степени, пѣсни обрядовой, которую полагаются пѣть такъ, какъ она пѣлась прежде.

²⁾ Дума по неравномѣрности своихъ стиховъ очень близка къ нѣкоторымъ великорусскимъ духовнымъ стихамъ, а по своей музыкѣ—къ сербскимъ эпическимъ пѣснямъ (о послѣднемъ смотри между прочимъ въ ст. *Ровинскаго* „Сербская Морава“ (*Вѣстн. Евр.* 1876 г. № 4, стр. 529—531).

Авторъ въ февралѣ настоящаго года прочелъ свои замѣтки на «Экскурсы» въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Онѣ встрѣтили возраженія, которыя Д. И. Иловайскій излагаетъ и опровергаетъ въ концѣ своей статьи. Однѣ изъ нихъ таковы, что ихъ можно бы не излагать, но другія заслуживаютъ вниманія. Онѣ указываютъ на невозможность слиянія былиннаго богатыря съ историческимъ самозванцемъ. Дѣйствительно, послѣдній былъ слишкомъ ничтоженъ во всѣхъ отношеніяхъ, слишкомъ мало извѣстенъ, его дѣятельность была слишкомъ не блестяща и кратковременна, чтобы народъ могъ получить о немъ сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія. Лѣтописцы смутнаго времени, какъ говоритъ самъ Д. И. Иловайскій, не знаютъ ничего достовѣрнаго объ его личности, и если бы не дошла до насъ царская грамота, излагающая его показанія, мы бы не знали, что онъ былъ Илья изъ Муромъ. Само собою разумѣется, онъ не могъ быть «слить» народомъ съ его любимымъ старымъ богатыремъ.

Годъ назадъ (въ Живой Старинѣ 1892 года, вып. 2-й), по поводу тѣхъ-же «Экскурсовъ» В. О. Миллера, мы высказали мнѣніе, что слово *коза къ*, какъ эпитетъ Илья значить: сельскій работникъ (пожалуй: бездомовный, бродячій крестьянинъ), и позволяемъ себѣ остаться при этомъ мнѣніи, тѣмъ съ большимъ правомъ, что наша статья «О типѣ Илья Муромца», гдѣ оно изложено, равно какъ и другая наша статья, посвященная былинному эпосу (въ Живой Старинѣ 1890 года, вып. 2-й), остались Д. И. Иловайскому неизвѣстны.

А. Соболевскій.

Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ. А. И. Кирпичникова. Спб. 1891.

Скоморохамъ у насъ въ послѣднее время очень посчастливилось. Г. Фаминцынъ посвятилъ имъ отдѣльную книгу; академикъ Веселовскій говоритъ о нихъ на цѣломъ рядѣ страницъ своихъ «Розысканій въ области русскихъ духовныхъ стиховъ»; наконецъ на нихъ остановился проф. Кирпичниковъ въ брошюрѣ, изданной Академіею Наукъ. Предметъ ея— слово *с к о м р а х ъ*, *с к о м о р о х ъ*. Авторъ затрудняется принять какое-либо изъ существующихъ производствъ этого слова и предлагаетъ свое. Онъ спрашиваетъ: «отчего не производить *с к о м р а х ъ* отъ *с х ѡ м ѣ а*—шутка и *ѡ р х ѡ*—начальствую, изъ *с х ѡ м ѣ а р х ѣ с ѣ*», но при этомъ самъ даетъ читателю право отвѣтить ему отрицательно, признаваясь, что слова *с х ѡ м ѣ а р х ѣ с ѣ* въ византійскихъ памятникахъ пока еще не найдено.

Проф. Кирпичниковъ убѣжденъ, что скоморохи явились на Руси «какъ продуктъ вліянія на нее чуждой цивилизаціи и первоначально цивилизаціи византійской». «Немного поздне, продолжаетъ онъ, къ намъ проникаютъ шпильманы западные въ своемъ *к р о т о п о л ь н о м ѣ* костюмѣ, и къ періоду московскому изъ этихъ двухъ пришлыхъ и одного туземнаго элемента образуется такая же интересная амальгама, какъ и русская былинная поэзія и стиль русскихъ церквей». Мы не видимъ достаточнаго основанія для такого убѣжденія. Всѣ наши свѣдѣнія о скоморохахъ до-московскаго періода нашей исторіи отличаются сомнительнымъ достоинствомъ. Упоминаніе о нихъ, какъ о людяхъ носившихъ латинскій костюмъ и «кروتополіе», въ Лѣтописцѣ Переяславскомъ лишено значенія, такъ какъ этотъ Лѣтописецъ относится къ концу XV или даже къ началу XVI вѣка и принадлежитъ къ числу памятниковъ западно-русской письменности. Описаніе гимнастическихъ и другихъ представленій въ одной редакціи «Слова» Давида Заточника ничѣмъ не указываетъ на тожество гимнастовъ съ русскими скоморохами. Личности, изображенныя на разрисованныхъ буквахъ нѣкоторыхъ русскихъ рукописей XIV в. (главнымъ образомъ евангелій) и принимаемыя г. Кирпичниковымъ за русскихъ скомороховъ,—едва-ли имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ русской дѣйствительности, какъ почти всѣ фигуры, находящіяся въ орнаментѣ нашихъ рукописей того времени¹⁾; да и невозможно предполагать, чтобы наши благочестивые предки допустили изображенія ненавистныхъ церкви скомороховъ на страницы на престоль-

¹⁾ Нѣкоторые рисунки нашихъ рукописей—восомнѣнныя копія съ южно-славянскихъ оригиналовъ.

ныхъ евангелій. О изображеніяхъ на фрескахъ кіевскаго Софійскаго собора нѣтъ надобности распространяться: они сдѣланы Греками-художниками и передаютъ византійскую дѣйствительность. Далѣе: мы ничего не знаемъ о переходѣ къ намъ съ запада нѣмецкихъ шпильмановъ; можетъ быть, они переходили къ намъ, по крайней мѣрѣ въ юго-западную Русь; можетъ быть, не переходили; во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ основанія думать, что слово шпильманъ когда-нибудь существовало въ живомъ русскомъ языкѣ: оно находится только въ русскихъ спискахъ съ южно-славянскихъ оригиналовъ¹⁾.

Вообще, по нашему мнѣнію, вопросъ о происхожденіи русскихъ скомороховъ к отношеніямъ между ними и ихъ греческими и западно-европейскими собратами пока еще нельзя считать рѣшеннымъ.

Кстати. Никто изъ нашихъ ученыхъ, интересующихся скоморохами, не занялся современными потомками скомороховъ, тѣми пѣсенниками, которые даютъ представленія въ Москвѣ на масляницѣ к святой недѣлѣ въ такъ называемыхъ самокатахъ. И сами пѣсенники, составляющіе, кажется, артели, подъ управленіемъ болѣе или менѣе извѣстнаго въ народѣ пѣвца, в ихъ пѣніе, сопровождаемое разнообразнымъ музыкальнымъ аккомпаниментомъ, а иногда и пляскою, вполне заслуживаютъ вниманія.

А. Соболевскій.

Къ диалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора. *Е. Будде.* Варшава, 1892.

Г. Будде лично «обслѣдовалъ» только Скопинскій, Ряжскій и Пронскій уѣзды Рязанской губ., первый «почти вполне», второй и третій—«отчасти». Если бы онъ далъ намъ подробное описаніе говора «обслѣдованныхъ» имъ мѣстъ, мы могли бы только приветствовать его диссертацию и радоваться ея появленію. Къ сожалѣнію, г. Будде не ограничился ролью скромнаго, но добросовѣстнаго изслѣдователя. Собрать кое-какія данныя изъ другихъ уѣздовъ Рязанской губ., то при помощи «вопросныхъ листовъ», то черезъ учениковъ Скопинскаго реальнаго училища, онъ выступилъ въ качествѣ знатока «рязанскаго говора» вообще, т. е. всей Рязанской губ., и составилъ описаніе этого не существующаго говора въ его цѣломъ. При этомъ онъ обнаружилъ большую самоувѣренность и смѣлость. Читаетъ онъ, напримѣръ, что въ Раненбургскомъ уѣздѣ (въ которомъ онъ никогда не бывалъ) нѣтъ жѣны *еи* и слышится мягкое *т* вмѣсто мягкаго *к*, к рѣшительно заявляетъ, что это «невѣрно» (стр. III). Или, сообщаютъ ему, что въ Зарайскомъ уѣздѣ (въ которомъ онъ также никогда не бывалъ) звукъ *г* звучитъ какъ лат. *g*; онъ не видитъ въ этомъ ничего невозможнаго (стр. 51), но тѣмъ не менѣе увѣряетъ, что *г = g* «почти неизвѣстно рязанскому нарѣчію» (стр. 50). Отсюда можно видѣть, что къ труду г. Будде, особенно къ его категорическимъ заявленіямъ, въ родѣ того, что «въ Рязанской губ. нѣтъ простолюдина или даже горожанина», который бы не употреблялъ мягкаго *к* (Ванька и т. п.; стр. 56), или что въ вольныхъ селахъ и деревняхъ Рязанской губ. что «всегда» произносится какъ *шо* (стр. 77), или что окончаніе 3-го лица *тѣ* «единственное и повсемѣстное» въ Рязанской губ., что въ ней окончанія *тѣ* «нѣтъ совсѣмъ» (стр. 97), необходимо относиться съ большою осторожностью.

Тѣмъ не менѣе матеріалъ, сообщаемый г. Будде, не лишенъ цѣнности.

Наши свѣдѣнія о говорахъ Рязанской губ. до сихъ поръ были до чрезвычайности скудны и случайны. Г. Будде нѣсколько пополняетъ ихъ. Какъ ни отрывочны его данныя, все таки теперь мы уже можемъ не сомнѣваться, что въ южной половинѣ губерніи слышится сильно алакійскій говоръ тотъ же въ главныхъ своихъ особенностяхъ, что въ

¹⁾ Слово шпиль, встрѣчающееся у насъ только какъ собственное имя (духовная до 1459 г. Акты Калачева I, 547), едва-ли имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ нѣмецкимъ шпильманамъ, точно также какъ и слово шпиль, явившееся у насъ лишь въ XVII вѣкѣ, въ текстахъ явобилующихъ колонизаши.

губерніях Тульской, Калужской, Орловской, Курской и друг. ¹⁾, но съ рѣдкою (и не повсемѣстною) мѣною *у* и *е*. Также теперь мы уже знаемъ кое-что о говорѣ сѣверо-западнаго угла губерніи, Касимовскаго уѣзда, который оказывается хотя не совсѣмъ такимъ, какимъ изобразилъ его Даль, но тѣмъ не менѣе очень любопытнымъ. Онъ, подобно своему сосѣду, говору Меленковскаго и Муромскаго уѣздовъ Владимирской губ., представляетъ смѣсь сѣверно-великорусскихъ чертъ, повидимому, въ немъ исконныхъ, съ чертами южно-великорусскими, заимствованными. Именно, въ немъ встрѣчается *у* вмѣсто неударяемаго *о*: за нявѣстуй, санауцкуй, ёлицкуй (твор. ед., стр. 49), *е* вмѣсто *я* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ: апеть, дедя, въ еслахъ (стр. 24), мѣна *ѣ* и *ч*: крымыть, спѣась, ѣатыря, чарь (стр. 82—83), группа *ни* вмѣсто *ди*: выина=видно, два *ни* и т. п. (стр. 73), и рядомъ аванье, не такое рѣзкое, какъ на югѣ губерніи (стр. 6), съ случаями употребленія глухаго *ы* въ слогѣ передъ удареніемъ: гыстѣла, сьсвѣталъ (стр. 31), спорадическое *у* вмѣсто *ея*: *у* дѣни, *у* кучки (=въ кучкѣ, стр. 66), пристрастіе къ *х* и *хѣ* вмѣсто *ѳ*: Хнйцѣ, Хѣддарь. Сверхъ того, въ говорѣ Касимовскаго уѣзда (въ Тумскомъ краѣ) отмѣчено опущеніе *е* между гласными: пріозкутъ, деить=девать, даича, и заѣтна *е* черезъ *ѣ* передъ согласными и въ концѣ словъ: дайки=лавки, любѣѣ=любовь, пятроѣ день=петровъ. Затѣмъ, мы имѣемъ у г. Будде нѣсколько данныхъ изъ Егорьевскаго уѣзда, которыя показываютъ, что въ немъ говоръ также рѣзко отличается отъ говора южныхъ уѣздовъ губерніи и, подобно касимовскому, имѣетъ мѣну *ѣ* и *ч* (стр. 83).

Г. Будде сопровождаетъ приводимыя имъ данныя «рязанскаго говора» историческимъ комментариемъ, не всегда удачнымъ, на которомъ намъ нѣтъ надобности останавливаться.

Книга г. Будде даетъ понятъ, какъ много интереснаго представляютъ нѣкоторые говоры великорусскаго центра, не удостоиваемые вниманія нашими наблюдателями, и какъ важно было бы имѣть о нихъ достовѣрныя свѣдѣнія.

Кромѣ изслѣдованія, г. Будде помѣстилъ небольшой словарикъ мѣстныхъ словъ и 58 пѣсень (между прочимъ изъ Касимовскаго уѣзда). *А. Соболевскій.*

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1893 годъ. Воронежъ, 1892 года.

Настоящая «Книжка» не представляетъ большаго интереса. Она заключаетъ въ себѣ «Статистическій обзоръ Воронежской губерніи за 1891 годъ», съ подробными свѣдѣніями о народномъ образованіи въ Воронежской губерніи за 1891 г., обработанными г. Дикаревымъ, и съ приложеніемъ тринадцати статистическихъ таблицъ и алфавитнаго списка церковныхъ приходоу Воронежской епархіи (здѣсь показаны число душъ въ приходѣ и количество церковной земли).

Далѣе въ «Книжкѣ» слѣдуютъ слѣдующія статьи:

«Историческій обзоръ дѣятельности Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета», г. Воскресенскаго ²⁾. Комитетъ, учрежденный въ 1835 г., первые годы провелъ въ полномъ бездѣйствіи и въ 1853 году даже не могъ дать отвѣта на запросъ: были-ли въ немъ когда-нибудь засѣданія и составлялись ли журналы? Только съ 1853 г. началась дѣйствительная жизнь Комитета, а въ 1856 г. вышла первая воронежская «Памятная книжка».

«Разрушеніе почвенныхъ покрововъ», г. Щербини. Здѣсь указывается на послѣдствія нерасчетливыхъ распашекъ и нераціональнаго истребленія лѣсовъ въ Воронежской губерніи.

«Выселенія крестьянъ изъ Воронежской губерніи въ 1874—1892 годахъ», г. Бычковскаго.

¹⁾ О немъ см. „Очеркъ русской діалектологіи“ (Живая Стар. 1892 г. вып. I).

²⁾ Перепечатано съ измѣненіями и дополненіями изъ книги „Пятидесятлѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Томъ I, стр. 523 и слѣд.

«Статистическія данныя для характеристики торговли г. Воронежа за 1874—1891 годы», г. Сверчкова.

«Кольцовъ какъ народный поэтъ», Е. Маркова.

«Старая Донская пустыня и Донецкій казачій городокъ», Е. Маркова. Здѣсь описывается слобода Монастырщина, расположенная на самомъ краю Богучарскаго уѣзда, въ 7—8 верстахъ отъ Земли Войска Донскаго, на мѣстѣ донскаго Верховаго городка, и приводится рядъ историческихъ данныхъ.

«Валуйская старина. Валуйскій Пристанскій монастырь по разрядной описи XVII вѣка», г. Федяевскаго. Текстъ книгъ описныхъ Валуйскаго Пристанскаго монастыря 1641 года.

«Воронежскія древности (статистическія данныя о находкахъ древнихъ каменныхъ и бронзовыхъ издѣлій въ Воронежской губерніи съ 1863 по 1893 г.)», г. Звѣрева, со снимкомъ издѣлій. Объ одной кремневой стрѣлѣ разсказывается, что она принадлежала старухѣ знахаркѣ, которая ее употребляла для лѣченія болѣзней, прикладывая къ больному мѣсту.

«Холерная эпидемія въ Воронежской губерніи въ 1892 году», г. Зарянка.

Н. Т—ова.

Н. П. Остроумовъ. Сарты. Этнографическіе матеріалы, вып. II. Народныя сказки сартовъ. Ташкентъ. 1893.

Средняя Азія, поле столь многихъ и великихъ событій, не можетъ быть названа бытою страной. Изъ глубокой древности идутъ о ней извѣстія и чѣмъ ближе къ нашей эпохѣ, тѣмъ все больше и больше. (Ср. «Карманная книжка для любителей землѣвѣдѣній, изд. И. Р. Г. О.» 1848 г. ст. Савельева «Средняя Азія»). Особенно плодотворнымъ для изученія ея было время русскихъ завоеваній въ Туркестанѣ. Новая, малозвѣстная для русскихъ страна обратила на себя живѣйшее вниманіе, возбудила оживленный интересъ къ своему историческому прошлому, къ своему внутреннему строю, своимъ насущнымъ потребностямъ. Не смотря на всѣ неудобства полуоходной обстановки не по днямъ, а по часамъ росла литература статей, брошюръ, отдѣльныхъ сочиненій о вновь завоеванномъ краѣ. Можовъ насчиталъ, не ругаясь еще за полноту, до 3000 статей и цѣльныхъ сочиненій о Средней Азій за 10 лѣтъ нашего владычества въ краѣ. «Этотъ край былъ изслѣдуемъ и описанъ въ всевозможныхъ отношеніяхъ и быть можетъ извѣстенъ намъ болѣе, чѣмъ, напр., наши сѣверныя губерніи или Сибирь, которыя однакоже принадлежатъ Россіи нѣсколько столѣтій» («Туркестанскій Сборникъ ст. отн. до Ср. Азій вообще и турк. края въ особ.» Предисловіе.). Второе десятилѣтіе нашего пребыванія въ краѣ какъ будто остудило энергію, любознательность притулилась, явилось дряблое уныніе, жизнь заполонили мелочи личнаго существованія. Такъ скоро оживленіе первой военной обстановки, увлеченіе новизной смѣнилось затихшемъ столчаго болота. Но и на этомъ болотѣ иногда блуждали огоньки.

Печатный станокъ совершенно не ослабѣвалъ—продолжала выходить, хотя съ меньшимъ содержаніемъ, газета «Туркестанскія Вѣдомости», издавались «Труды Сырь-Дарьинскаго областного статистическаго комитета», нынче переименованные въ «Сборникъ матеріаловъ для статистики Сырь-Дарьинской области», существовали, конечно, ежегодныя официальные обзоры областей Туркестанскаго края. Въ общемъ, казалось бы неужѣстнымъ жаловаться на бѣдность литературы по Средней Азій вообще и нашихъ въ ней владѣній въ частности и однако этнографъ ея неудовлетворенъ. Просмотрите огромныя систематическіе указатели Можова, переберите всѣ статьи въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», въ статистическихъ сборникахъ—много-ли тамъ собственно этнографическаго матеріала? Два-три очерка наиболѣе выдающихся пунктовъ (напр. «Азіатскій Ташкентъ» Маева), нѣсколько пословицъ, загадокъ и затѣмъ столь обманчивая (если судить о богатствѣ литературы по количеству названій соч.) масса путевыхъ замѣтокъ—все это впечатлѣніе глаза, случайный матеріалъ, а не систематическое изученіе края по опредѣленной

программѣ, съ серьезной цѣлю—не развлечь читателя легкимъ наброскомъ чего нибудь любопытнаго, а самымъ впечатлительнымъ детальнымъ изученіемъ края уяснить себѣ и стоящую основу его быта, вѣрованій, вообще—жизни. Вѣдь важность такого изученія только для науки, по и для нашей жизни и дѣятельности въ край стала общимъ мѣстомъ. Чтобы это сознание не оставалось лишь на словахъ, а переходило бы въ дѣло, нужна чья либо инициатива. Ее, кажется могла бы на себя взять школа. Такъ мы думаемъ во 1-хъ имѣя въ виду примѣръ кавказскаго учебнаго округа. Не можемъ не привести слѣдующія весьма основательныя соображенія. «Управление Кавказскаго учебнаго округа признавъ полезнымъ, сверхъ указанія цѣлесообразнаго исполненія народными учителями прямыхъ обязанностей, обратитъ ихъ вниманіе на возможно всестороннее изученіе ими тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они живутъ и гдѣ сосредоточена ихъ дѣятельность. Это изученіе, ставляя серьезное и весьма полезное занятіе безъ всякаго сомнѣнія, возбудитъ во многія изъ нихъ интересъ къ наблюденію природы и, имѣя значеніе умственно-освѣжающаго труда, окажетъ благотворное вліяніе и на педагогическую ихъ дѣятельность въ тѣсной смыслѣ. Оно не только будетъ служить къ огражденію учителей отъ апатіи, ложнаго управленія и увлеченій вредными посторонними вѣушеніями, во и къ поддержанію ихъ уровня полученнаго ими образованія и дальнѣйшему самосовершенствованію. Кроме указанного значенія лучшія работы учителей и учительницъ по описанію разнообразныхъ мѣстностей Кавказа могутъ со временемъ представить хорошій матеріалъ для описанія цѣлаго края». («Матеріалы для описанія мѣсти. и племень Кавказа», изд. Упр. К. Учебн. Окр., вып. I. Пред. II—III).

Всѣмъ интересующимся этнографіей Кавказа извѣстно, какіе богатѣйшіе плоды пришло это начпаніе.

Вторымъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія, что школа должна дать импульсъ къ болѣе систематическому изученію края, служатъ «этнографическіе матеріалы Сартакъ» Н. П. Остроумова, къ которымъ мы теперь и переходимъ. Н. П. Остроумовъ, директоръ классической гимназій въ Ташкентѣ и редакторъ «Туземной Газеты», давно занимается выдѣленіемъ спеціально этнографическаго матеріала изъ нашихъ свѣдѣній Русской Азіи. такъ, кромѣ мелкихъ статей и замѣтокъ въ «Запискахъ вост. отд. Импер. русск. арх. общества» (напр. т. II, в. III; т. VII и др.), въ «Этнограф. Обзорѣніи» (кн. II ему принадлежатъ «Пословицы туземнаго населенія Туркестанскаго края» и «Сарты» вып. I (1890), II (1893). Сложныя прямыя обязанности не позволяютъ Н. П. Остроумову съ достаточною внимательностью разобратъ въ издаваемыхъ матеріалахъ да и самъ матеріалъ этого не такого свойства, чтобы легко было его обобщать, дѣлать изъ него выводы—вотъ гдѣ оправданіе отъ нападокъ, сдѣланныхъ на I выпускъ «Сартовъ», и объясненіе тѣхъ недочетовъ, которые могли бы найтись въ предисловіи ко 2-му выпуску. Нѣкоторыя заключенія можно легко отбросить, матеріалъ же, собранный какъ самими Остроумовымъ такъ и другими подъ его руководствомъ, останется навсегда цѣннымъ вкладомъ въ нашу этнографическую литературу Азіи. Желательно только выполненіе одного существеннаго условія меньше случайности, больше системы, а то напечатанныя въ сборникѣ 26 сказокъ набраны чуть не со всѣхъ мѣстъ края, какъ будто бы для характеристики сказки, гдѣ ее сказываютъ—въ Ташкентѣ, Самаркандѣ или Кокандѣ и Наманганѣ а о нѣкоторыхъ сказкахъ и совсѣмъ неизвѣстно, гдѣ и съ чьихъ словъ онѣ записаны (напр., 21, 22, 24). Есть одна интересная особенность въ сборникѣ этихъ сказокъ именно что онѣ всѣ записаны народными учителями или учениками Ташкентской гимназій. Фактъ очень важный, на которомъ мы, какъ выше было сказано, основываемъ наши надежды на болѣе систематическое и внимательное изученіе края. Отчего бы и здѣсь въ Туркестанѣ какъ то сдѣлано на Кавказѣ, не поощрить учителей къ изученію мѣстной природы и жизни отчего бы лѣтомъ не устроить учебныхъ экспедицій въ разныя мѣста? Ташкентская гимназія—одна на весь край, составъ ея пришлый изъ трехъ областей, на лѣто всѣ разѣзжаются изъ Ташкента. Вотъ бы и снабдить болѣе взрослыхъ программами и указаніями какъ изучать то, что насъ окружаетъ—сколько бы матеріалу навезли они къ осени! Для такой работы нужны лишь охота наблюдательность да терпѣніе, качества, которыхъ достаточно въ молодежи. Языкъ же мѣстный, какъ мы сами знаемъ, понятенъ огромно-

большинству учениковъ гимназій ¹⁾ То же, еще въ большой мѣрѣ, применимо и къ ученикамъ Семинаріи.

Мы не считаемъ этотъ планъ неисполнимымъ, п. ч. первые шаги сдѣланы уже въ сборникѣ Н. П. Остроумова.

Дружнѣе только надо приняться за работу! Не трудно работать, когда знаешь, какъ сладки будутъ плоды этой работы.

Перехода теперь къ самымъ сартовскимъ сказкамъ мы прежде всего остановимся на вопросѣ о сказочникахъ. Очевѣе жаль, что г. Остроумовъ, посвятивъ 5 страницъ предисловія выпискамъ о сказкахъ самаго общаго характера изъ Афанасьева, К. Аксакова, Котляревскаго, Пыпина, Буслаева, Порфирьева, Галахова, только слѣдующія строки удѣлили сказочникамъ «Въ осенніе и зимніе вечера богатые и бѣдные сарты составляютъ особымъ товариществомъ (джура), въ 10—30 человекъ, вносить условленную сумму и собираются въ известномъ (чаще нанятомъ) помѣщеніи, чтобы за общей трапезой послушать пѣвца или рассказчика (иртякчи)» (Пред. XII) О специалистахъ—пѣвцахъ мы имѣемъ достаточно свѣдѣній—дѣйствительно безъ «ойлянчей (ульгѣнчи) у киргизъ, Радловъ. Образцы ч. V (Этн. Об. 1889, кн. III) «амиковъ» на Кавказѣ («Сб. мат.» XIII стр. XXXIV, 109 изд.), «гегуаковъ» у татаръ горцевъ («Сб. мат.» I. отд. II стр. IV), «гафизовъ» у сартовъ не обходится никакой общественной или семейный праздникъ—мы сами не разъ заслушивались этихъ пѣсней, часто оч. трогательныхъ, всегда поэтическихъ, но сказочниковъ, да еще въ собраніи, не слышали. Впрочемъ, въ параллель къ вышеприведенному можемъ сообщить одно кавказское обыновеніе. «По вечерамъ ал-махнискіе молодые люди собираются въ чью-либо саклю, на другой день въ другую, на 3—въ 3 и т. д., пока очередь не дойдетъ опять до первой. Тамъ они поютъ пѣсни, пляшутъ разговариваютъ и внимаютъ разсказамъ стариковъ, преданій и сказкамъ». («Сб. свѣд. о кавк. горц.» VIII стр. 21) Жизнь вездѣ сплетается изъ хорошаго и дурнаго и въ человѣчествѣ всегда будетъ жить стремленіе уйти изъ узкой сферы будничныхъ интересовъ въ иной міръ, гдѣ легко дышется, свободнѣе достигается цѣль, въ міръ поэтическаго вымысла, гдѣ все такъ необыкновенно и красиво. Мы ничуть не сомнѣваемся въ существованіи у сартовъ сказокъ, въ любви сартовъ къ сказкамъ, но желали бы знать отъ собирателей кое-что о разсказывающихъ сказки, (о мѣстѣ ихъ жительства, о степени образованности и т. п.) Что касается самихъ сказокъ, то намъ приходится пока ограничиться предварительной описательной работой, п. ч. для выполненія истинной задачи этнографіи—ястолкованія явленія—нужно нѣсколько болѣе матеріала, чѣмъ 26 изданныхъ сказокъ, да и больше эрудиціи въ этой области науки, чѣмъ какая есть у насъ. Матеріаль, предлагаемый данными сказками, чрезвычайно разнообразный—съ одной стороны онъ намъ кажется давно знакомымъ, съ другой—мы здѣсь находимъ много оригинальнаго, своеобразнаго. Выдѣлимъ то и другое. Въ каждой почти сартской сказкѣ мы находимъ что либо знакомое намъ изъ русскихъ или европейскихъ сказокъ—прекрасныя царевны, смѣлые юноши, ищущіе ихъ руки, чудовища, какъ. препятствія на пути къ известной цѣли, чудесныя средства для побѣды надъ всеми препятствіями—яблоки, ковры-самолеты, гребенки, полотенца, шкатулки, вѣщія птицы, оборотни... Есть нѣкоторыя общія подробности такъ сказать традиціонныя, нѣкоторые обыкновенные эпические пріемы наиримѣръ, изъ 3-хъ братьевъ непременно 3-й считается дуракомъ, въ презрѣніи старшихъ, на дѣлѣ же оказывается всегда торжествующимъ побѣдителемъ, великодушнымъ ²⁾. При самомъ отправленіи на подвиги герою встрѣчаются 3 дороги съ надписью относительно того, кто по нимъ пойдетъ (ср. 55, стр. 104 и др.), затѣмъ, возьмите числа въ сказкахъ—40 положительно преобладаетъ, изъ другихъ мы

¹⁾ Теперь уже не мало среди гимназистовъ природныхъ туземцевъ.

²⁾ Ср. стр. 52. «Этотъ 3-й царскій сынъ только у своихъ домашнихъ и въ народѣ считался за дурака, а на самомъ дѣлѣ былъ умный юноша, умѣвшій говорить, читать и писать на разныхъ иностранныхъ языкахъ. Научившася многому царевичъ но любилъ однако выставлять свои знанія на видъ и хвастать ими, а больше молчалъ и потому считался дуракомъ».

встрѣчаемъ 60, 7, 9, 3; кончается обыкновенно свадьбой... Все это конечно, нельзя объяснить однимъ заимствованіемъ—общее родство индоевропейскихъ народовъ, общность извѣстныхъ психологическихъ представленій едва ли не рѣшаетъ этой задачи. Помимо этого болѣе или менѣе общаго сходства есть между изданными сарт. сказками и рус. болѣе тѣсное сходство. Такъ мы укажемъ ск. «бѣдный мальчикъ, сдѣлавшійся царемъ», при помощи собаки, крылатого змѣя, которыхъ онъ спасъ жизнь. (Ср. Аeon. 112. «Сб. св.» VIII. Прил. VII) XVI ск. «Злая мачеха и коварная жена царя», даже въ мелочахъ напоминающая нашу сказку «о сестрицѣ Аленушкѣ и братцѣ Иванушкѣ» (Ае. 116, первая часть ср. «Сб. мат.» VI. 101). Слѣдующую XVII ск. «Царевичъ Хасанъ-паша, достигающій при помощи волка трехъ волшебныхъ птицъ, красавицу царевну и желтаго коня» можно сравнить съ нашей сказкой «Иванъ царевичъ, сѣрый волкъ и жарь-птица» (ае. 102) XX ск. «Вирюза пророка Сулеймана», играющая оч. важную роль въ мусульманскихъ преданіяхъ (ср. «Сб. св.» I, 37) напоминаетъ своей чудесной благодѣтельной силой «Коробочку» малор. сказки. Также и XXII ск. «Три слѣпца», которыхъ надулъ одинъ зрячій, ж. б. поставлена въ параллель съ нѣк. в. и малорусскими сказками.

Конечно, на основаніи этихъ сходствъ мы еще не можемъ окончательно рѣшать вопроса о взаимоотношеніяхъ рус. и сартской сказочной литературы, но позайимствованіе нами тутъ очевидно. Сличивъ тѣ же сказки съ кавказскими мы находимъ, что кавказскія сказки дальше отстоятъ отъ русскихъ—слѣдовательно, мы можемъ сдѣлать выводъ и о пути заимствованія—именно не черезъ кавказскую среду (какъ хотятъ другіе), а черезъ прямыхъ сосѣдей—туркоманголовъ; сюда же онѣ попали отъ Персіянъ, Арабовъ, но это уже другой вопросъ. Главный интересъ, при чтеніи сказокъ, сосредоточивается однако на этихъ знакомыхъ чертахъ, а на томъ своеобразномъ міропозрѣніи, на той характерной обстановкѣ жизни народа, среди котораго сказка развилась или возникла.

Это характерное мы можемъ опять таки выдѣлить благодаря сравненію сартскихъ сказокъ съ русскими. Прекрасныя царевны и въ русскихъ сказкахъ прельщаютъ своей красотой храбрыхъ героевъ, но жители востока не удовольствовались общими мотивомъ; они остановились на самой красотѣ, постарались разукрасить ее всѣми средствами своего воображенія¹⁾; не менѣе сильно изображено и чувство увлеченія «при видѣ красавицы многіе даже обмирали» (41): «взоры юноши и красавицы встрѣтились: юноша едва удержался на ногахъ отъ волненія» (42): «пері такъ сильно понравилась мнѣ, что я въ этотъ моментъ совершенно потерялъ сознание и упалъ, какъ подкошенный колосъ среди цвѣтовъ» (76). «Когда царевичъ увидалъ красавицу, то упалъ какъ подкошенный отъ волненія» (129) и пр. (83, 123, 128). Герои сартскихъ сказокъ бываютъ сильны только, какъ русскіе богатыри: самыя большія тяжести, работы, требующія не одного, а нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, имъ ни почемъ—таковы Хосръ (XIV), Хазаръ-Гейсу (IX), Хырсь-Палвакъ (XXVI) и др. Но интересъ сказки не столько въ этихъ первыхъ лицахъ—герояхъ и героиняхъ, сколько въ обстановкѣ ихъ жизни и подвиговъ. Прежде всего о разныхъ чудовищахъ. О нихъ мы въ дополненіяхъ къ сказкамъ находимъ небольшіе экскурсы издателя: I—о происхожденіи демоновъ, народное повѣріе сходное съ изложеніемъ корана II—дивы, изъ разряда демоновъ. Эти злые духи отличаются безобразной наружностью «чорта, съ рогами на головѣ, съ большими оскаленными клыками, съ когти на рукахъ и ногахъ и съ длиннымъ хвостомъ» (166), обладаютъ необыкновенной силой и волшебными свойствами. Единственный изъ главныхъ дивовъ является т. н. Бѣлый дивъ. (Ср. Миллеръ экскурсы 104 ст.) III—драконъ

¹⁾ «Она была такая красавица, какихъ я никогда еще не видѣлъ на свѣтѣ: ся черныя, какъ уголь глаза горѣли при свѣтѣ луны огнемъ и жизнью; она стана была стройнѣе кипариса; губы ея были алѣе цвѣтка хины, черныя волосья ея были такъ густы и длинны, что она съ трудомъ, медленно поворачивала головой и въ тоже время часто своей нѣжной бѣлой рукой ихъ отбрасывала назадъ; скромностью своей она превосходила тибетскую серну» и т. д. (123). Голосъ восхваляется также въ сильной степени, особенно ж. б. благодаря любви туземцевъ къ пѣнію (ср. 85.)

(аждаха, саабанъ), одно изъ популярнѣйшихъ созданій народной фантазiи. По описанiю одного персидскаго соч. «драконъ животное большое, имѣющее видъ ужасный. Маленькiе драконы бывають пяти аршинъ, а большiе достигаютъ тридцати аршинъ и даже болѣе. Это животное водится въ Индiи. Цвѣтъ его кожи желто-черный; брови его закрываютъ глаза; пасть онъ открываетъ широко; зубовъ во рту много; шеи не видно: шерсть на ихъ шеѣ закрываетъ все тѣло. Самцы драконы больше и злѣе самокъ. Когда драконъ подходитъ къ какому нибудь животному и раскрываетъ свою пасть, то животное само попадаетъ въ его ротъ: драконъ издали притягиваетъ къ себѣ животное. Послѣ того драконъ обертывается вокругъ древеснаго пня или вокругъ камня и т. о. ломаетъ кости проглоченнаго животнаго. Большую часть жизни драконы проводятъ въ водѣ и потому называются водяными змѣями; нѣкоторые драконы живутъ въ степи» (168). Судя по роли ихъ въ сартскихъ сказкахъ можно ихъ приравнять къ Змѣю нашихъ сказокъ ¹⁾. У нѣкоторыхъ Монгольскихъ племенъ драконъ еще является въ слѣдующемъ видѣ: «Онъ имѣетъ рога оленя, уши быка, голову верблюда, круглые глаза, шею змѣиную, чешую рыбы, лапы тигра и когти орла. Тѣло его похоже на тѣло устрицы. По произволу своему можетъ онъ дѣлаться большимъ и малымъ, длиннымъ и короткимъ, и принимать всевозможные виды. Весною онъ восходитъ къ небу, осенью же погружается опять на дно морское». (Спб. Вѣд. 1835. № 294. 1180 с.). IV—птица Симуургъ или Анна (араб. назв.), отличающаяся столь огромнымъ разбѣромъ, что «когда распускаетъ свои крылья, то закрываетъ солнечный свѣтъ», такой силой, что «можетъ унести верблюда или слона», живетъ въ лѣсу на высокомъ деревѣ, по сказкамъ помогаетъ герою за то, что онъ спасъ ея дѣтенышей отъ волка (стр. 71) или по другой сказкѣ отъ крылатаго змѣя. (Ср. XXVI л.; съ тѣми-же чертами и сходнымъ именемъ «Синамаркъ» эта птица является въ кавказ. сказ. «Сб. мат.» IX, 196). V—водяная лошадь (асби-аби) съ головой лошади, копытами рогатаго скота, хвостомъ свиньи, по сказкамъ она снабжена крыльями (XIX ск.). Среди своеобразныхъ сказочныхъ типовъ можетъ быть поставлена и баба-яга; ея роль въ сартскихъ сказкахъ не меньше, чѣмъ въ русскихъ. много чертъ общихъ, но есть нѣчто и оригинальное. Ея главное качество по сартскимъ сказк.—прожорливость: она цѣлыхъ барановъ въ разъ глотаетъ, безобразный видъ, затѣмъ быстрота ея передвиженiй, отчего при ея появленiи происходитъ сильный вѣтеръ, большею частью ова враждебна человѣку и спастись отъ нея можно лишь при помѣщи какой-нибудь волшебной силы (ск. I, III, IV и др.), но иногда, въ сартскихъ сказкахъ особенно за почтительность къ ней, она услуживаетъ герою своимъ созвѣтомъ, волшебными средствами (ск. XI, XVIII). Помимо людей, какъ героевъ сказки и сверхъестественныхъ существъ, созданiя необузданной фантазiи, въ сказкахъ мы видимъ дѣйствующихъ и мiръ звѣрей, птицъ и даже неодушевленную природу. Все окружающее человѣка участвуетъ въ его радостяхъ или печали, такъ или иначе ему помогаетъ. Перечислимъ животныхъ, которыхъ знаютъ сартскiя сказки—отсюда однако нельзя выводить о томъ чего они не знаютъ, потому что собранный матерiаль ничтоженъ въ сравненiи съ тѣмъ, что еще находится въ устномъ обращенiи (Ср. Предисловіе XIV). Первое мѣсто, конечно, занимаетъ лошадь (Ср. ея роль въ вост. нар. лит. и русск. былинахъ Миллеръ. экскурсы 217. 220); въ сказкахъ упоминаются прекраснѣйшія по наружности, преимущественно бѣлыя, лошади (6. 80 стр.), самое дорогое ихъ качество—быстрота и крѣпость (59, 120, 157), герою онѣ обыкновенно даютъ клокъ своей шерсти: стоитъ ее зажечь, чтобы онѣ явились (6, 11), своимъ ржанiемъ онѣ иногда предупреждаютъ героя объ опасности (43). Далѣе видную роль въ сказкахъ

¹⁾ Въ IV сказкѣ говорится о драконѣ, который ходитъ въ одинъ городъ и каждый день пожиратъ по очереди по одной дѣвицѣ изъ каждой семьи и по одному барану, послѣ ему прямо стали выводить за городъ по дѣвицѣ и по барану, чтобы онъ въ городъ самъ не ходилъ и меньше страху наводилъ (25); въ XXVI ск. тотъ же мотивъ съ нѣкоторыми измѣненiями въ деталяхъ—такъ дракону возить не ежедневно, а разъ въ годъ дѣвицу, верблюда и барана. Когда дошла очередь до семьи царской, тогда выступаетъ на борьбу съ дракономъ Хирсъ-Палванъ. Нѣтъ ли тутъ какого сходства съ греч. мифомъ о Минотаврѣ? Возможность такого сходства нельзя отрицать, потому что это не будетъ первымъ примѣромъ сходства средне-азиатскихъ сказанiй съ греческими мифами (Э. о. II). Возможность того же для Кавказа ср. «Сб. мат.» XII.

играетъ волкъ то на службѣ у Дива (58), то какъ пожирающей птенцовъ Самрака (70), то чаще какъ помощникъ сказочныхъ героевъ, которыхъ онъ перевозитъ на себѣ черезъ моря и земли, предупреждаетъ въ опасности, спасаетъ благодаря своему оборотничеству (104, 109, 114, 116 стр.). Изъ прочихъ животныхъ мы встрѣчаемъ собаку, изъ охотничьихъ породъ (11, 124), или обыкновенную, съ своимъ постояннымъ атрибутомъ вѣрности человѣку (73); лисицу, какъ всегда, хитрую и ловкую (18); оленя быстроногаго, завлекающаго охотника въ глубь лѣса (34, 46); обезьяну (93), осла (95), тигра (97), козу (98)—въ нихъ превращаются тѣ или другіе сказочные персонажи, упоминаются быки, верблюды какъ вьючныя животныя, бараны, какъ главная пища на пирахъ и въ обыденное время. Изъ птицъ, кромѣ Симурга, мы здѣсь встрѣчаемъ цаплю (32), попугая (38, 128, 129), сокола (39, 98), орла (80) — всѣ онѣ помогаютъ сказочнымъ героямъ достичь своей цѣли, то перенося ихъ съ неимоверной быстротой, куда угодно, то открывая имъ судьбу и давая средство предотвратить ее и т. п. Въ голубя преимущественно обращается женщина при помощи чародѣйственной силы (80); въ наказаніе одна царица была превращена въ курицу (70). Изъ рыбъ упоминается рыба-чудовище, проглатывающая людей и животныхъ (19, 20, 80), въ сказкѣ «Царевна и Попугай» говорится о рыбѣ «въ 110,000 пудовъ, которой принадлежала земля» (129 стр.), есть и золотая рыбка въ искусственномъ водоемѣ (21). Изъ растений нужно отмѣтить мѣстные—чинарь (70, 155), карагачъ (144), урюкъ (141), тугтовое дерево (96), тополь (21, 92) и безмянныя большія деревья. Цвѣты всегда упоминаются какъ необходимѣйшее украшеніе садовъ (75 и пр.). Естественно многія растения играютъ роль цѣлебныхъ—такъ одинъ Индѣецъ въ сказкѣ «о богатѣ Атамтоѣ»¹⁾ излѣчивается болыаго, которому черви разѣли ухо, распаренной на огнѣ вѣткой (7), растениями какъ лѣкарствами пользуются и знахари (ск. XXVI).

Все вышеизложенное можно считать отголоскомъ языческой старины, остаткомъ отъ доисторической эпохи, первобытная основа вѣрованія продолжаетъ жить часто подъ другимъ именемъ и при болѣе реальной обстановкѣ, но есть и совершенно новыя черты, главнымъ образомъ подъ влияніемъ ислама дѣйствующаго какъ черезъ школу и грамотность, такъ особенно благодаря воззванію п моддахъ-разказчикамъ въ строго мусульманскомъ духѣ. «Подъ влияніемъ ислама, говоритъ издатель сказокъ, произошла въ народныхъ сказкахъ сартовъ замѣна древнихъ чудовищъ дьяволомъ (шайтаномъ), равно какъ явились представленія о разныхъ догматическихкихъ, обрядовыхъ и бытовыхъ особенностяхъ мусульманской жизни: совершеніе намаза, мѣсяцъ Рамазанъ, отвращеніе къ свиньямъ и пр.» (Пред. XI). Намъ кажется, не указано здѣсь одно изъ могущественнѣйшихъ влияній мусульманства—отношеніе къ Аллаху, его святымъ и юродивымъ. Въ критическую минуту герои не разъ обращаются къ нимъ съ молитвой и немедленно получаютъ помощь (особ. сказка XIV, VII, 112—XXXI, 149 и др.); однимъ изъ добрыхъ пожеланій герою является «да сохрани тебѣ Аллахъ» (58 и пр. и пр.). Сказка не пѣсня, изъ которой ничего не выкинешь, не измѣнишь, потому что съ этимъ мѣняется ея размѣръ, и нечего удивляться, что въ сартовскихъ сказкахъ отразился исламъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы склонны даже видѣть влияніе русской жизни и обычаявъ — такъ въ III сказкѣ дѣвушка проситъ мать выдать ее замужъ въ такое царство «гдѣ по закону, у мужа только одна жена и гдѣ всѣ женщины и дѣвочки ходятъ съ открытымъ лицомъ» (15) къ этому же влиянію должно, къ несчастію, отнести и ведро водки, которая, появившись въ дѣйствительной жизни туземцевъ, перешла и въ сказки (157) и др. Но дороже всего для этнографа отраженіе въ сказкахъ настоящаго быта условной страны, въ которой сказка вращается. Такого матеріала сартовскія сказки даютъ много—не выбирая его съ мелочной тщательностью мы лишь укажемъ на прекрасныя сады, лучшее украшеніе азіатскихъ городовъ (21, 44, 102, 117 и др.), чай-ханы, любимое мѣсто времяпрепровожденія туземцевъ (55), шатры, въ которыхъ разост-

¹⁾ Интересна сказка. Не рѣшаясь заняться ею спеціально, укажемъ мимоходомъ на сходство ея начала съ 3 новеллой X дня Декамерона Боккаччо.

ланы ковры (15), изъ одежды—халаты, тубитейка, ичиги; изъ пищи—палау, лепешки, баранина, шурпа; питье—чай, кумысъ; затѣмъ разнаго рода мѣстные фрукты—виноградъ, яблоки, дыни, арбузы, урюжь, персики (81), куряты чилимъ (126), анашу (92). Рядомъ съ этими внѣшними условіями жизни сартовъ въ сказкахъ отражаются мѣстами и нѣкоторыя особенности ихъ внутренняго быта—бракъ, отношенія членовъ семьи, общественное управленіе, система наказаній (напр. привязываніе виновныхъ къ хвостамъ дикихъ лошадей 65, 101, 104 и др.), ежедневныя занятія и развлеченія и пр. и пр.

Несомнѣнно, что тѣмъ больше будетъ издано сартовскихъ сказокъ, тѣмъ больше сторонъ въ жизни сартовъ откроется—надо только торопиться съ собираніемъ, потому что и здѣсь жизнь подчиняется закону непрерывнаго измѣненія, и здѣсь искусственная словесность заглушаетъ непосредственное народное творчество, догматы ислама становятся на мѣсто языческихъ суевѣрій.

А. Липовскій.

Записки товариства имени Шевченка. Издавництво, присвячене науці і письменству українсько-русского народу. Впорядкував др. Юліян Целевич. Частина I. У Львові. 1892.

Общество имени Шевченка предшествовало литературное общество «Просвѣта» (съ 1868 г.) имѣющее цѣлью распространеніе просвѣщенія среди народа, а также изданіе литературныхъ и научныхъ книгъ и учебниковъ. Однако, сама по себѣ задача просвѣщенія народа оказалась слишкомъ широкой и трудной, и общество «Просвѣта» не могло съ успѣхомъ выполнять вторую часть своей программы: изданіе научныхъ и литературныхъ трудовъ. Ее приняло на себя «Общество имени Шевченка», получившее свое начало въ 1873 г., благодаря энергій немногочисленныхъ (девяти) дѣятелей науки и литературы. Обществу на первыхъ же порахъ удалось на пожертвованныя суммы завести свою типографію. Типографія принесла огромную пользу мѣстной литературѣ, такъ какъ печатала по утѣренныимъ цѣнамъ и предоставляла кредитъ издателямъ. Въ 1885 г. проф. Портничій передалъ обществу журналъ «Зорю», издающійся до сего времени. Кроме того, общество издало: «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache» — проф. Огоновскаго, его же Исторію русской литературы—4 тома, повѣсти Левницкаго, Подоленка, Чайченка и пр. Затѣмъ едва-ли не всѣ періодическія изданія и учебники для гимназій, печатаются въ той же типографіи. Тѣмъ не менѣе, общество имени Шевченка далеко еще не можетъ сравнить свою дѣятельность съ дѣятельностью другихъ славянскихъ ученыхъ обществъ въ Австріи носящихъ названія академій. Администрация и финансовая сторона отнимаетъ слишкомъ много времени, литературно-научные отступили на второй планъ. Между тѣмъ для того, чтобы общество стало на самомъ дѣлѣ центромъ и свѣточемъ литературнаго движенія въ австрійской Русси, необходима новая его организація. Шестое общее собраніе общества (въ мартѣ 1892 г.) положило начало новой эпохѣ въ исторіи общества. Рѣшено было переименовать общество въ «*Науковое* товариство имени Шевченка», представить на утвержденіе правительства одобренный общими собраніями новый уставъ. *Ученое общество имени Шевченка* должно имѣть заботу о развитіи науки на украинско-русскомъ языкѣ, искусства, собирать и охранять памятники старины. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: филологическаго, историко-философскаго и отдѣла наукъ естественныхъ, математическихъ и медицинскихъ. Члены общества дѣйствительные вносятъ 2 рубля одновременно и по 3 р. ежегодно, члены-учредители одновременно 50 р. Общество предприняло изданіе «Записокъ», первый томъ которыхъ передъ нами.

Въ небольшой, но изящно изданный, томъ вошла прежде всего статья *О. Я. Кошисскаго* «Дѣтство Т. Г. Шевченка», историко-биографическій очеркъ, переведенный съ нѣкоторыми сокращеніями въ 3 № «Русской Мысли». Въ очеркѣ, написанномъ съ замѣчательной теплотой и талантииво, объединены новыя свѣдѣнія о жизни великаго поэта. Обстоятельная статья *Александра Колесса* «Украинскія народныя пѣсни въ

твореніяхъ Богдана Залѣскаго» посвящена одному изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ, вліяніи народнаго творчества на литературную украинско-польскую школу. Авторъ даетъ краткую біографію Залѣскаго, приводитъ массу сопоставленій между народными пѣснями и стихотвореніями польскаго поэта, наконецъ останавливается на самомъ языкѣ этихъ стихотвореній, переполненныхъ малорусскими. Повидяному, только такое детальное изученіе можетъ служить основой для характеристики начала народнаго, романтическаго, идеально-сентиментальнаго въ произведеніяхъ писателей украинской школы. Сравнительно мало новаго (съ фактической стороны) даетъ статья *М. Сергійска* «Народное движеніе на Украинѣ-Руси въ XIII в.», трактующая объ отношеніи народа къ княжеской власти. Лично мнѣ кажется, что самая постановка вопроса сдѣлана тенденціозно. Статья *Ө. Рыльскаго* «Исслѣдованіе надъ основами распредѣленія богатства» пока незакончена; но и въ первой своей части характеризуетъ обычную начитанность и обдуманность положеній автора. Въ концѣ книги помѣщены свѣдѣнія объ основаніи и развитіи дѣятельности общества имени Шевченка, главнѣйшія изъ которыхъ я привелъ въ началѣ замѣтки.

Первый томъ «Записокъ» оставляетъ самое благопріятное впечатлѣніе. Нельзя же пожелать, чтобы обществу удалось выполнить свою программу.

Арк. Л.—ико.

Самарово, село Тобольской губ. и округа. Матеріалы и воспомнанія о его прошломъ Хрисанфа Лопарева, съ картою, планами и тремя видами. СПб. 1892.

Въ небольшой брошюрѣ г. Лопарева представлено краткое историко-этнографическое описаніе с. Самарова, одного изъ бойкихъ пунктовъ по рѣкѣ Иртышу. Въ историческомъ очеркѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о первыхъ поселенцахъ Самаровскаго яма, житѣйшицкиновъ, приводится цѣлый рядъ свидѣтельствъ путешественниковъ (съ конца XVII в. до самаго послѣдняго времени) о с. Самаровѣ. Этнографическія замѣтки основаны на личныхъ воспомнаніяхъ автора (стр. 30—45, 56—60). Изъ обычаевъ отиѣчены имъ: слушанье во время крещенскихъ святокъ, особенно торжественное празднованіе Ильина дня. Приводимыя пѣсни уже подвергались сильному городскому вліянію; какъ наприимѣръ:

Какъ во маленькой деревнѣ,
Во веселой слободѣ
Жилъ мальчишко, лѣтъ семнадцать,
Неженатой, холостой...

Существуетъ въ народѣ пѣсня и о Ванькѣ ключникѣ. Вотъ ея начало:

Въ полѣ ягода дѣсна
Призакрытая цвѣла;
Тамъ княгиня молодая
Съ княземъ въ теремѣ жила и т. д. (Сравн. «Пѣсни

Рыбникова. М. 1861, I, 409—410).

Довольно полную картину на основаніи книги г. Лопарева можно составить о промыслахъ и занятіяхъ жителей с. Самарова. Главнѣйшія изъ нихъ гусиный промыселъ, сборъ кедровыхъ шишекъ, ловля сѣтями утокъ, сѣнокосъ, рыбный промыселъ, отчасти огородничество (воздѣлываніе картофеля). Хлѣбопашество, по причинѣ неблагопріятныхъ природныхъ условій, не прививается, и хлѣбъ жители Самарова и его окрестностей получаютъ съ южныхъ частей Иртыша. Воспомнанія заканчиваются описаніемъ «славленья» Христа малыми ребятами и обученія въ школѣ. Въ концѣ книги приложенъ небольшой «образчикъ словаря, языка и говора въ с. Самаровѣ», въ который однако совершенно напрасно внесены слова общепотребительныя, каковы: ась, баять, вередъ, бѣдный, кликать и т. д.

Книгѣ г. Лопарева очень вредитъ отсутствіе строгаго плана. Историческая часть ея не выдѣлена отъ этнографической. За описаніемъ села слѣдуетъ перечисленіе путешествій разныхъ лицъ въ Самарово, замѣчанія объ экономическомъ положеніи

крестьянъ, личныя семейныя воспоминанія автора, отчетъ о посѣщеніи села Настѣдниковъ Цесаревичемъ, за которымъ снова слѣдуетъ лѣтопись села: «Въ іюль мѣсяцъ застрѣлся въ пьяномъ видѣ товарищъ моего дѣтства, Федоръ Зеленскій, 25 лѣтъ отъ роду. Сѣнокосъ начался въ первыхъ числахъ августа. Къ декабрю мѣсяцу почувствовался недостатокъ хлѣба»... Указаніемъ на начинающееся тяжелое время отъ недостатка хлѣба заканчивается книга.

Арх. Л—ико.

Волинскія Губернскія Вѣдомости въ 1838—1887 гг.

Въ 1888 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ существованія «Волинскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», издающихся въ г. Житомирѣ съ 1838 года. Пользованіе матеріалами, помѣщенными за періодъ въ ихъ неофициальной части, бывало всегда затруднительнымъ, за отсутствіемъ полнаго къ нимъ указателя. Правда, А. В. Братчиковымъ въ 1880 г. (въ приложеніи къ «Волин. Г. В.») былъ напечатанъ указатель статей неофициальнаго отдѣла за 1867—79 гг., т. е. за время наибольшаго обилія матеріаловъ, явившихся въ газетѣ. Но и этотъ указатель остался мало извѣстенъ, затерявшись въ одномъ изъ томовъ изданія. Нѣкоторыя указанія нашли себѣ мѣсто въ библиографическомъ трудѣ З. Пенкиной «Полѣсье», обнимающемъ періодъ съ 1855 по 1880 годъ. Между тѣмъ, «Волинскія Губ. Вѣдомости» за время ихъ существованія помѣстили на своихъ страницахъ немало цѣнныхъ матеріаловъ по этнографіи, статистикѣ, исторіи Волинской губерніи. Въ виду этого я съелъ нелишнимъ предложить редакціи «Живой Старины» напечатать составленный мною указатель статей и матеріаловъ по изученію губерніи, напечатанныхъ въ «Волин. Г. Вѣд.». Въ него не вошли указанія на замѣтки случайнаго характера, мѣстную хронику, свѣдѣнія о театрѣ, концертахъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ и т. п. Все же, относящееся къ этнографіи, исторіи и статистикѣ населенія, отмѣчено съ возможною полнотой (газета была просмотрѣна два раза). Такимъ образомъ, при указаніи географическаго имени наур. и. Полоннаго нужно разумѣть не случайную корреспонденцію, а историко-этнографическое описаніе мѣстечка.—Имена редакторовъ неофициальной части «Волин. Г. Вѣдомостей» до 1854 г. неизвѣстны. Съ 1854 состоялъ редакторомъ А. Перлштейнъ; съ 1858—Каменцовъ; съ начала 1860 г.—Крушинскій; съ 29 № 1861 года—секретарь Статистическаго Комитета—О. Китченко; съ 7 № 1865 г.—М. Мицкевичъ и съ 1866 г. по конецъ 1891 г.—В. А. Братчиковъ. Биографическими свѣдѣніями о нихъ я не располагаю. *А. Перлштейнъ*—состоялъ членомъ Московскаго Общества исторіи и древностей, въ изданіяхъ котораго помѣстилъ нѣсколько статей по исторіи Западной Руси. *Ододор Китченко* былъ директоромъ Житомирской гимназіи. Кроме дѣятельнаго участія въ «Волин. Губ. Вѣдом.» онъ помѣстилъ въ «Вѣсти. Юго-Зап. и Зап. Россіи» статьи: 1) Селеніе Гульча (Острожск. у.) и источникъ св. Николая (1864, январь, т. III). 2) Иновѣрцы Волин. губ. (1863, май, т. IV и октябрь, т. II). 3) Городно и Люблинъ или добровольная унія (1863, XI).—*В. А. Братчиковъ*, кажется, воспитанникъ Московскаго университета, перѣхалъ въ Житомиръ изъ Воронежа. (О немъ см. Н. Воскресенскій. Пятидесятилѣтіе «Ворон. Г. Вѣд.» стр. 141, 265). Онъ былъ редакторомъ «Волин. Губ. Вѣдомостей» въ теченіе 25 лѣтъ, начало которыхъ было самымъ блестящимъ временемъ въ ихъ исторіи; въ послѣдніе годы ему приходилось быть чуть ли не единственнымъ сотрудникомъ газеты. Г. Братчикову принадлежатъ цѣлыя сотни статей и замѣтокъ по разнообразнымъ мѣстнымъ вопросамъ. Конечно, далеко не всѣ онѣ носятъ полную законченность и имѣютъ одинаковое значеніе, но даже однѣ его статьи по статистикѣ, этнографіи и мѣстному хозяйству послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ изслѣдователей. Часть ихъ вошла въ книгу «Матеріалы для изслѣдованія Волин. губ. въ статистич., этнографич., сельско-хозяйствен. и др. отнош. Вып. 1 и 2. Житомиръ 1868 и 1869 гг.» (О ней см. «Кіевлянинъ» 1868, № 108, III).

Конецъ пятидесятихъ и шестидесятые годы были лучшею порою «Волин. Губ. Вѣдом.». Я не стану перечислять хотя бы даже только главнѣйшія статьи; назову только имена болѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ; какъ-то: Л. М. Воншковъ ¹⁾, бывшій нѣкоторое время помощникомъ редактора Вѣдомостей, священн. Вас. Комашко ²⁾, Г. О. Оссовскій ³⁾, В. И. Пероговскій ⁴⁾, Л. М. Рафальскій ⁵⁾, Н. Н. Трипольскій ⁶⁾.

Аркадій Лященко.

1838.

1. О ярмонкахъ въ Волин. губ. № 2, 7.—2. Историч. воспоминанія. Губ. г. Жд-томиръ. (Изъ Волин. записокъ) № 12. 3. Описаніе Игоревой и Олеговой могилъ, а также другихъ древностей въ Овручск. у. № 13.—4. Историко-статистич. описаніе г. Кременца. № 15.—5. Историко-статистич. опис. г. Острога. № 17, 18.—6. Статистич. описаніе Старокопстантин. у., сост. въ 1838 г. № 39, 40.

1840.

1. Теофипольск. дворянское училище. № 38.

1841.

1. Мысли о способахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія. № 13.

1843.

1. Волинская старина.—Древнѣйшія церкви: св. Василия въ Овручѣ и Владимірѣ. № 26. (Перепеч. въ № 24 за 1844 г.).

1845.

1. И. Г. Почаевская Лавра. № 9.—2. *Финке Эд.* О гидропатич. заведеніи въ м. Любарѣ Нов.-Вол. у. № 10.

1846.

1. *Финке Эд.* Медицинскія наблюденія въ Волин. губ. № 3—5.—2. О послѣдствіяхъ перемѣны евреями одежды въ Волин. губ. № 13.—3. *Финке.* О Любарскомъ гидропатич. заведеніи въ 1845 г. № 19.

1847.

1. Объ урожаѣ въ Волин. губ. за 1846 г. № 3.—2. Историч. воспоминанія. Во-лынн. Сельскій бытъ с. Дѣдковецъ. (Замѣтки о народн. обычаяхъ и вѣрованіяхъ. Посло-вицы. Коляда). № 14—16.—3. М. Полозное Нов.-Вол. у. (Кратк. историч. очеркъ).

¹⁾ О немъ. С. Вонгеровъ. Критико-біографич. словарь рус. писателей. т. III.

²⁾ Срвн. Ю. Тиховскій. Указатель къ неофиц. ч. Волин. Епарх. Вѣдом. Почаевъ. 1888.

³⁾ Kraj, 1881, № 1; Rusch, kalendar encinlopediczny na 1889 г.;—Кіевск. Стар. 1890, май, 566,—Братчиновъ. Указатель къ Волин. Г. Вѣд. Pamiętnik piętnastoletniej dzielnosci Akad. umjetnosci w. Krakowie. 1890.

⁴⁾ О немъ. Волин. Еп. Вѣд. 1881, № 17;—Языковъ. Обзоръ дѣятельн. покойныхъ пи-сателей, вып. 2;—Кіевлянинъ 1881, № 156;—Заря, 1881, № 125;—Трудъ, 1881, № 46;—Чтенія въ Общ. Нестора хѣтописца, т. III (1888), стр. 100—102, 170.

⁵⁾ Волин. Еп. Вѣд. 1886, № 3;—Языковъ, вып. 3 (Ист. Вѣсти. 1889, № 12);—Во-лынн. 1886, № 7;—Волин. Г. Вѣд. 1886, № 5.

⁶⁾ Труды Кіев. Дух. Акад. 1888, № 8 (проток., 218), № 11, стр. 390—2. Срвн. Ука-затель къ Волин. Еп. Вѣдом. Н. Тиховскаго.

№ 17.—4. М. Пересопница. (Ровен. у.) № 18.—5. Игорева могила (Овруч. у.) № 19.—6. Истор. воспоминанія. Житомиръ. № 20—28.—7. Дерманскій монастырь (и его библиотека). № 20, 22—27.—8. Ольгинъ колодець и купальня (Овр. у.). № 21, 22.—9. Олегова могила. (Предполагаемая могила Олега Святославича въ Овр. у.). № 33.

1851.

1. *И. Г. Житомиръ съ 1793.* (Краткая лѣтопись по 1841 г.). № 24.

1853.

1. Высочайше утвержденный планъ Житомира. № 17.—2. Открытіе 1853—4 уч. г. въ Волын. Губ. Гимназіи. № 36.

1854.

1. *Свяц. В. Комашко.* Кратк. описаніе м. Любомирки (Нов.-Вол. у.). № 3.—2. *А. П. (Перлиштейн).* Полѣсская колада. № 3.—3. Отъ редакціи (приглашеніе сотрудниковъ). № 4.—4. *А. П. (Перлиштейн).* Чудотворная икона въ Боромль № 4.—5. *А. Перлиштейн.* Древнѣйшій монастырь въ с. Ставкахъ, близъ м. Турійска. № 5.—6. *Н. Верблицкій.* Описаніе Овруч. у. и его достопримѣчательностей (Кратк. историч. взглядъ. М. Искорость. Г. Овручъ. Историч. достопримѣчательности въ уѣздѣ могила Игоря, курганы, м. Могильно, с. Шатрище. Натуральныя достопримѣч. Идолопоклонства, храмы (?) и обычаи древлянъ. Заушская шляхта. Хозяйство и источники промышленности въ Овруч. у. Гербъ Овруча. Народныя преданія и повѣрья). № 5—8, 11—14, 16 (Историч. часть статьи оч. слаба; интересны этнографич. замѣтки, любопытныя преданія о происхожденіи нѣкоторыхъ фамилій за-Ушской шляхты).—7. *А. Перлиштейн.* М. Ковдя, Жит. у № 15.—8. Торжественный актъ Волын. Губ. Гимназіи. (Краткій историч. очеркъ ея съ 1803 г.). № 30.—9. *Свяц. В. Комашко.* Церковь и ярмарка въ с. Колодежно (Нов.-Вол. у.). № 52.

1855.

1. *А. Перлиштейн.* Очеркъ исторіи типографій на Волыни. № 5.—2. Двѣичій монастырь и Успенская церковь въ м. Полононь. № 9, 10.—3. *А. Перлиштейн.* Волынское Полѣсье. (Экономич. и этнографич. замѣтки). Статьи I—IX. № 13, 15, 17, 19, 21, 24, 26, 32 и 48. (Многія свѣдѣнія о бытѣ помѣщиковъ были доставлены автору *Крашескимъ*, № 26).—4. Ярмарки въ городахъ и мѣстечкахъ Волын. губ. № 19, 27, 33, 45.—5. *Свяц. В. Комашко.* М. Краснополье, Жит. у. № 30.—6. *Новоселецкій П. М.* Степань, Овруч. у. № 37.—7. *Гр. Плятеръ.* М. Домбровица, Ров. у.; пер. съ польск. *А. Тимочкинъ.* № 39.—8. Перечень статей въ «Волын. Губ. Вѣд.» за 1853 и 1864 г.г. № 52—53.

1856.

1. *Свяц. В. Комашко.* Нѣчто о пчеловодствѣ въ южн. части Нов.-Волын. у. № 3.—2. *Перлиштейн.* Отрывокъ изъ сочин. «Опытъ исторіи общественнаго воспитанія на Волыни. № 5.—3. *А. Перлиштейн.* Кременець и его замокъ. № 8, 9.—4. *А... П... (Перлиштейн).* Мѣстное повѣрье о предохраненіи скота во время эпидеміи. № 17.—5. *А. Перлиштейн.* Люстрація Овручскаго замка въ 1552 г. № 20—24.—6. Нѣкоторыя подробности о сплавѣ дѣсныхъ матеріаловъ въ нашешъ краѣ (изъ «Кроніа»), пер. съ пол. *Перлиштейнъ.* № 32. (Приведева пѣсня *писановъ* во время плаванія).—7. *А. Перлиштейн.* Фабрики и заводы на Волыни № 42.—8. Фарфоровая фабрика въ м. Барановкѣ. № 43.—9. *Перлиштейн.* Хронологич. обзоръ русскыхъ князей, господствовавшихъ на Волыни (изъ книги митроп. *Сестренцевича* «О Rossyi Zachodniej»). № 48.

1857.

1. Перечень статей въ «Волин. Г. Вѣд.» за 1856 г. № 1.—2. *Перлиштейнз.* Охота на Воляни и въ Полѣсьѣ. № 16, 18.—3. *Перлиштейнз.* Ярмарочная торговля на Воляни въ 1856 г. № 23.—4. *Перлиштейнз.* Рѣчное судоходства на Воляни. № 24.

1858.

1. *Каменцовз.* Отъ редакціи. (О цѣли изданія и приглашеніе сотрудничать). № 3.—2. Программа несоффиц. части «Волин. Г. Вѣд.». № 4.—3. *Л. Крушинскій.* О способахъ собираиія въ Волин. губ. черевца, или русской кошенили. № 4—4. Статистич. описаніе Староконстантинов. у. № 6—9.—5. Киевская выставка сельскихъ произведеній въ 1857 г. № 10—12, 15.—6. М. Вишневецъ, съ польск. (Przedziecki Podole, Wolyń.) № 13.—7. О солтысахъ, проживающихъ въ Волинск. губ. (Ков., Влад. и Креми. у.). № 16, 17, 20. (Любопытная, но незаконченная историч. справка)—8. Статистич. описаніе Житош. у. № 21—26, 30.—9. Забѣтка *святиц.* *Барановскаго* (о маломъ ощущеніи общества къ «Губерн. Вѣдом.»). № 38—10. Статистич. опис. Нов.-Вол. у. № 41—47. (Окончаніе 1859 г. въ № 4)—11. М. Искорость. Пер. съ пол. (Przedziecki. Podole, Wolyń.) *Крушинскій.* № 49.—12. *Л. Крушинскій.* Г. Овручъ. № 51.—13. Садоводство Миклера на Воляни (изъ книги Podole, Wolyń. Przedzieckiego). № 51 (Оконч. въ № 1 за 1859 г.).

1859.

1. Народный бытъ Волинскаго Полѣсья. (Наружность, языкъ, домашній бытъ, одежда, пища жителей. Обычаи и обряды при рожденіи, крещеніи, погребеніи и поминовеніи умершихъ. Обычаи при пожарахъ, при моровыхъ извахъ. Обстановка общественнаго народнаго быта. Хозяйственные промыслы. Развитіе религіозное и нравственное; суевѣрія. Народныя повѣсти: Судъ аистовъ, Удержанное ищеніе змѣя, Благодарный медвѣдь. Умственное развитіе Полѣсскаго народа. Сказки и предразсудки). № 15—20, 37.—2. Статистич. описаніе Заслав. у. № 38, 40—42, 44—46, 48, 49.—2. *Святиц.* *А. Ясинскій.* Статистич. описаніе с. Ярославичъ (Дуб. у.). № 50—52. (Оконч. въ № 1 за 1860) (Приведены пословицы и пѣсни).

1860.

1. *Крушинскій.* Обычаи поселянъ въ окрестностяхъ м. Чуднова, Житош. у. (Вечерница, досвѣтки, улыця, свадебные обычаи и пѣсни). № 6—13.—2. *Крушинскій.* Торговля г. Житомира. № 15—17.—3. *Крушинскій.* Простонародная паскаля. № 18.—4. *А. Стуцкій.* Статист. описаніе м. Волочиска, Старокон. у. № 19.—5. Погребальные обряды въ Житош. у. № 29—33 (Приведены пословицы о смерти).—6. Обороты на ярмаркахъ Волин. губ. № 36.—7. О рѣчномъ судоходствѣ въ Волин. губ. № 37.—8. М. Теофиполь. Пер. съ польск. № 38, 39.—9. Римско-католическ. епископство на Воляни (Краткій историч. очеркъ). № 43.—10. Житомир. хроника. Книжное дѣло и типографія въ Житомирѣ. № 44, 46.

1861.

1. *Святиц.* *В. Абрамовичз.* Пословицы и поговорки, употребляемыя въ Волин. губ. (преимуществ. въ Ровен. у.). № 2—4.—2. Историко-статистич. описаніе г. Острога и Острожск. у. № 7—16, 23.—3. Протоколъ засѣданія Волин. Губ. Статистич. Комитета (Краткія свѣдѣнія о дѣятельности комитета, со дня открытія его, 2 февр. 1836). № 31, 32.—4. *Святиц.* *В. Комашко.* М. Новая Чарторяи, Нов.-Вол. у. № 39.—5. *Святиц.* *В. Комашко.* М. Дубаръ. № 40—42.—6. *Ө. К...ко* (*Китченко*). Жито-

жур. библиографич. извѣстія (дѣятельность типографій въ 1859 г.) № 43—45.—7. Городло № 46, 47.

1862.

1. *Х. Корнаковскій*. М. Половное, Нов.-Вол. у. № 1—6.—2. *О. К.....ко Китченко*. Дубенскіе контракты. № 7.—3. *О. Китченко*. О судоходныхъ и силавыхъ рѣкахъ Волын. г. (съ польск.). № 9—12.—4. Статистич. замѣтка. Раскольницы неплоды. (Дополн. къ статьѣ «С.-Петербург. Вѣд.» № 259, о Волын. губ., по свѣдѣніямъ Волын. Губ. Статистич. Комитета). № 49.

1863.

1. Статистич. замѣчанія о губерніи. Народное продовольствіе въ 1862 г. № 3.—2. Гигіенич. состоявіе Волын. губ. въ 1861. № 8.—3. *Х. Корнаковскій* Волынскіе очерки. Первобытъ Волынчанъ. Князья Волынскіе и домашняя жизнь ихъ. Дружина. Войско. Города на Волыни. № 9, 11, 33, 34, 36—38, 41—43.—4. Кременск. ярмарка въ Дубно въ 1863 г. № 10.—5. *Х. Корнаковскій*. Г. Кременецъ и Чапниѣ. № 13—20.—6. Происшествія въ Волын. губ. Свѣдѣнія о польскомъ возстаніи и шайкахъ. Казни. № 20—23, 25—29, 31, 32, 34, 35, 38, 40, 41, 45, 47.—7. *Корнаковскій*. Промедшій бытъ евреевъ въ Польшѣ и Юго-зап. Россіи (на основаніи конституцій и распоряженій польск. правительства). № 21—23.—8. Учебныя заведенія въ Волын. губ. Статистич. свѣдѣнія за 1862 г. № 26.—9. *Свяц. М. Фотинскій*. С. Липна, Нов.-Вол. у.—Истор.-Этнографич. очеркъ. № 30.—10. Отъ редакціи. (Приглашеніе сотрудничать). № 30.—10. М. Шумскъ, Крем. у. № 45.—12. М. Домбровица, Ровен. у. № 46.—13. М. Олыка, Дубен. у. № 47.—14. М. Рахмановъ, Крем. у. № 48.—15. *Х. Корнаковскій*. Памятные люди для Волыни (въ ней родившіеся или дѣйствовавшіе). № 50, 52.

1864.

1. *К—ій*. Перемиль, Беремель и Тихомль. Матер. для исторіи Волыни. № 4—6.—2. *К—ій*. М. Впшневецъ, Крем. у. № 9—11.—3. *О. К.....ко (Китченко)*. Дарственная запись кн. Любарта Луцкой церкви и епископству. (Съ польск.). № 13.—4. *К—ій*. Г. Острогъ. Острожскіе князья и Острожская ординація. № 14—18, 20—23.—5. Обращеніе къ мировымъ посредникамъ Волын. губ. (О мѣрахъ къ распространенію народнаго образованія). № 18. (срвн. № 49).—6. *К. Чарторійскъ*, Колки, Охонецъ. Матер. для исторіи Волыни (по Wspomnienia Poiesia Wolynie u Litwy) № 24.—7. Свѣдѣнія о выкупѣ по Волын. губ. № 26, 42.—8. Конституція 1792 г., подъ заглав.: Объясненіе конституціи 1764 г., послѣдовавшей отъ конвокаціоннаго сейма, подъ заглавіемъ: «О поповичахъ». № 31.—9. Послѣдній польскій судъ надъ русскимиъ духовенствомъ. (1789 г.). № 33—35, 37—39.—10. Мирскія ссудныя кассы (вообще и въ Волын. губ., напр., въ Смолдыревск. волости, Дубен. у.). № 42, 43.—11. Потомки польской шляхты. № 44.—12. Прекращеніе обязательн. отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и выкупъ въ зап. губерніяхъ. № 47, 48.

1865.

1. Православные монастыри на Волыни. № 4—7.—2. Отъ редакціи. (Значен. «Губ. Вѣдом.». Приглашеніе сотрудничать). № 8.—3. *св.* О ярмаркахъ въ Житомирѣ. № 10, 11.—4. *Умоновичъ*. Мукомоольныя мельницы въ Волын. губ. № 11.—5. Луцкъ. Некрологъ мир посредника А. Е. Гурьева. № 11.—6. Куда дѣвалась бывшая (въ тридцатыхъ год.) въ Житомирѣ Публичная бібліотека? № 12—14.—7. Протоколы засѣданій Волынск. Г. Статистич. Комитета № 18, 36.—8. Крестьянское дѣло въ Волын. губ. № 22, 31.—9. *Оссовскій Г.* Норивская каменоложня. (Обвуч. у.). № 32.—10. Что такое города Волын. губ. № 33.—11. Учрежденіе въ Житомирѣ рус-

окой публичной бібліотеки. № 36.—12. Приятная новость. (Первый рус. книжный магазинъ въ Житомирѣ). № 38.—13. *Г. Оссовскій*. О гипертѣхъ на Волыни и въ особенности о гипертѣ Горощковскомъ. № 39, 40.—14. Къ вопросу о Житом. рус. прблпчн. бібліотекѣ. № 41, 44, 48, 49.—15. *Свящ. В. Комашко*. М. Полонное. Нов.-Вол. у. № 42, 43.—16. *Редакторъ*. По поводу предшеств. статьи. № 43.—17. *Свящ. В. Комашко*. По поводу замѣчаній редактора. № 48.—18. *Г. Оссовскій*. Важность геогнозіи въ практич. ея приѣненіи вообще и въ особенности на Волыни. № 44. (Примѣч. редактора объ устройствѣ Волынскаго хѣстнаго музея съ геологич. отдѣломъ).—19. *Свящ. В. Комашко*. Тригорскій монастырь и окрестности его. № 46.—20. «Выпись с книгъ огородскихъ воеводства Киевскаго» (1622 г.). № 47.—21. Изъ недавняго прошлаго. (Польскія демонстраціи въ Луцкѣ). № 48.—23. *Свящ. В. Комашко*. Дер. Монастырекъ. № 51.

1866.

1. *Л. Крушинскій*. Острогская ординація. Историч. очеркъ № 1.—2. Протоколъ засѣдан. Волын. Г. Статистич. Комитета. № 1.—3. Учебныя заведенія Волын. губ. въ 1864. № 1.—4. *Г. Оссовскій*. Горный хрусталь на Волыни. № 2.—5. Народная нравственность. Изъ отчета Волын. губернатора за 1864 г. № 2.—6. Лигнить въ Кременцѣ. № 3.—7. *Свящ. Жолтовскій*. Замѣтка о с. Бахмановкѣ и его окрестностях. № 3.—8. Некрологъ. Миров. постр. В. Рогала—Левицкій № 3.—9. Народное здоровье. Изъ отчета Волын. губернат. за 1864. № 4.—10. *Л. Крушинскій*. Что такое Волынь? № 5.—11. *Свящ. Правосудовичъ*. Это то село, что куры не поютъ (с. Чернелевка, Староконст. у.). № 5, 8.—12. Читальня въ Староконстантиновѣ. № 6, 41.—13. Общественное призрѣніе. (Изъ отчета Волын. губернат. за 1864 г.). № 6.—14. *Свящ. І. Шиманскій*. Жизнь Волынскаго крестьянина послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. (Наружный видъ крестьянъ и ихъ костюмъ. Состояніе церковно-приходскихъ школъ до освобожденія). № 7, 9, 15. (Статья, невидному, незакончена).—15. *А. Бурчакъ-Абрамовичъ*. Состояніе нѣкоторыхъ сельскихъ школъ въ Овруч. у. № 8.—16. *В. Пуригевичъ*. Нѣкоторые обычая моихъ земляковъ въ частномъ быту (Луцк. у.) (Справленіе «Андрея». Богатый щедрый вечеръ. Пѣсни). № 10, 11, 13, 14.—17. *Свящ. В. Немоловскій*. С. Стрибежь, Жѣт. у. № 12.—18. *Барановичъ И.* Новградъ-Волынскъ. (Читальня). № 13.—19. Фабричная и заводская промышленность Волын. губ. № 15.—20. Открытіе Житом. Публичной бібліотеки. Рѣчь *Богаевскаго* № 16.—21. Нѣсколько словъ о предполагаемомъ русско-еврейскомъ обществѣ въ Житомирѣ. № 19.—22. Отчеты Житом. Публ. Библіотеки. № 23, 24, 29, 32, 37, 41, 46, 50.—23. *Братчиковъ*. О ходѣ растительности въ губерніи. № 28.—24. *Свящ. П. Спницкій*. Замѣтка о с. Неширинцахъ. Староконст. у. № 31.—25. *Братчиковъ*. Житомиръ. Публичная бібліотека. № 33—37.—26. Горнозаводскія свѣдѣнія по Волын. губ. за 1865 г. № 35—37.—27. Состояніе горнозаводск. промышленности въ Волын. губ. за 1865 г. (изъ оффиц. источника). № 37.—28. Тонкорунное овцеводство въ Волын. г. № 38.—29. Вѣдомость врачебной Губ. Управы о холерѣ въ Волын. г. № 39.—52.—30. *Братчиковъ*. Объ изданіи памятниковъ старины на Волыни. № 40, 41.—31. *Свящ. В. Пуригевичъ*. Нѣчто изъ обычаевъ и повѣрій Волын. крестьянъ. Великдни. (Приведены 2 пѣсни). № 43.—32. *Свящ. Е. Л.—ій*. Замѣтка объ обычаяхъ у здѣшнихъ крестьянъ славленія Христа на Рождество. № 43.—33. Движеніе выкунаго дѣла въ Волын. губ. № 38, 40.—34. Крестьянское дѣло въ Волын. губ. № 39—53 и приложения къ нимъ.—35. *Я. Вайнраубъ*. Нѣкоторыя замѣчанія о еврейск. благотворит. учрежденіяхъ вообще и о Житом. Талмудъ-Торѣ въ особ. № 44.—36. *Братчиковъ*. Обозрѣніе Волын. г. въ гигиенич. отношеніи. № 44, 45, 47.—37. Г. Дубно (Истор. и современ. очеркъ). № 44.—38. О ходѣ русскаго дѣла на Волыни. № 45.—39. Замковое возвышеніе въ Острогѣ. № 46, 47.—40. Къ вопросу о водвореніи русскихъ землевладѣльцевъ на Волыни. № 47.—41. *Братчиковъ*. Къ еврейскому вопросу.

№ 48.—42. М. Межиричь, Острожск. у. № 48.—43. Острожская ординація. № 49.—44. Статистич. свѣдѣнія объ имѣніяхъ (въ Дуб. у.), назначенныхъ въ публичную продажу. № 49.—45. Извѣстіе о Бирилло-Мееодіев. братствѣ. № 50.—46. Курьезная черта въ характеристикѣ зап.-русского еврейства. № 50.—47. *И. Вейсс*. Забѣтка о Старокопстантиновѣ. № 51.

1867.

1. Житомиръ. (Значеніе «Губ. Вѣдом.» и политическаго въ нихъ отдѣла. № 1.—2. *Л. Рафальскій*. С. Дерманъ (и монастырь въ Дуб. у.). № 1—5.—3. Взглядъ на прошлое и настоящее Волыни. (Положеніе мѣстн. общества и отношеніе его къ выкупной операци). № 2.—4. *Бялковова*. О посѣтителяхъ Житом. Публ. библиотеки. № 3, 17, 27, 41, 53, 67, 78, 91, 105, 119, 130, 147.—5. (*П. А. Скуратова*) Крестьянское дѣло. № 4, 6.—6. *Л. Рафальскій*. Сѣв.-зап. уголь Острожск. у. (с. Верховъ, м. Михалполь, д. Гремяче, с. Розважъ, д. Курганъ, д. Хоровъ, с. Бродовъ, Краево, Видлгоръ, Томахово, Ясники, м. Тайнцуръ, д. Ст. Мысль, с.с. Новомысль, Здолбино, Гульча). № 5—7, 38.—7. *В. Пероговскій* Историч. воспоминанія о Волыни. № 12.—8. *Рафальскій*. С. Дорогобужъ, Остр. у. № 13—15, 26, 27.—9. (*Братчиковъ*). Товкорунное овцеводство въ Волын. губ. № 14.—10. *Г. Раевскій*. Очерки по земельной статистикѣ Дуб. у. № 14, 15, 17—22.—11. (*Братчиковъ*) Нѣсколько данныхъ къ статистикѣ хлѣбныхъ урожаевъ въ Волын. губ. въ 1866 г. № 16.—12. Къ статист. Житом. больницы и сиротскаго дома за 1866 г. № 17.—13. Таможенные извѣстія по Радзивиловскому и другимъ округамъ за 1865—66гг. № 23, 25, 29, 30, 32—36.—14. Крепченск. ярмарка въ Дубно. № 24.—15. (*Братчиковъ*). Коннозаводская промышленность въ Волын. губ. въ 1866 г. № 25.—16. *А. Хевреманъ*. Нѣсколько словъ объ еврейск. обществахъ въ Волын. губ. подъ назван. Хебра-Кадима. № 25.—17. (*Г. М. Раевскій*). Забѣтки о евреяхъ въ Волын. губ. № 31.—18. *Житом. старожила*. Прошлое и настоящее (города). № 33.—19. *К. Шукинъ*. Къ вопросу о западно-русскомъ еврействѣ. № 34.—20. *И. Кулишеръ*. Статистич. обзоръ смертности евреевъ въ періодъ за 1851—66 гг. № 35, 36.—21. *Я. Вайнраубъ*. О житомир. талмудъ-торѣ. № 37.—22. *Пероговскій*. Историч. и статистич. описаніе г. Нов.-Волыньска. № 40 (оконч. во 2 № за 1868 г.).—23. *Л. Биштокъ*. Евреи Волын. губ. № 41, 42, 49, 51, 57, 60—63, 65, 70, 75, 81, 82, 88, 91, 94, 96.—24. *І. Розенталь*. Забѣтка о Кременцѣ. № 43.—25. *Протоіерей Яворскій*. Гробница въ бывш. іезуитскомъ Острожскомъ коллегіумѣ. № 45.—26. (*Рышковъ*). Атласъ поземельн. цѣнности Волын. губ. № 46.—27. (*Братчиковъ*). Взглядъ на мѣры къ обрусенію края. № 47, 48.—28. (*Братчиковъ*). Фабричн. и Заводская промышлен. Волын. г. № 50, 52.—29. Отчетъ Житом. Публ. Библиотеки за 1865—6 г. № 54, 56.—30. Любопытныя данныя относят. послѣдн. польск. мятежа. № 56.—31. *И. Вейсс*. О хедерахъ. № 59.—32. *Рафальскій*. Восточн. полоса по р. Горыни (с.с. Вельбовка, Волосковецъ, Мышковецъ, Могиляны, Симоново). № 61, 62.—33. *Волынецъ*. Волынскіе и литовск. евреи. № 66.—34. *Русскій Моисеевой вѣры*. Быть или не быть падикизму въ Волын. г. № 67.—35. *Братчиковъ*. Крестьянское дѣло на Волыни. № 71.—36. Отъ Распорядителя. Комитета Житом. Публ. Библиотеки. № 71.—37. Острожское св. Кирилло-Мееодіевск. братство. № 72, 77, 87, 100, 101.—38. Нѣщцы на Волыни. № 73—39. *П. Самойловичъ*. С. Стыдны, Ров. у. Очеркъ. № 80.—40. *Шукинъ*. Забѣтка о больницахъ въ Волын. г. № 90, 104, 108, 109.—41. *Братчиковъ*. Лѣса Волын. г. № 97—99.—42. *Братчиковъ*. Падики въ Житомирѣ. № 98.—43. *Братчиковъ*. Забѣтка для русскихъ (Объ отношеніи магогетанъ). № 99.—44. *В. Пероговскій*. Г. Старокопстантиновъ. Исторія и нынѣшнее его состояніе. № 105—107, 116—118 (Оконч. № 3—7 за 1868 г.).—45. *Кн. Имеретинскій*. Дворянство Волын. губ. Ст. I—IV. № 111—115, 136—139, 141—154.—46. *Братчиковъ*. Русскій театръ въ Житомирѣ. № 112, 115, 118, 121, 124, 128, 140, 151. (Оконч. № 4, 19 за 1868 г.).—47. *Братчиковъ*. Къ крестьянскому дѣлу. № 119, 122, 127, 133, 145—48 *М. М.—яиса*

(*Марулис*). Стат. очеркъ Волын. г., сравнительно съ двумя другими губ. Ю.-Зап. края. № 121—126.—50. (*Братчиковъ*) Къ крестьянскому вопросу. (Волынскіе полѣтико-экономы. Помѣщики и жиды). № 122, 133, 127.—51. Недавнее минувшее Волыни (польскіе безпорядки по офиц. источник.). № 127—135. (Овоч. № 71—73 за 1868 г.)—52. (*Братчиковъ*). Къ вопросу о водвореніи русскаго землевладѣнія въ запади. краѣ. № 142, 143.

1868.

1. О посѣтителяхъ Житомир. Публич. Библиотеки. № 6, 18, 35, 44, 53, 65, 79, 91, 105, 120, 134, 143, 148.—2. Урожай хлѣбовъ въ Волын. г. и отношеніе ея жителей къ земледѣлію. *Братчиковъ*. № 7, 8.—3. *Рафальскій*. М. Гоща (Остр. у.). № 8—12.—4. Изъ Острога (обученіе крестьянскихъ дѣтей). № 13.—5. *Братчиковъ*. Къ еврейскому вопросу. Еврей-миссіонеръ № 14.—6. *Братчиковъ*. Архивныя дѣла. Дѣло о побояхъ, нанесенныхъ помѣщикомъ Вардецемъ священнику Левчинскому. № 15.—7. *Братчиковъ*. Современные экономич. вопросы. № 17.—8. М. Вишневецъ, Остр. у. № 20.—9. *Г. Оссовскій*. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Житом. и Овруч. у. въ 1867 г. № 21—24.—10. По поводу найма въ рекруты. (Нравы евреевъ). № 25.—11. *Кн. Иммеретинскій*. Дворянство Волын. г. (Процессы о подлогахъ дворянскихъ документовъ). № 26—28, 30,—33, 38.—12. Взглядъ прѣзжаго на покупку и теперешнее положеніе здѣшнихъ имѣній. № 27.—13. *Рафальскій*. Сѣв.-восточн. уголь Острож. у. (дер. Дуаѣбы, с.с. Майковъ, Русьявлъ, Кривичъ и пр.). № 29.—14. Къ мѣстной хроникѣ. (Рознь въ современ. обществѣ). № 30, 45.—15. *Рафальскій*. Южн. часть Остр. у. (с. Миньковцы, м. Малая Радогоща, Плужно, Иновцы, Корытно, Ляховцы, Гулевцы, Бережницы, с. Погорелець, Воробѣвка, Тихомль и пр.) № 36, 37, 39, 47, 48.—16. *Братчиковъ*. Взглядъ на хлѣбопашество и сельское хозяйство Волын. г. № 40—46, 48—52.—17. Народн. образованіе въ Волын. г. въ 1868 г. № 41, 13.—18. *Рафальскій*. Сѣв.-Зап. часть Кременецъ у. (м. Бережцы и проч.). № 45, 121, 122, 124.—19. Училища и сельскія школы Волын. г. № 50.—20. *Пероговскій*. Анна Алоныя, кн. Острожская, вдова по воеводѣ Виленскому, гетм. Ходкевичъ, фундаторша иезуитск. коллегіума въ Острогѣ. № 53—59, 62, 63.—21. *Братчиковъ*. Житомиръ (Необходимость геологич. изслѣдованія губ.). № 61.—22. *Рафальскій*. Урочище св. Николая въ м. Гульчѣ № 64—67.—23. Отчетъ Житом. библиотеки за 1867—68 г. № 68.—24. *Братчиковъ*. Мѣстныя экономич. извѣстія. № 70, 80.—25. *Рафальскій*. Дерманскія горы, Антоновецкій дѣсъ и стожко-образныя возвышен. въ Кременецк. горахъ (Изъ путевыхъ замѣтокъ по Волыни Крем. и Дуб. у.) № 74, 75.—26. *Г. Оссовскій*. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Волыни (Наблюденія въ отношеніи земледѣлія и фабрично-промышлен. состоянія губерніи, археологич. и этнографич. замѣтки, мѣстныя народныя преданія и легенды) Ст. I—V. № 76—78, 94—96, 101—104, 107—111, 116, 118—120.—27. *Свящ. Хр. Боговскій*. Фамильный склепъ гр. Ходкевичей въ м. Млыновѣ, Дубен. у. № 79.—28. *Пероговскій*. Г. Заславль. Исторія и теперешнее состояніе. № 81, 82, 83, 85.—29. *Пероговскій*. Мѣстечко Заславскаго у. № 89—91.—30. Объ отношеніяхъ евреевъ къ вольнонаемнымъ рабочимъ изъ крестьянъ. № 92.—31. Ружицкій и его шайка. (Къ свѣдѣн. о польск. безпорядкахъ) № 93.—32. *Свящ. Ѡ. Пашкевичъ*. Случай изъ послѣдняго польскаго возстанія на Волыни. № 97.—33. Кременецъ у. гор. № 98.—101.—34. Житомиръ (Обществ. и частная благотворительность въ 1867 и 1868 г. № 105.—35. О томъ, какъ прежніе годы шло на Волыни судопроизводство. № 109.—36. *Братчиковъ*. Производство и сбытъ хлѣба въ Волын. г. № 113—115, 117.—37. *Рафальскій*. Сѣв.-Зап. часть Кремен. у. (м. Вережцы, д. Плянявскія ган, м. Орля, Опарисны, Радзивиловъ и др.). № 121—123.—38. *Братчиковъ*. Домашняя жизнь Волынскихъ крестьянъ, ихъ нравы, обычаи и предрассудки. Волынское Полѣсье. Народныя типы: Полѣшукъ, Будникъ, Плисакъ. Крестьян. дворъ и домостроительство. Обычаи свадебные и друг. Обычаи и поговорки, относящіяся къ земледѣлію и промышленности. Народный календаръ и предсказаніе погоды. Народная медицина. Повѣрья и

предвзсудки. Численность старообрядцев или раскольниковъ. Выдержки изъ мѣстной уголовной статистики. № 125, 127, 130, 133, 138.—39. *Братчиковъ*. Хлѣбный урожай въ губ. въ 1868 г. № 126, 142.—40. *Рафальскій*. М. Почаевъ. № 129, 131, 132.—41. Карты, составленныя для послѣдняго польск. возстанія и переданныя въ Киев. Статистич. Комитетъ. № 142.—42. *Братчиковъ*. Нѣмецкія колоніи въ Волин. г. (ист. стат. очеркъ). № 146—148.—43. *Пероговскій*. Волинскія малороссійскія пѣсни. № 149—152 (Оконч. № 1—3 за 1869 г.).

1869.

1. Отчетъ о посѣтилеляхъ Житою. Публ. Библиот. № 2, 17, 27, 54, 64, 76, 92.—2. *Оссовскій Г.* Изъ путевыхъ замѣтокъ по Волинн. Ст. VI—VII. № 4—7, 11—14.—3. *Рафальскій*. Кременецкія горы въ уѣздѣ того же названія (М. Куновъ, Шумскъ, с. Угоръ, Желобки, Залѣсцы, Брикювъ, Новоставъ и др.) № 8—10.—4. *Пероговскій*. М. Олыка. № 15, 16.—5. Житомиръ. (Библиотека). 18.—5. *Пероговскій*. Волинскія малороссійскія пословицы и поговорки № 21—26.—6. *Пероговскій*. М. Берестечко и битва при немъ. № 34, 37, 40, 41, 44, 45.—7. *Блаженко*. Еще нѣсколько словъ о Волин. малороссійск. народныхъ пѣсняхъ. № 35.—8. Къ вопросу о судебной реформѣ въ Волин. г. № 36.—9. *Братчиковъ*. Состояніе коневодства въ Волин. г. № 39.—10. Къ вопросу объ обрусеніи евреевъ. № 42.—11. *Братчиковъ*. О городахъ и мѣстечкахъ Волин. г. въ торговомъ отношеніи, № 43, 58—60, 62—69, 71, 72, 74, 75, 77—89, 93.—12. Изъ отчета о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Волин. Г. Стат. Комитета. № 50—13. Изъ отчета Житою. Публ. Библиот. за 1868—69 г. № 51.—14. Имп. Александръ I въ Волин. г. въ 1818 г. № 54.—15. Извѣстіе о св. Кирилло-Меодіевскомъ братствѣ № 69.—16. Правда о польскомъ возстаніи 1869 г. № 73.—17. Русскій языкъ при католическомъ богослуженіи. № 75.—18. Евреи. Къ еврейскому вопросу. № 80, 82, 105, 120.—19. Сельско-хозяйственныя извѣстія изъ уѣздовъ. № 82.—20. Успѣхи русскаго яз. среди католиковъ. № 85.—21. Ген.-губ. Безакъ. (Его значеніе для края). № 86, 88.—22. *Тремута О.* Къ вопросу о мѣстномъ тонкорунномъ овцеводствѣ. № 97.—23. Продажа имѣній русскимъ въ Волин. г. № 103.—24. Училище при Почаевской лаврѣ. № 136, 149.—25. Находка древнихъ монетъ. № 139.—26. Адресъ Государынѣ Императрицѣ священнослужителей Волин. г. № 141.—27. О ходѣ торговли въ Волин. г. № 148.

1870.

1. Къ вопросу о продажѣ имѣній въ Ю.-Зап. краѣ № 7, 14—2. Къ еврейскому вопросу (о правахъ, предоставляемыхъ евреямъ. № 11.—3. О еврейск. молитвенникѣ въ русск. переводѣ № 13, 24.—4. Суевѣріе евреевъ. № 13.—5. *Губинскій П.* О результатахъ крестьянск. реформы въ Староконст. у. № 13.—6. Къ вопросу о развитіи ремесленнаго образованія въ Ю.-Зап. краѣ. № 13.—7. Численность католич. духовенства въ бывшей Польшѣ. № 17.—8. *Братчиковъ*. Объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ въ Волин. г. № 21.—9. Къ вопросу о стремленіи послѣдователей запад. церкви къ православію. № 23.—10. О еврейскихъ братствахъ мѣстныхъ и всемірныхъ. № 28.—11. *Братчиковъ*. О состояніи благотворит. учреждений въ Волин. г. въ 1869 г. № 28.—12. Извѣстія и свѣдѣнія къ еврейскому вопросу (изувѣрство и самоуправство, книга Кагала). № 38.—13. Острожское Кирилло-Меодіевское братство. № 41, 104.—14. Отчетъ Житою. Публ. Библиотеки въ 1869 г. № 45, 46.—15. *Свяц. В. Комашко*. М. Народичи, Овр. у. Ист.-статистич. очеркъ. № 49.—16. Протоколъ Волин. Г. Стат. Комитета. № 49.—17. *Рафальскій*. Юго-зап. часть Крем. у. (с. Дворецъ, Колосовъ, Комаринъ, ст. Таразъ, Радомль, Порѣчье, Ростокъ, Поцовцы, ст. Алексинець, м. Новый Алексинець, с. Гнѣздичко, Колодно, Шилы). № 55—57.—18. *Пероговскій*. Дубно, нѣсколько историч. о немъ свѣдѣній и теперешнее его состояніе. Ист.-статистич. очеркъ. № 58, 61, 63, 69, 70.—19. *Братчиковъ*. О проявленіи народной самодѣятельности. № 59.—20. (*Братчиковъ*) О евреяхъ. № 60.—21. Къ вопросу о польской народно-

сти въ Россіи и за границей № 64.—22. Народныя школы въ Юго-Зап. краѣ. № 65.—23. Къ ист. борьбы православія съ католичествомъ. № 65.—24. Къ вопросу о томъ, какое значеніе въ будущемъ могутъ имѣть «Губ. Вѣдом.» и другія провинц. газеты и что должно б. главнѣйшею задачею публицистики въ зап. краѣ. № 65.—25. Къ истор. отжившаго польскаго панства съ его феодальными замашками. № 69.—26. Находки древннхъ монетъ въ Нов.-Вол. у. № 74.—27. Производство выкупнаго дѣла въ Волын. г. № 79.—28. *Рагальскій*. Юго-зап. часть Крем. у. (с. Горынка, м. Вышегородокъ, с. Счастновка, Бѣлозерки, м. Лановцы, с. Загайцы, м. Теофиполь, м. Любарь, Полонное, м. Мирополь, м. Чудновъ, Высокая Печь, Денешы) № 80—82, 110—112.—29. Острогъ. (Передача крестьянск. пансіона въ вѣдомство Народн. Просвѣщ.) № 83.—30. (*Братчиковъ*). О ходѣ взаимнаго страхованія въ Волын. г. за послѣдніе годы. № 96.—31. Принятіе чехами русскаго подданства (Дубно). № 100, 102, 106.—32. Къ вопросу о сельскихъ банкахъ. № 105.—33. (*Омелянскій В. Н.*) О частныхъ сельскихъ ссудныхъ банкахъ Волын. г. № 109.—34. Всеподданнѣйшій адресъ Волынскихъ чеховъ. № 118.—35. *Г. Ф.* О появленіи въ Волын. г. земледѣльческихъ артелей изъ евреевъ № 126

1871.

1. Острожское Кирилло-Месодіев. братство (Дѣятельность по народному образованію). № 8.—2. О положеніи выкупной операциі въ Волын. г. по 1 янв. 1871 г. № 9.—3. Къ вопросу о народномъ образованіи. № 20.—4. Объявленіе отъ Житом. Публ. Библіотеки. № 20.—5. (*Братчиковъ*). Объ урожаѣ травъ и хлѣбовъ и средствахъ продовольствія въ Волын. г. въ 1870 г. № 47.—6. Отчетъ Житом. Публичн. Библіотеки за 1870—71 г. № 53.—7. Къ воспоминаніямъ объ Острож. еписк. Іерофеѣ. № 60.—8. Дѣятельн. этнограф.-статистич. экспедициі въ Юго-Зап. краѣ. № 63.—9. Религіозное движеніе чеховъ Волын. г. № 83.—10. Житом. равнинское училище № 99.—11. Чехи на Волыни. (Ист.-Этногр. замѣтка). № 101, 107.—12. Замѣчательная церковь въ с. Ярославичъ, Дуб. у. (къ ист. царствов. Александра I) (Срвн. № 54 за 1869 г.) № 131.

1872.

1. *Омелянскій В.* Къ вопросу о чехахъ на Волыни. № 3. — 2. Домашняя гигиена (Народная медицина). № 14, 15.—3. *Омелянскій В.* Результаты взисканія податей и недоимокъ въ Волынской губ. № 15. — 4. Торговля солью въ Волынской губ. № 17.—5. *Братчиковъ*. О произростаніи травъ и хлѣбовъ, торговыхъ цѣнахъ и хлѣбныхъ запасахъ въ 1871 г. № 18. — 6. *Братчиковъ*. Крестьянское дѣло на Волыни (за послѣдніе годы). № 26. — 7. Относительно собранія свѣдѣній о юридическомъ бытѣ русскаго народа. № 30. — 8. Отчетъ Жит. Публ. Библіотеки за 1871 — 72 г. № 33. — 9. *Братчиковъ*. Житомиръ. О вліяніи судебной реформы, гласности и проч. на сближеніе сословія. № 38.—10. *Омелянскій В.* Къ вопросу о переселеніи чеховъ. № 67. — 11. Житомиръ. Общество Волын. врачей. № 87.—12. *Братчиковъ*. Ив. Нак. Поляновскій. Некрологъ. № 89. — 13. Къ дѣлу о народномъ образованіи. № 90.

1873.

1. *Розенталь Х.* Замѣтка о м. Радзивилловѣ, Кр. у. (ист.-стат. замѣчанія). № 5.—2. О чехахъ, поселившихся въ Дуб. у. № 20.—3. *Братчиковъ*. Житомиръ. (Урожай 1872 г.). № 23.—4.скій. (*Омелянскій*). Очеркъ Житомира въ историческ. и современ. его положеніи. № 24, 25. — 5. Къ воспоминаніямъ о врачѣ И. Ѳ. Лазаревѣ. № 32. — 6. В. Г. Головачевскій. Некрологъ. № 32. — 7.скій. (*Омелянскій*). Къ вопросу о народномъ образованіи въ Волынской губ. въ 1873 г. № 36.—8. Ген.-лейт. М. В. Сумороцкій. Некрологъ. № 38.—9. Протоколъ собранія Волын. Г. Стат. комитета (обзоръ дѣятельности въ 1872 г.). № 40.—10. (*Братчиковъ*). Крестьянское дѣло въ Волын. губ. въ 1872 г. № 53. — 11. Отчеты Жи-

том. Публ. Библиотеки за 1872 г. № 56, 57. — 12. Засѣданіе Волын. Г. Стат. Комитета (о комиссіи для однодневной переписи г. Житомира). № 59. — 13. Къ вопросу о народныхъ училищахъ (Нов.-Вол. у.) № 62. — 14. Статистич. свѣдѣнія о Волын. губ. въ 1872 г., извлеченныя изъ отчетовъ Г. Статист. Комитета. № 64. — 15. Положеніе повѣрчныхъ люстраціонныхъ работъ. № 67. — 16. Изъ народной жизни (Волын. крестьянамъ къ свѣдѣнію). № 67. — 17. Протоколъ Волын. Г. Статист. Комитета. (Перепись Житом. Соображенія о желѣзной дорогѣ изъ Житомира въ Бердичевъ). № 81.

1874.

1. Каменный топоръ (найденъ въ Житом.). № 2. — 2. (*Братчиковъ*). Изъ мѣстныхъ наблюденій (Рыбные рынки и рыболовство въ Волын. губ.). № 8. — 3. Протоколъ особаго комитета, учрежденнаго Волын. Г. Стат. Комит. для однодневн. переписи г. Житомира. № 8. — 4. Къ вопросу о сельскомъ хозяйствѣ. № 21, 24, 52. — 5. Ходъ крестьянскаго дѣла въ 1873 г. № 36—38. — 6. Отчетъ Житом. Публ. библиотеки. № 46. — 7. Управляющій Луцко-Житом. рим.-католич. епархіей еп. Амагинскій Людвигъ Бранкъ. Некрологъ. № 65. — 8. Драгоценный лимонъ (изъ еврейскихъ обычаевъ). — 9. (*Братчиковъ*). Житомиръ. Общество Волын. врачей № 88.

1875.

1. (*Братчиковъ*). Житомиръ. Урожай хлѣба въ Волын. губ. въ 1874 г. № 6. — 2. О результатахъ однодневной переписи г. Житомира. № 11. — 3. Ковель въ историч. отношеніи и въ современномъ положеніи. № 12. — 4. По поводу результатовъ однодневной переписи Житомира. № 13. — 5. Объ оборотахъ ссудныхъ кассъ въ пошвенныхъ мѣстностяхъ Волын. губ. въ 1874 г. № 14. — 6. (*Братчиковъ*). Житом. Публичныя чтенія въ обществѣ врачей. № 15, 17, 25. — 7. Евреи на Волыни (оврен-арендаторы). № 19. — 8. О солянныхъ оборотахъ въ Волын. губ. въ 1874 г. № 20. — 9. (*Братчиковъ*). Изъ еврейскаго быта. № 20. — 10. О переписи евреевъ въ Волынской губ. № 22. — 11. (*Братчиковъ*). Охота. Къ свѣдѣнію Волын. любителей охоты. № 23, 65, 67. — 12. *Розге В.* Отчетъ о дѣятельности Волын. Г. Статист. Комитета въ 1874 г. № 24. — 13. Протоколъ общаго собранія Вол. Г. Стат. Комит. № 25. — 14. Отчетъ Житом. Публ. библиотеки за 1874 — 75 гг. № 40, 41. — 15. (*Братчиковъ*). Отчетъ Волын. общества врачей за 1874 г. № 79. — 16. Объ ино-стран. поселенцахъ въ Волын. губ. (статистич. данныя). № 81. — 17. Житомиръ. Засѣданіе Г. Комитета общест. здравія и общества врачей. № 89. — 18. *Братчиковъ*. Къ воспоминаніямъ о М. П. Погодинѣ. № 90.

1876.

1. Архіеп. Агавангель. Некрологъ. № 19. — 2. В. О. Земенскій, предводитель дворянства. Некрологъ. № 21. — 3. (*Братчиковъ*). Мѣстныя извѣстія Общ. Волын. врачей. № 30. — 4. Отчетъ Житом. Публ. библиотеки. № 46, 47. — 5. (*Братчиковъ*). Къ вопросу о Публ. библиот. № 49. — 6. *Рудченко И. Я.* Десять лѣтъ Жит. Публ. библиотеки. № 49—52. — 7. *Пероговскій*. М. Корець и князя Корецкіе № 79, 87—89, 94, 96.

1877.

1. *Трипольскій Н.* Протоіерей П. Д. Сольскій. Некрологъ. № 1. — 2. *Трипольскій Н.* Историч. изслѣдованіе о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волын. губ. Г. Острогъ съ древними его училищами и монастырями. № 4—10, 12—16, 18—23, 25, 28, 30, 31, 37, 40, 42, 45, 47, 52, 54, 58, 64, 67, 69, 73, 74, 79, 84, 89. — *Ожоганіе* въ 1878 г. № 1, 3, 4. — *Поврѣха*. 1877. № 83. — 3. Всепопдан-нѣйшій адресъ пасторовъ евангелическо-баптистскаго исповѣданія колоній Житом. в

№ 11.—4. *Братчиковъ*. Что недостаетъ въ мѣстномъ сальскомъ хозяйствѣ. № 12, 22, 23. — *Окончаніе* въ 1878 г. № 5, 7, 10 — 12, 15, 49, 51, 53, 54, 64, 65, 77, 78, 83, 84, 88.—5. (*Братчиковъ*). О развалинахъ бывшаго Преображенскаго монастыря въ Острогѣ. № 14. — 6. Всеподданнѣйшіе адресы: 1) Жито. город. общества. 2) Дворянъ Новор.-Волын. у. 3) Дворянъ Дубен. у. № 16, 47.—7. Житомирскій листокъ. (О расширеніи неоффиц. части Губерн. Вѣдом.). № 34.—8. *Пероговскій*. Дубно. Нѣсколько историческихкихъ о немъ свѣдѣній и теперешнее его положеніе. № 38, 44, 46, 49, 53, 56, 57, 59, 60, 62, 66, 68, 71, 76, 86. — *Окончаніе* въ 1878 г. № 8, 10, 12, 15. — 9. *Густинъ епископъ*. Замятка о Острожск. Кирилло-Меоводіевскомъ братствѣ. № 83.—10. *Братчиковъ*. По поводу юбилея имп. Александра I. Изъ мѣстной хроникѣ. № 85.

1878.

1. *Трипольскій Н. свящ* Историч. изслѣдованіи о городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Волын. губ. (М. Межиричъ, Ляховцы) № 6, 7, 9, 11, 14, 16; (Гоща и Гошанскій монастырь) 18, 19, 22—25; (Аннополь, Куневъ) 26; (Кпликѣвъ, Тайкуры) 28, 30; (Гульча и урочище Св. Николая) 32, 35, 40, 42, 43, 50; (Ново-Малинъ, Хоровъ) 52, 55; (Тлехомль) 57, 59, 65; (Вельбовно) 67, 68; (Розважъ, Бродовъ, Вильгоръ, Томаховъ, Майковъ, Руссиль, Сапожинъ) 69, 76; (Сивка, Кривчпнъ) 86; Б. Боровица, Ивновцы, Плужно, М. Радогоща) 90; (Шниркины, Корытно, Гулевцы) 93.—2. Статистич. свѣдѣнія о народныхъ училищахъ Жито., Нов.-Волын. и Овруч. у. за 1877 г. № 27. — 3. *Пероговскій*. Историч. п статистич. свѣдѣнія о г. Житомирѣ. №№ 27, 29, 31, 34, 38, 41, 44, 49, 51, 54, 56, 58, 61, 66, 68, 70.—72, 74, 78, 80, 81, 83, 89, 91; 1879 г. №№ 1, 8, 10, 13, 21, 34, 37, 58, 59, 61, 67, 70, 72, 74, 77, 79, 82, 84; 1880 г. №№ 9, 11, 12, 17, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 28, 30, 32, 37, 38, 41, 42, 63, 75, 76, 89; 1881 г. № 27.—4. *Братчиковъ*. Г.-м. И. В. Галлеръ. Некрологъ. № 31.—5. *Доманевскій*. Отчетъ о трудахъ и занятіяхъ общества врачей Волынской губ. въ 1877 г. № 32. — 6. *Братчиковъ*. Къ свѣдѣнію любителей-художниковъ. (О трехъ частныхъ собраніяхъ картинъ въ Житомирѣ), № 33. — 7. Участіе Волын. Г. Статистич. Комитета по устройству антропологич. выставки Общ. Естествознанія, антропологич. № 45.—8. *Братчиковъ*. Замятка относительно обрусенія евреевъ. № 60. — 9. Списокъ Волын. губернаторовъ и вице-губернат. съ 1796 по 1878 г. № 63. — 10. Отчетъ Жито. Публ. библиотеки за 1877 г. № 67.—11. Къ вопросу о народномъ образованіи (въ Жито., Н.-Волын. и Овруч. у.) № 73.—12. *Рафальскій Л.* Изъ поѣздки въ Радзивиловъ, Почаевъ и Кременецъ. (Историко-статистич. замятки) №№ 79, 82, 85, 88.

1879.

1. *Трипольскій*. Историч. изслѣдованія о город., мѣстечкахъ и селахъ Волын. г. № 2, 6, 7, 12, 14, 17, 27, 29. — 2. *Розенталь Х.* Замятка о м. Теофиолѣ (Староконст. у.) № 10, 20.—3. *Пероговскій*. О народномъ обычномъ правѣ на Волыни. № 25.—4. Отчетъ Жито. Публичн. библиотеки за 1878 г. № 31.—5. *Братчиковъ*. Замятки и извѣстія по экономич., гигиенич. и санитарнымъ вопросамъ, въ примѣненіи къ мѣстнымъ вопросамъ. № 54, 62, 65, 66, 76, 81.—6. *Баторевичъ*. Замятки о значеніи кургановъ, какъ славянскихъ могилъ язычesk. эпохи № 78.

1880.

1. *Баторевичъ*. Свадебныя протонародныя обычаи въ с. Сарпахъ Ровен. у. № 3—8.—2. Отчетъ Жито. Публ. библиотеки за 1879 г. № 19. — 3. (*Братчиковъ*). Къ матеріаламъ для изслѣдованія Волын. г. въ историч. и другихъ отношеніяхъ. 1) С. Ярославичи (Дуб. у.) № 24; 2) Коладежное и Любомирка № 61.—4. *Баторевичъ Л.* Историч. значеніе городищъ и свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ въ Волын. губ. I—V Владимир., Ковельск., Луцк., Ровен., Дубен. у. № 89—93; VI—XII

Кременец., Острожск., Заслав., Староконст., Житою., Нов.-Волин., Овруч. у. 1881.
№ 27—29.

1881.

1. Е. А. Вѣлгородъ (учитель Ж. гимна.). Некрологъ. № 8. — 2. Археологич. находки. Монеты. № 20, 42.—3. Отчетъ Житою. Публич. библиотеки за 1880 г.— № 21.—4. *Братчиковъ*. Общество Волинскихъ врачей. № 44.—5. *Оглоблинъ В.* Очеркъ благотворительности въ Волин. губ. въ концѣ прошлаго столѣтїя. № 74, 81, 82.—6. *Братчиковъ*. Протїерей А. Овсянкинъ. Некрологъ. № 92.

1882.

1. (*Братчиковъ*). Статистико-хозяйственный очеркъ воздѣлыванїя хмеля въ Волин. губ. № 5.—2. Б. (*Братчиковъ*). Житомиръ. Общество врачей. № 9, 10. — 3. *Братчиковъ*. О мѣстномъ пчеловодствѣ. № 17.—4. Археологич. находки. Монеты. № 31, 84. — 5. *Братчиковъ*. Къ вопросу о мѣстныхъ народныхъ способахъ врачеванїя болѣзней. № 49, 51.

1883.

1. К. С. Шукнинъ, секретарь Волин. Г. Стат. Комит. (Некрологъ). № 10. — 2. *Кулишеръ*. Къ исторїи коробочнаго сбора на Волини. № 14, 16.—3. Б. (*Братчиковъ*). По вопросамъ мѣстнаго скотоводства и огородничества. № 28—31, 64—66, 68.—4. *Братчиковъ*. Къ изслѣдованїямъ о мѣстномъ народномъ календарѣ и о его значенїи въ сельскомъ хозяйствѣ. (Библиографич. замѣтка). № 46.—5. *Братчиковъ*. Къ матеріаламъ для изслѣдованїя Волин. губ. въ статистич., историч. и этнографич. отношен. Татары на Волини. № 70 — 6. *Братчиковъ*. Волин. крестьянство въ его обществен. и домашнемъ бытѣ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, преданїяхъ и предрасудкахъ. № 74, 79, 81, 87, 94.— *Окончанїе* въ 1884 г. № 11, 13.

1884.

1. Протоколъ общ. собран. Волин. Г. Статистич. Комитета. № 12.—2. *Братчиковъ*. Статистич. очеркъ эпизоотич. болѣзней въ Волин. губ. за 37 лѣтъ (1847—1884), № 61—63, 68, 70, 71, 73, 75, 77, 79, 81, 83, 85, 87, 89, 91, 93, 99, 100.—3. *Братчиковъ*. Статистич. очеркъ урожаявъ хлѣбовъ и другихъ растений въ Волин. губ. № 68, 70, 71, 73, 75, 77, 79, 81, 83, 85, 87, 91, 93, 99, 100.— *Оконч.* въ 1885 г. № 2, 4, 8, 11, 15, 19, 21.—4. Археологич. находки. Монеты. № 72, 86.—5. *Самборскій Т.* О климатѣ г. Житомира. № 77, 79, 81, 83, 85, 87, 91, 93, 99.— *Оконч.* въ 1885 г. № 11, 33.—6. Изслѣдованїе о кладахъ Волин. губ. № 77, 79, 81, 83, 85, 87, 89, 91, 93. — 7. *Рафальскій*. Ровен. у. въ полосѣ р. Стубели и Устья, притоковъ въ Горыни. № 77, 79, 81, 83, 85, 87, 89, 91, 93, 95, 97, 99; 1885 г. № 2, 4, 6, 8, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29, 81, 33, 35, 37, 42, 43, 45, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 59, 63.— *Приложенїя къ статьѣ*: 1) Запись князей Чарторьскихъ въ пользу замковой церкви. № 63, 2) Родословныя таблицы для объясненїя родовыхъ отношенїй князей, занимавшихъ Пересопницкїй и Дорогобужскїй столы на Волини. № 73,

1885.

1. *Братчиковъ*. Статистич. очеркъ населенїя Волин. губ. № 29, 32, 35, 42, 45, 46, 48, 50, 52, 54, 56, 58, 61, 64, 66, 68, 70, 76, 79, 83, 84.—2. Протоколъ общ. собранїя Волин. Г. Стат. Комитета. Отчетъ о занятїяхъ за 1884 г. № 29.—32.—3. Археологич. находки. Монеты. № 51, 53, 55, 60.—4. Географич., геологич. и историч. очеркъ Волин. губ. № 77.—5. Выводъ изъ статистич. таблицъ Волин. губ. за 1884 г. № 78, 80—82.—6. *Братчиковъ*. Волинское полѣсье. Его

прошлое и настоящее въ историко-культурномъ отношеніи № 88—90, 92, 94 (пѣсни) 99, за 1886 г. № 1, 3, 9.

1886.

1. *Братчиковъ*. Л. М. Рафальскій. Некрологъ. № 5.—2. Протоколъ общ. собранія Волын. Г. Стат. Комитета. № 21.—3. Археологич. находки. Монеты. № 23.—4. *Братчиковъ*. Забѣтки о мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ. № 26, 29, 40, 42, 45, 48, 50, 52, 55, 56, 58, 61, 63, 66, 77, 84, 85, 91, 93; *оконч.* въ 1887 г. № 3, 4, 9, 13, 16, 20, 21, 24, 27, 29, 33.—5. Отчетъ Жит. Публичн. бібліотеки за 1886 г. № 78.

1887.

1. Общество улучшенія народнаго труда, въ память Царя-Освободителя. Мѣстные комитеты Общ. № 5—8.—2. Отчетъ Волын. Г. Стат. Комитета за 1886 г. № 22.—3. *Мацкевичъ* И. Выводы изъ статистич. таблицъ Волын. губ. за 1885 г. № 23.—4. Отчетъ Ж. публич. бібліот. № 44.—5. *Братчиковъ*. Изъ прошлаго (имп. Александра I на Волыни) № 66.—6. *Вержбицкій* Т. Краткое описаніе г. Житомира. № 63—67.—7. *Братчиковъ*. Исслѣдованіе народныхъ лѣчебныхъ средствъ обычныхъ у Волынскихъ крестьянъ. № 61, 66, 67, 73, 78, 85.—8. *Гамченко* С. С. Исслѣдованіе Житомир. могильника. № 68, 70, 72, 74, 81, 86, 88; *оконч.* въ 1888 г. № 6, 10, 14, 18, 21, 24, 25—27, 36, 38.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

I. Бѣлоруссы.

1. Расположена ли бѣлорусская деревня улицею, какъ великорусская, такъ что дома идутъ въ рядъ близко одинъ отъ другого (тѣсно примыкая) по одной или по двумъ сторонамъ прямой и длинной улицы, образующей деревню? Выходятъ ли жилые дома переднимъ фасадомъ непосредственно на улицу, не отдѣляясь заборомъ двора?

2. Находится ли каждая сушильня позади соответствующаго двора, или всѣ сушильни цѣлой деревни вмѣстѣ находятся внѣ ея?

3. По Носовичу («Бѣлорусс. Словарь») сушильня въ Бѣлоруссіи имѣетъ два названія «рейя» и «евна» (евня, бвня). Такъ какъ первое примыкаетъ къ принадлежащему балтійскимъ финнамъ названію «рига», а послѣднее къ великорусскому «овинъ», то надо предполагать, что бѣлорусская область распространенія слова «рейя» примыкаетъ географически къ соответствующей балтійской области, а область распространенія слова «евна» граничитъ съ великорусс. областью распространенія слова «овинъ». Но по Носовичу выходитъ совсѣмъ наоборотъ, такъ какъ «рейя», по его словамъ, употребляется въ Гродненской и Минской губ., въ остальныхъ же «евна». Вѣрно ли это? Въ этомъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ изумительнымъ передвиженіемъ (литов. jauja во всякомъ случаѣ заимствовано изъ бѣлорусс. яз.).

3. Есть ли между «рейя» и «евна» разница, подобная разницѣ между «рига» и «овинъ», такъ что въ первомъ случаѣ отопленіе производится посредствомъ настоящей печи, находящейся въ самомъ помѣщеніи сушильни, въ другомъ случаѣ, какъ въ овинѣ, посредствомъ разведеннаго въ помѣщеніи подъ землею огня (яма, ямнигъ)?

4. Гдѣ молотятъ? Въ самой ли сушильнѣ, какъ было еще въ древнихъ крестьянскихъ ригахъ восточной Финляндіи, или на открытомъ мѣстѣ, или на соединенномъ съ сушильною тогѣ? Находится ли на немъ маленькая печь для того, чтобы содѣйствовать выпаденію зеренъ, какъ дѣлалось прежде въ Литвѣ?

5. Поляки и малоруссы не знают сушильни; вмѣсто нея у нихъ по нѣмецкому способу амбаръ (стодола, клуна). Оба названія встрѣчаются также и теперь въ Бѣлоруссіи, но въ какомъ значеніи? Вѣдь сушильня и амбаръ, по настоящему, исключаютъ другъ друга.

6. Употребительна ли въ Бѣлоруссіи подвижная (вверхъ и внизъ) предохранительная крыша на 4—6 столбахъ, поставленныхъ кругомъ, для сѣна и хлѣба (польск. *bróg*)?

7. Вѣроятно раздѣленіе бѣлорусс. избы такое же, какъ и великорусской: по срединѣ лицевого фасада сѣни, по одну сторону жилая комната (изба), по другую лѣтняя комната (свѣтлица). Стоитъ ли бѣлорусская жилая комната прямо на землѣ или бываетъ на высотѣ одного этажа, какъ великорусская? очень было бы важно установленіе границъ между комнатой, находящейся прямо на землѣ и комнатой на верху.

8. Стоитъ ли печь въ углу, обращенномъ сторонами внутрь комнаты, а не къ улицѣ, и устье печи бываетъ ли въ сторону двери, или въ противуположную? Такъ какъ по Носовичу между печью и заднею стѣнкою находится «поль», широкія нары, то слѣдуетъ предположить первое.

9. Не встрѣчается ли слово «*gruzca, grunicza*», обозначающее у сосѣдей-литовцевъ жилую комнату, также въ сосѣднихъ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ?

10. Какъ называется амбаръ? Служать ли они также и для сѣнья, по крайней мѣрѣ лѣтомъ? Для всего семейства или для части?

II. Латыши.

Вообще сюда относятся тѣ же вопросные пункты, насколько они не напши себѣ разрѣшенія въ «*Inflanty Polskie*». Для жилой комнаты въ особенности: названіе жилого дома, жилой комнаты, сѣней, мѣсто печи, нарь («поль, лана»)?

III. Поляки.

Встрѣчается ли у настоящихъ польскихъ крестьянъ сушильня и подъ какимъ названіемъ? А баня? У Кольберга я не нашелъ упоминанія ни о томъ, ни о другомъ.

Что я буду очень радъ очеркамъ древнихъ крестьянскихъ дворовъ и домовъ, даже самымъ простымъ, врядъ ли мнѣ надо говорить.

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ с ь.

Бесѣдныя игры: тетѣра, въ гуси, въ кони.

(Новг. губ. Тихв. у., д. Заборовье).

II.

Въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ «Живой Старины» ¹⁾ мы дали описаніе игры со вьюномъ и привели поющіяся при этой игрѣ пѣсни. Теперь дадимъ описаніе еще нѣсколькихъ игръ, разнообразящихъ нѣсколько ровную и скучную зимнюю жизнь деревенской молодежи, не ушедшей на промыслы, а оставшейся дома.

Извѣстностью и притомъ не малой пользуется игра, называемая тетѣрой. Играютъ въ нее такъ: посередѣ избы становятся двое ребятъ, взявшись за руки, а дѣвушки по избѣ плегнемъ, т. е. цѣпью бѣгаютъ и все поютъ:

1. Какъ тетѣра шла, гоф, гоф,
Да рябая шла, гоф, гоф, | Шла по каменью, гоф, гоф,
Да по раменью, гоф гоф. |
|--|--|

При этихъ словахъ къ молодыцамъ подходитъ тетѣра матка—передовая дѣвушка, которая наводитъ, кланяется имъ и проситъ:

Ужъ вы свѣты мои, гоф, гоф,
Доброхоты молодцы, гоф, гоф, | Пропустите меня, гоф, гоф,
Мнѣ самой пройтитъ, гоф, гоф, |
|---|---|
- И дѣтей провеститъ, гоф, гоф.

И пройдя сама между ними—

Я сама прошла и дѣтей провела, Самолучшева дѣтѣнка вамъ оставила!

Тутъ стоящіе двое парней хватаютъ дѣвушекъ и бросаютъ на колѣна ребятами, что сидятъ по лавкамъ, кругъ избы, до тѣхъ поръ пока всѣмъ хватитъ, а парень поцѣлуетъ дѣвушку и пускаетъ. Затѣмъ дѣвушки становятся опять плетнемъ, и игра тѣмъ же порядкомъ продолжается, или же съ небольшимъ измѣненіемъ. Именно, ходятъ утками или гусями. Въ этихъ случаяхъ поются такіе пѣсни:

2. Утка шла по бережку,
Сърая по крутому,
Дѣтокъ вела за собою
Меньшово и большово,
Серенцево и меньшово. | Ахъ ути, ахъ ути,
Ахъ куды же мнѣ уйти?
Кабы озеро воды—
Утопился бы я,
Кабы вострой ножъ— |
|---|--|

Я-бъ зарѣзалъся ²⁾).

Дѣвушки, стерегитесь!

Мылые, не сдавайтесь!

¹⁾ Ж. С. 1892 г., в. II, стр. 162.

²⁾ Отчасти сходно съ хоромъ игровой сб. Шойна, стр. 219 (1-й нумерація) № 166, тамъ же описаніе игры, несходной съ нашей.

Тутъ ребята я хватають дѣвухекъ. Въ томъ же заключается и игра «гусьятъ», только тутъ поютъ слѣд. пѣсню:

3. Ахъ вы гўси, гуси, да го, го,
Далекó летали, да го, го,
Ково вы видали? да го, го,
Мы вид'ли—видали, да го, го,

Мы сѣрово волка, да го, го,
Принимайся волчокъ, да го го.
За сѣрыхъ овѣчокъ, да го, го,
За малыыхъ дѣтокъ, да го, го.

Помню сходства этой игры съ обычной дѣтской игрой въ гуси весьма распространённой и известной каждому, отмѣтимъ сходную игру у малорусовъ «сірий вовкъ» ¹⁾. которая является исключительно дѣтской забавой (тогда какъ въ выше названныя игры— «гусьятъ» и «уткьятъ» играютъ главнымъ образомъ взрослые): по жребію выбираютъ одного изъ играющихъ въ «волка». Волкъ сидитъ сгорбившись, остальные участники игры щиплютъ травку возлѣ него и приговариваютъ:

Ирву, прву горішечки,
Не боюсь вовка ні трішечки,

и бросаютъ травой въ волка, который ловить ихъ, и пойманный дѣлается въ свою очередь волкомъ: «Ся играшка у другихъ краяхъ зовется «гуси», діти зовутся «гусьми»— замѣчаетъ записавшій эту игру, и это замѣчаніе еще болѣе ясно опредѣляетъ отношеніе вышеописанныхъ великорусскихъ игръ къ малорусской. Съ описанными нами играми сходны малорусскій «ящуръ» ²⁾ и великорусскіе—«сѣрый волкъ» и «коршунъ» ³⁾. Въ Пермскомъ сборникѣ II, 56 стр. упоминается объ игрѣ въ гуси,—но приведенная тамъ запись не имѣетъ съ нашей ничего общаго.

Болѣе сходства съ игрой записанной и помѣщенной въ Пермскомъ сб. II 56 стр., подъ названіемъ «оброкъ» имѣетъ игра «коньятъ», которую мы и опишемъ.

Парень съ парнемъ торгуются, какъ цыгане, при повукѣ лошади, а дѣвушка также плетнемъ—взявшись за руки ходять по избѣ и поютъ.

4. Кони ль вы, кони,
Кони вороны;
Кони воды нѣ пьютъ—
Дороженьку чуютъ
Чаю ве чаю, гдѣ милой ночуе.

Ночуе мой милой
Въ полѣ при долины,
Въ широкомъ раздолы,
Въ хорошемъ привольи.
Купите коня, продайте меня.

Потомъ уже, когда всѣхъ дѣвухекъ разберутъ, тѣ, которые продавали начнутъ спрашивать купившихъ: «Ну-ка, молодець, хорошо ль свою лошадь кормилъ?». А дѣвушка встанетъ и захромаетъ; тогда продавецъ бьетъ покупщика кнутомъ (жгутъ, скрученнымъ изъ платка): «Зачѣмъ, говоритъ, худо кормилъ! Видно она у тебя шапки боится?»—и шапку смететъ, а какъ она опять выйдетъ—«видно тогда она у тебя еще чего боится?»—и шапку смететъ, и тоѣ смететъ. А иная дѣвушка и сразу пойдетъ. И такъ мѣняютъ коней, пока не надоѣстъ, причежь продающій получаетъ отступнаго, покупающій ставитъ магарычъ, и всё это платять поцѣлуями съ дѣвушки. Игры и пѣвки къ нимъ записаны нами со словъ крестьянки Новг. г. Тихв. у д. Заборовья, Палагеи Ѳедоровой. Сходныя же игры видѣли мы и въ другой мѣстности Тихв. у.—въ д. Будагощи, уже упомянутой нами въ первомъ очеркѣ.

Владиміръ Перетцъ.

¹⁾ Труды Этн. Ст. Эксп. въ Ю.-Зап. Край, т. III, стр. 103 № 50.

²⁾ Тамъ же, стр. 96, № 38.

³⁾ Сахаровъ. Сказ. р. нар. II, стр. 76 и 81, также и др.

Замѣтки по бѣлорусской этнографіи.

Ниже я предлагаю вниманію читателя нѣсколько замѣтокъ объ обрядахъ, повѣртіяхъ и обычаяхъ бѣлорусскаго населенія Минской губ. Матерьялъ собранъ мною во время моихъ лѣтнихъ экскурсій.

Я старался выбрать изъ моихъ матерьяловъ лишь то, что имѣетъ интересъ сравнительно съ уже изданнымъ. Поэтому замѣтки имѣютъ отрывочный характеръ. Пѣсни къ описываемымъ обрядамъ будутъ изданы мною впоследствии отдѣльнымъ собраніемъ.

1. Пѣ с н и ¹⁾. Весеннія пѣсни начинаютъ пѣть въ среднихъ числахъ марта и кончаютъ на Троицу, наз. Сѣм уху. Поютъ только женщины во время работъ. Въ Мозырскомъ у. сохранился еще обычай кликать весну. Дѣвушки и молодіцы собираются на улицахъ и гдѣ нибудь подъ заборомъ поютъ пѣсни, что и назыв. кликать весну. Появленіе мужчины заставляетъ ихъ немедленно удалиться въ другое укромное мѣстечко, гдѣ продолжаютъ снова пѣть. Шутники пари такимъ образомъ умудряются перегнать ихъ не разъ изъ конца въ конецъ села. Кликаютъ только до наступленія теплыхъ весеннихъ дней.

2. Великодныя пѣ с н и. Хожденіе съ великодными пѣснями извѣстно въ настоящее время въ немногихъ мѣстахъ; обычай этого времени выводятся. Въ Минскомъ у. еще ходятъ съ Великодными пѣснями, такъ наз. хадзницъ па валачуопнаму, отсюда названіе валачуопники (а); въ Слуцкомъ у. они обычнѣе называются кукуюльники, но оба названія не безъизвѣстны и въ другихъ мѣстахъ губ. Волочобники сначала поютъ духовныя пѣсни, обычно польскую кантату, потомъ начинаютъ пѣсню—гаспадару, гаспадыни, дзѣткамъ. По рассказамъ крестьянъ, прежнія поколѣнія очень уважали волочобниковъ, семья по часамъ слушала ихъ пѣсни и платила хорошія деньги, но теперь если гдѣ и поютъ, такъ только подъ окнами, даютъ мало. Волочобниками бывають мужчины и женщины. Всѣ или часть своихъ заработковъ они отдають на приходскую церковь. По рассказамъ прежде волочобниками могли быть не всѣ, но только нѣкоторые лица въ приходѣ, которые наиболѣе старались объ обогащеніи храма. Занятіе считалось почетнымъ. Судя по всему, волочобники составляли тѣсно замкнутое общество, братство; ихъ пѣсни, наиболѣе быть можетъ, интересны,—секретъ для этнографовъ. Старики говорятъ объ устройствѣ волочобническихъ братствъ неохотно, молодежь ничего не знаетъ. Одни хвалятъ прежнихъ за поддержку храмовъ, другіе указываютъ на то, что деньги пропивались. Вотъ все; вопрось крайне интересный и загадочный.

3. Св. Юрій. Въ Минскомъ у. сохраняютъ ко дню св. Георгія кости отъ освященнаго на Пасху мяса. Въ самый день святаго мужчины съ женщинами, пари съ дѣвушками идутъ на засѣянное озимымъ хлѣбомъ поле, съ водкой и закусками. Въ избранномъ мѣстѣ закапываютъ принесенныя кости отъ пасхальнаго мяса б) и здѣсь же начинаютъ подъ пѣсни пить водку и закусывать. Это празднество называется росю. Подвыпивъ, компанія забираетъ остатки отъ стола и идетъ въ корчму, гдѣ продолжаютъ ширвать до поздней ночи. Пари и дѣвушки пляшутъ.

Есть повѣртіе, что кто въ день св. Георгія выйдетъ очень рано въ поле, тотъ увидитъ святаго раздѣзжающимъ на бѣломъ конѣ по полю. — Если кто въ день св. Георгія выгонитъ рано скотъ и успѣетъ напасти его до восхода солнца на восходахъ ржи, тотъ цѣлое лѣто не будетъ имѣть недостатка въ молокѣ.

4. Выгонъ скота въ с. Никольскѣ Минскаго у. ²⁾. Весною въ маѣ или въ началѣ іюня—времени точно не обозначается, подъ вечеръ,—«икъ тулоки почни сутуняця» (вечерять),—собираются бабы и дѣвушки въ одну какую нибудь избу. Собираются только женщины, которыя «ня дарасли гадуоу, чи пярарасли» —т. е. подростки-

¹⁾ По наблюденіямъ въ Минскомъ, Рѣчицкомъ и Мозырскомъ уѣздахъ.

²⁾ Изъ сообщенія г. Демидовича.

дѣвушки и пожилыя женщины. Каждая изъ приходящихъ захватываетъ съ собою прялку (прясицу), веретено и немного (касьмыкъ) льну (кудзели). Собравшись въ избу, онѣ тотчасъ принимаются за работу, предварительно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Однѣ изъ нихъ, преимущественно дѣвушки, принимаются за прядиво, другія стараются скорѣй сновать, т. е. положить основу на ткацкій станокъ, «верстать». Основа кладется предварительно на особаго рода гребни деревянные и когда все приготовить вносятъ верстать, неразобранный. Всѣ спѣшатъ поскорѣе сложить его, положить основу и принимаются ткать. Въ это время поютъ рядъ пѣсенъ, начинають польской духовной кантатой; характеръ мотива грустный и заунывный. Продолжается самая сильная работа. Всѣ спѣшатъ, чтобы къ разсвѣту выткать полотно, по длинѣ равное серединѣ улицы. Какъ только полотно готово, всѣ разбѣгаются по домамъ, чтобы оповѣстить домашнихъ и ближайшихъ сосѣдей. Дѣло въ томъ, что знаютъ о подготовленіи полотна только участвующія, да немногіе изъ ихъ домашнихъ; для большинства же время изготовленія—это тайна. Тайственности придаютъ большую силу.

Бабы, мужики, кто какъ пошло, схватываются и бѣгутъ на улицу, выгоняя впереди себя скотъ. Между тѣмъ нѣсколько старыхъ женщинъ выносятъ полотно на край села и разстилаютъ его черезъ улицу. Весь скотъ деревни долженъ пройти черезъ это полотно. Вынесшія его женщины остаются все время тутъ: онѣ наблюдаютъ, чтобы ни одна изъ женщинъ не переступила черезъ него, такъ какъ это строго воспрещается. Обыкновенно выжидаютъ, чтобы непременно весь скотъ деревни прошелъ. Этотъ переходъ, по вѣрованію крестьянъ, весьма полезенъ для здоровья скота, и грѣшно было-бы кому помѣшать или не дать знать о прогонѣ. Перегоняютъ только рогатый скотъ. Весь перегнанный скотъ собираютъ въ кучу, бабы окружаютъ его; приносятъ полотно и недопряженные остатки кудели—и все это сжигаютъ. Весь этотъ обрядъ долженъ быть непременно исполненъ до восхода солнца.

5. Купала. День этотъ считается священнымъ, пренсполненнымъ таинственности. Вѣра въ раздѣланіе папоротника и нахожденіе кладовъ—очень сильна. Кладъ является въ видѣ какого нибудь страшилища; нужно только не испугаться и сумѣть его взять. Вѣдьмы и всякіе нечистые духи обдѣлываютъ въ эту ночь свои дѣла. Вѣдьмы на этотъ день вселяются въ жабу, а потому всѣ стараются избить какъ можно больше этихъ животныхъ въ этотъ день. Вѣдьмы особенно вредятъ молоку. Чтобы предотвратить его кражу или порчу, втыкаютъ въ двери домовъ и въ ворота хлѣбовъ крапиву, зеленія березовыя вѣтки и особую траву, такъ и извѣстную подъ названіемъ «купала». Празднованіе вечеромъ у огня купалы выводится, но лѣтъ десять-пятнадцать оно было повсемѣстно, не исключая и городовъ. Парни и дѣвушки запасаются водкой и закуской и идутъ на перекрестокъ дороги. Здѣсь раскладываютъ огромный костеръ изъ осиновыхъ дровъ (осина—дерево несчастное, на ней повѣсился Иуда предатель). Въ котелкѣ ставятъ на костеръ вариться цадзилку, т. е. ситце или тонкую тряпочку, черезъ котелка процѣживаютъ молоко. Вся компанія садится кругомъ караулить вѣдьму, потому что она непременно захочетъ украсть цѣдилку. Вѣдьма является или въ своемъ видѣ, или въ видѣ животного—собаки, кошки. Вѣдьмѣ, пришедшей красть цѣдилку, отрубиваютъ пальцы на рукахъ, а животнымъ—на переднихъ ногахъ. Извѣстно нѣсколько случаевъ изувѣчелія случайно пошавшихъ женщинъ. Карауленіе кончается выпивкой, закуской, прыганіемъ черезъ огонь. Въ Мозырскомъ у. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ костеръ раскладываютъ изъ лозы и вербы, въ него бросаютъ всякій мусоръ, рваную одежду и пр.; раскладываютъ костеръ на берегу рѣки.

На Купала—солнце купается, а на Ивана сушится. Видѣть могутъ только счастливые люди передъ восходомъ солнца.

6. Зажинки и дожинки. Начинаютъ въ счастливые дни: въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и субботу. Зажинала рожь, крестьянка первую «жменю» сжатыхъ колосьевъ кладетъ въ сторону и вечеромъ приноситъ домой. Въ прежнее время вмѣстѣ съ этою рожью приносился еще и вѣнокъ изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтковъ; теперь этотъ обычай исчезъ. Принесенный пучекъ ржи в) хозяинъ дома, помолвившись передъужиномъ и зажегши передъ иконами свѣчку, торжественно кладетъ за иконы. 6 или

15 августа ее освящают въ церкви. Въ новый посѣвъ крестьянинъ смѣшиваетъ рожь для посѣва съ этою освященною рожью.

Дожинки въ послѣднее время выводятся. Отдѣльные крестьяне рѣдко справляютъ дожиночный шпръ. Только гуртовья, толочныя дожинки справляются: плетутъ изъ ржи и цѣтвовъ вѣнокъ, несутъ съ пѣснями домой, слѣдуетъ угощеніе. Въ с. Никольскѣ Минскаго у. совершается слѣдующій интересный обычай (по сообщенію П. Н. Демидовича): на томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается жатва ржи, жнецы оставляютъ небольшую кучку ея несжатой г) въ срединѣ ея или очень близко отъ нея кладутъ крестообразно четыре небольшихъ (съ кулакъ) камня, на нихъ два пучка ржи, положенные крестообразно, сверху—кусочекъ хлѣба и щепотку соли ¹⁾).

Зажигки и дожинки относятся только ко ржи.

7) Дзѣды въ м. Тимковичахъ, Слуцкаго уѣзда. Въ особо установленныя дни—Родительскія субботы—Православная церковь совершаетъ общее поминовение умершихъ православныхъ христіанъ. Съ этими днями во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи соединяется и домашнее поминовение умершихъ, подъ названіемъ «дзѣдоу».

Мы остановимся на томъ, какъ «спрауляютца» дзѣды въ м. Тимковичахъ, гдѣ ихъ въ году бываетъ трое: «пилипаускіе дзѣды, дзѣды перадъ Троицаю и дзѣды перадъ Великимъ постомъ».

Дзѣды всѣ равны, но «пилипаускіе» выдѣляются изъ ряда остальныхъ тѣмъ, что имъ предшествуетъ въ каждой семьѣ годовое поминовение умершихъ, начинающееся недѣль за шесть до дзѣдоу, чтобы общей молитвой въ самый день дзѣдоу окончить «наминки» умершихъ. Еще задолго до дзѣдоу просятъ священника отслужить: кто обѣдню, кто панихиду, кто вынуть частицу (мшу, панахиду, выняць часницу.) Если въ давномъ году были умершіе, то на могилахъ передъ дзѣдамп. ставятся кресты ²⁾ и кладутся «приклады» ³⁾).

Дзѣды обыкновенно начинаются въ пятницу вечеромъ. Передъ ужиномъ при зажженной «громничной» свѣчѣ всей семьей читаются молитвы за умершихъ. Къ ужину приготавливается нѣсколько лучшихъ кушаній, чего въ обыкновенныя дни не бываетъ. Подается селедка, квасъ или капуста съ грибами, рыба, лаща съ грибами или «фарфели» ⁴⁾ съ грибами, сущенныя яблоки и груши съ черникою, сливами и медомъ и каша съ медомъ. Это дзѣды постныя, называемыя нѣкоторыми «бабами». Самое же важное и торжественное отъкладывается до вечера въ субботу.

Въ субботу утромъ прежде всего приготавливается «канонъ» ⁵⁾. Канону приготавливается столько, чтобы съ остаткомъ хватило для всей семьи. Когда канонъ приготовленъ, если не вся семья, то, по крайней мѣрѣ, свободные отъ работы члены, идутъ въ церковь, чтобы помолиться за умершихъ. Одинъ изъ членовъ семьи несетъ въ церковь стаканъ или кружку канону съ двумя цѣлыми «абаранками». Канонъ выливается въ общую чашу, стоящую по срединѣ церкви передъ аналоемъ, покрытымъ чернымъ сукномъ съ бѣлымъ крестомъ посрединѣ и головою Адама внизу (символь смерти), а абаранки кладутся на другое, такое же сукно, разостланное на полу.

Послѣ заупокойной обѣдни около указанного аналоя совершается общая панихида; затѣмъ бывшіе въ церкви идутъ домой и принимаются за обычныя работы ⁶⁾.

Къ вечеру хозяйкой дома заглаживается печка, пекутся блины и приготавливаются кушанья. Хата чисто выметается и высыпается желтымъ пескомъ, столы и лавки чисто смываются. Всѣ члены семьи умываются, надѣваютъ чистыя рубахи и, когда ужинъ готовъ, садятся за столъ. На «покуци» ⁷⁾ занимаетъ мѣсто хозяйинъ, по правую

¹⁾ Сообщеніе г. В. Ляховскаго.

²⁾ Крыжи.

³⁾ Прикладъ — деревянный брусокъ въ данну могилу или камень съ надписью: имя, фамилія, время рожденія и смерти. На нѣкоторыхъ прикладахъ подъ надписью находится узлы ∞. Объ этихъ узлахъ говорится, что они разважутся въ день страшнаго суда.

⁴⁾ Рубленое тѣсто.

⁵⁾ Канонъ—кушанье изъ расыченного меду съ калачами («абаранками»).

⁶⁾ Въ дни дзѣдоу теперь дозволяется работать, но было время, когда старухи воздерживались отъ пряжи и шитья.

⁷⁾ Красный уголь.

сторону его сыновья по старшинству, а по лѣвую хозяйка съ дочерьми, при чемъ хозяйка садится такъ, чтобы удобно было вставать изъ за стола и подавать кушанья. Иногда роль хозяйки исполняетъ старшая дочь. Когда всѣми мѣста заняты, зажигается «громничная свѣчка», или «громница» ¹⁾, заранѣе принесенная изъ «каморы» ²⁾, ставится на столъ канонъ, всѣ встаютъ и, обратясь къ «образомъ» (иконамъ) читаютъ молитвы за умершихъ, а затѣмъ садятся «Госпадарь берѣ ложку, хришцица, черпае три рѣза канону и гавориць: «вѣчная памець, вѣчная памець; вѣчная памець!» ³⁾ Хозяинъ ложку передаетъ женѣ, жена старшему сыну и т. д. Всякій черпаетъ только три рѣза канону и говорить три рѣза вѣчная память. Чтобы не былъ нарушенъ обычай, мать, передавая ложку, замѣчаетъ: «вы, дзѣтки, берица па трѣшки, па аднаму кусочку абаранка, бо па многу не гадзица». Когда канонъ съѣденъ, свѣча тушится. Подаютъ водку. Хозяинъ наливаетъ рюмку и обратясь къ женѣ («пѣ да жѳнки») говоритъ: «Ну, жѳнка, будзь здарѳва; дай намъ, Боже, здарѳва, а нашымъ, небощникамъ (покойникамъ) Цѣрства Небѣснае; нехай ены на томъ свѣци спачиваюць и намъ аттуль пріяюць» (или «добра жалаюць»). Мать идетъ къ старшему сыну и т. д. Но вотъ подошла очередь къ дочерамъ и малымъ дѣтямъ. Отецъ останавливаетъ круговой ходъ рюмки: «Еще имъ гарѣлка?! еще будзе часъ, науцацца пѣць!» А мать, соблюдая обычай, говоритъ: «Хибѣ табѣ шкода гарѣлки? Нехай вышюць па трѣшки, таки-та сегоння дзѣды». Дается разрѣшеніе. Пьютъ кто немножко, а кто только губы помочить, «бо такъ негацица не выпѣць хоць трѣшки на дзѣды, дзѣды будуць гѣвацца». Больше чѣмъ по рюмкѣ никто не пьетъ; водка убирается со стола и начинается ужинъ. Подаютъ: верещаку ⁴⁾ съ блинами, капусту съ саломъ или мясомъ, кашу съ молокомъ или мясомъ, яичницу и въ заключеніе ячменную ⁵⁾ кашу съ саломъ.

Послѣ ужина читаются молитвы на сонъ грядущій, всѣ благодарятъ отца и мать. Этихъ и оканчиваются дѣды.

Посуда со стола не убирается. На столъ ставится оставшійся канонъ «для дзѣдоу», какъ говорится: «ночью дзѣды» ⁶⁾ приходзяць хоць не ѣсци, такъ паседзѣць на томъ мѣсци, гдзѣ калисцьо седзѣли и сами спрауляли дзѣды».

Во время ужина всѣ должны держать себя прилично: сидѣть прямо, не налегая на столъ, не разговаривать, младшіе не должны начинать ѣсть раньше старшихъ; всѣ ѣдятъ изъ общей тарелки; только тому, кто разливаетъ дается «талѣрочка», (тарелка); мясо дѣлится по порціи («дзелянцы») каждому соразмѣрно его возрасту. За порядкомъ наблюдаетъ глава семейства. Кто нарушаетъ принятое приличіе, тому дѣзается замѣчаніе: «Седзи добре, а не то палучишь пстричку» ⁷⁾, альбо ложкай пѳлбу и пойдзешь изъ-за сталѣ».

8) Къ играмъ. Въ дополненіе къ сообщеннымъ ужъ въ № IV, 1891 г. «Живой Стар.», предлагаю еще описаніе трехъ игръ.

а) Ящаръ д). Въ Минскомъ у. ⁸⁾ эта игра справляется въ Филипповку слѣдующимъ образомъ:

На скамейкѣ, поставленной среди избы, садится парень—ящаръ. Вокругъ него становятся дѣвушки, взявшись за руки. Онѣ начинаютъ кружиться и припѣвать:

Сядзи, сядзи, гѣй, нашъ, нашъ! Вазми сабѣ панну, гѣй, нашъ, нашъ!

На залаци кресли, гѣй, нашъ, нашъ! Которую любишь, гѣй, нашъ, нашъ!

Затѣмъ самъ ящаръ (его поддерживаетъ весь хоръ), отвѣчаетъ:

¹⁾ «Громничная свѣчка»—восковая свѣча, домашняго приготавленія, освященная на Срѣтеніе Господне («Грамници»).

²⁾ Кладовая.

³⁾ Канонъ ѣдятъ всѣ одной ложкой.

⁴⁾ Верещака любимое бѣлорусское кушанье. Приготавливается она изъ сала, колбасы, небольшихъ кусочковъ мяса и яицъ.

⁵⁾ Между кашами первое мѣсто занимаетъ ячменная каша, употребляемая всегда въ торжественныхъ случаяхъ: дѣды, свадьба, крестины и проч.

⁶⁾ Подъ дѣдами разумѣются всѣ покойники известной фамиліи (рода).

⁷⁾ Пстричка—щелчокъ

⁸⁾ По сообщенію Н. П. Домидовича.

Ой, люблю-жь Коську, гэй, нашъ, У шауковужъ паясочку,
нашъ!
Што ў русоуі касицы (припѣвъ по- У руцьвяноужъ вяночку.
вторяется)
У залатую прасьцицы,

Названная дѣвушка подходитъ къ парню и отдаетъ свою какую нибудь вещьцу. Парень уступаетъ мѣсто другому, тотъ снова дѣлаетъ выборъ и т. далѣе, пока не выберутъ всѣ участвующіе себѣ парь.

По окончаніи выбора, парень бывшій первымъ ящаромъ, садится у стѣны. Дѣвухи становятся въ рядъ у противоположной стѣны и взявшись за руки, идутъ къ ящару съ пѣсней:

Ой, ящару, паночку,
Прашу одаць вяночку
Красныя Марыськи,
Што у русоуі касицы,
У заладёнкой прасьцицы,
У шаўковымъ паясочку,
Да у руцьвяноужъ вяночку.
Да яна нуочанку наспала

Да вяночыкъ завивала,
Па край мори хадзила,
Да красачки зьбирала,
Да у садочку саджала,
Прыгарцямі паливала.
—Расцеця, красачки, тонкія высокі,
На лисцяйка шырокі,
На каренія—глыбокі.

Ящаръ, по окончаніи пѣсни отдаетъ вещь по принадлежности и удаляется, уступая мѣсто другому, и такъ далѣе, пока не возвратятъ всѣхъ вещей.

Въ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ эта игра извѣстна почти безъ изменений.

б) Танецъ «подушачка» е). Составляется кругъ изъ дѣвицъ, одна входитъ въ него и поетъ:

Подушачка, подушачка, мая пухавая!
Малодачка, малодачка, мая маладая!
Каго люблю, каго люблю, — таго й па-
цалую

Падушачку пухавую таму й падарую!
Быў-жиў, да нима, да паўхоуі да лигина,

Бѣдная мая галованька—одна спаці легла!
Быў-жиў да нима, да поўхау на рѣчку,
Кабъ вѣдала,—што утапиўся, паставила-бъ
свѣчку,

Ой жаль жа мнѣ, што ня варнеца,
Падушачка пуховая—паревярнеца!

Остальныя ея подтягиваютъ и плавно танцуютъ круговую, то раскачиваясь верхней частью туловища, то прихлопываютъ на мѣстѣ. По окончаніи пѣсни стоявшая въ кругу беретъ одну изъ дѣвухекъ, остальныя становятся также въ пары и начинаютъ танцовать «круціолку». Потомъ дѣвушка, танцовавшая съ запѣвалой, входитъ въ кругъ,—и снова повторяется та же игра.

Игра повсемѣстно извѣстна въ Бѣлоруссіи. Народная музыка знаетъ особые мотивы для этой игры, также называемая «подушачка». Тѣлодвиженія танцующихъ сначала шныры и плавны, но при «круціолкѣ» танецъ носитъ бурный характеръ. Вообще весь танецъ носитъ оргіастическій характеръ, и повидимому, среденъ съ игрой «подушечка» на Дону.

К а л о д а ч к а ж). Посреди избы ставятъ колодку, или *заслонку* (доску, которою заслоняется печь). На нее садится одна изъ дѣвухекъ, остальныя стоятъ вокругъ нея и поютъ:

На гары макъ, макъ,
А у *падоли* такъ, такъ!
Бѣдная мая галовачка,

Золотая маковочка!
Ци паспѣу макъ?

Сидящая дѣвушка, когда пропоютъ первый разъ пѣсню, говоритъ «пасѣяла!», во второй разъ—«сузышоу», въ третій—«цѣвице!» и въ четвёртый—«паспѣу!». Какъ

только она скажетъ послѣднее, остальные дѣвушки бросаются къ ней и начинаютъ щипать з).

9) Вечорки, игрища, взгляды на цѣломудріе дѣвушекъ. Условія крестьянской жизни далеко не препятствуютъ знакомству и общенію молодыхъ людей обоого пола. Прежде всего они сталкиваются во время деревенскихъ празднествъ, для совершенія Купальскихъ, Троицкихъ и др. обрядовъ, во время лѣтнихъ хороводовъ, прѣ; зимою—на вечеркахъ, имѣющихъ болѣ интимный характеръ.

Труднѣе свести знакомство парню и дѣвушкѣ изъ различныхъ селъ. Для послѣдней цѣли служатъ «хвѣсты» храмовые праздники сосѣднихъ церквей. Затѣмъ слѣдуютъ «прощи», мѣста считающіяся священными въ глазахъ окрестнаго крестьянства. Теперь на мѣстѣ прощи находится икона, крестъ или «капличка», часовня. Эти предметы стоятъ надъ колодезѣмъ, ручьемъ, источникомъ, а иногда прямо въ глухомъ лѣсу, въ роцѣ. Водные источники считаются священными: больные сходятся ихъ пить, омыть больные глаза, части тѣла. Прощи всегда въ глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу, среди болота. Прощи теперь носятъ имена христіанскихъ святыхъ, праздниковъ, во время которыхъ туда и сходитсѣ окрестное крестьянство помолитсѣ, приглашаютъ священника и т. д.

Иногда прощи встрѣчаются вблизи старинныхъ кладбищъ. Особенно интересную прощу въ послѣднемъ родѣ я встрѣтилъ въ Пинскомъ у., около с. Порѣчья. Среди обширнаго болота, по которому теперь еще проведена дорога, стоитъ, недалеко отъ дороги колодезь, покрытый навѣсомъ; подъ навѣсомъ старинная икона св. Николая. Кругомъ—знаки усерднаго поклоненія: куски холста, кисей, навѣшанные на икону и столбы, почернѣвшіе отъ времени. Черезъ дорогу—обширный отлогій курганъ, почти несомнѣнно искусственнаго происхожденія. На курганѣ старинная дубовая церковь (простой срубъ, покрытый соломой, такихъ церквей еще не мало въ Пинщинѣ), а кругомъ старинное кладбище. На большинствѣ могилъ стоятъ прямо плохо обдѣланные камни и только на немногихъ каменные кресты; нѣсколько болѣ изящныхъ каменныхъ плитъ указываютъ своими надписями, что въ прошломъ вѣкѣ здѣсь хоронили свои останки сосѣдніе помѣщики. Мѣстность эта, вообще, очень интересна.

Собираясь на эти прощи, парни и дѣвушки различныхъ селъ заводятъ между собою знакомство. Еще есть случай для подобныхъ знакомствъ—это деревенскіе «кормашки», ярмарки, не менѣе, какъ и фесты и прощи, посѣщаемые окрестнымъ крестьянствомъ, частью болѣе изъ любопытства, чѣмъ по торговой нуждѣ.

Присмотрѣвшись разъ другой на фестахъ, кормашкахъ, прощахъ, къ дѣвушкѣ изъ сосѣдней деревни, парень старается пробраться въ среду парней ея деревни, чтобы потомъ принимать участіе въ вечернихъ зимнихъ собраніяхъ молодежи. Парни неохотно пускаютъ на свои вечерки парней изъ сосѣднихъ деревень, особенно если замѣтятъ въ немъ желаніе ухаживать за красивой, веселой дѣвушкой, до которой найдется немало охотниковъ и въ своей средѣ. Средствомъ добиться благосклонности деревенскихъ парней служитъ водка, угощеніе. Сосѣдскій парень разъ другой навизмаетъ «музыку» на свой счетъ для всей молодежи и пр. Но и заручившись согласіемъ парней, парень изъ сосѣдней деревни не всегда гарантированъ отъ неприятныхъ столкновеній, а потому часто собираются ходить на вечерки парни сосѣдней деревни гурьбой, и тогда надѣются больше на силу. Вываютъ и серьезныя побоища. Для дѣвушки это считается большою честью, если къ ней ходятъ парни изъ сосѣднихъ деревень, такъ что онѣ относятся благосклоннѣе къ послѣднимъ, чѣмъ къ своимъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что ловкіе сосѣдскіе парни, въ своихъ сношеніяхъ съ дѣвками сосѣдней, особенно отдаленной деревни, легко доводятъ дѣло до интимныхъ отношеній и затѣмъ покидаютъ свою возлюбленную. Расчетъ тотъ, что такому парню легче увернута отъ женитбы: его родичи, несвязанные ничемъ съ родичами пострадавшей, не обратятъ на это вниманіе; самому парню не придется сталкиваться потомъ съ родичами дѣвушки, терпѣть обычныхъ въ такихъ случаяхъ неприяностей и пр.; наконецъ, и родственники дѣвушки менѣе охотно берутся защищать ее: предпочесть своихъ

парней чужому, да еще не устоять передъ ними, считается черезъ чуръ зазорнымъ, такъ что отъ нея и свои отворачиваются.

Большія села дѣлятся на «кутки» (концы) и каждый кутокъ составляетъ свою компанію для игрищъ и собраний. Отношеніе между кутками такое же, какъ и отношеніе между сосѣдскими деревнями. Иногда раздѣленіе замѣчается не только по концамъ, но и по общественному положенію. Въ одномъ большомъ селѣ Пинскаго уѣзда (с. Выгоношты) я замѣтилъ большой антагонизмъ между кутками. Изъ разговоровъ выяснилось, что шричана лежала въ экономическомъ положеніи крестьянъ. Одна часть села—земледѣльцы, люди зажиточные, строго придерживающіеся старинныхъ порядковъ; они не ходятъ въ славъ. Другая часть — бурлаки, распившіеся и забросившіе землѣ, бѣдная и несчастная часть населенія, цѣлкою находящаяся въ рукахъ евреевъ. Замѣчу, что въ Пинскомъ у. вездѣ такіе контрасты, и замѣчается сильный антагонизмъ между обѣими частями населенія. Это отношеніе «хозяиноу» къ бурлакамъ перешло и къ дѣтямъ тѣхъ и другихъ, проводящихъ усердно эту вражду на своихъ сборищахъ.

Собранія молодежи бываютъ лѣтнія и зимнія. Лѣтнія не представляютъ ничего особеннаго. Кромѣ дной Троицкихъ, Петровскихъ, Купальскихъ, зашпичовыхъ, которыя связаны съ извѣстными обрядами, молодежь собирается по вечерамъ праздничныхъ дней гдѣ нибудь на завалнику или на колоды; дѣвушки садятся въ кругъ, поютъ пѣсни, а молодые люди стоятъ поодаль, перебрасываются съ ними шутками, остротами и пр. Когда дѣвушки расходятся по домамъ, ихъ сопровождаютъ парни. Лѣтомъ крестьяне рѣдко спятъ въ избахъ, развѣ старики, спятъ же обычно на сѣновалахъ, въ сѣнахъ, въ сараяхъ. Парень, сопровождающій дѣвушку, съ которой «любится», обыкновенно и подначевываетъ съ нею гдѣ—нибудь на сѣновалѣ.

Въ большіе праздники, когда молодежь собирается вмѣстѣ изъ цѣлой деревни или кутка, устраиваютъ танцы, хороводы, сопровождаемые пѣснями. Хороводныхъ лѣтнихъ пѣсней очень много и содержаніе ихъ разнообразно. Нѣсколько десятковъ ихъ записано и мною. Нѣсколько другой характеръ носятъ зимнія собранія молодежи. Онѣ прежде всего различаются на «игрища» и на «вячорки»; послѣднія соответствуютъ великорос. поснѣлкамъ и малорос. вечерницамъ.

Игрища—это большія сборища молодежи, бывающія обычно въ большіе праздники, на Рождество, масляницу и др. На игрище приглашаютъ музыканта со скрипкой или гармоніей, а иногда и другаго еще съ бубномъ; музыканту платятъ за вечеръ рубля полтора; но бываетъ и такъ (въ Мозырскомъ у.), что музыканту платитъ отдѣльно каждая пара, вступающая въ танецъ, копѣйку—двѣ, а подъ городами и по пятачку. Деньги на музыканта, равно какъ и на всякіе другіе расходы парни собираютъ между собою. Мѣстомъ собраний служитъ изба какого нибудь хозяина, или же (въ послѣднее время чаще всего) — корчма. Въ селахъ, куда еще не проникла «цивилизация» танцуютъ «лявониху», «бычка», «подушечку» и др., а въ подгороднихъ селахъ встрѣтите и «кандреля», «вальца». Парни угощаютъ между танцами дѣвушекъ медомъ, конфектами, а въ уголкахъ и щипками. Сюда же собираются и старшіе: поглазѣть, покаякать. Въ углу ребятишки и подростки подражаютъ взрослымъ: танцуютъ, угощаютъ другъ дружку и пр. Подобныя игрища кончаются однако зачастую очень печально: подвыпившіе парни заводятъ между собою ссору, не обходится иногда безъ серьезной драки.

Совсѣмъ другой характеръ носятъ «вячорки», съ болѣе интимнымъ характеромъ.

Онѣ устраиваются такимъ образомъ. Въ началѣ зимы, вѣрнѣе осенью, дѣвушки сговариваются съ какими нибудь хозяиномъ о разрѣшеніи имъ у него собираться. Выбираютъ избу побольше, а хозяина покладистѣе, чтобъ не жѣпалъ молодежь. Платы за избу ни хозяинъ, ни хозяйка не получаютъ, но зато при всякомъ случаѣ молодежь старается угощать ихъ. Иногда, если не находятъ постоянной избы, то переходятъ каждый вечеръ отъ одного хозяина къ другому.

Деревеньки въ Вѣлоруссіи маленькія, а потому вся молодежь легко собирается

къ одному хозяину. Если не выщажются, или не поладятъ,—дѣлятся по «куткамъ» и образуется нѣсколько клубовъ.

Вечеръ начинается очень чинно. Дѣвушки приходятъ съ «кужалемъ» и прядутъ, тихо расплывая. Иногда старушка рассказываетъ имъ сказки. Но вотъ гурьбою вваливаются парни. Начинаются шутки, балагурягъ, «жартующъ». Парни подсаждаютъ къ дѣвушкамъ, дѣло не обходится безъ обниманій, поцѣлуевъ, щипковъ. Вообще, известная вольность въ обращеніи на вечеркахъ не только допускается, но даже требуется обычаемъ, признается закономъ, и дѣвушка можетъ быть исключена изъ собраній, если черезчуръ усердно сопротивляется обычнымъ шуткамъ. Впрочемъ, не нужно думать, что шутки эти и вольности заходятъ слишкомъ далеко, или принимаютъ не совсѣмъ удобный видъ. Одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей, г. Ярмаковичъ, сообщаетъ мнѣ изъ Минскаго у. факты, которые впрочемъ намъ приходилось наблюдать и въ Рѣчицкомъ и Мозырскомъ у. На вечеркахъ не существуетъ разницы между богатымъ и бѣднымъ парнемъ, красивымъ и безобразнымъ. Всѣ одинаково равны. Самый бѣдный и самый некрасивый можетъ подсесть къ красивой и богатой дѣвушкѣ, шутить съ нею и пр., независимо отъ того, симпатизируетъ ли она ему или нѣтъ. На вечеркахъ подсаждаютъ къ дѣвушкамъ и шутятъ не только парни, съ которыми онѣ «любятся», но кто съ кѣмъ придется. Дѣвушка не должна оскорблять парня ударомъ, грубымъ словомъ и пр., она не можетъ также не допустить парня подсесть къ ней.

Эти замѣчанія очень важны, потому что въ обычное время, въ отношеніяхъ и сближеніяхъ молодежи замѣтна разница экономическаго состоянія ихъ отцовъ. Далѣе, дѣвушка не на вечеркахъ ни за что не позволить парню даже самыхъ новинныхъ заигрываній, даже парню, который ей нравится. Брань, негодованія и удары увѣсистой дѣвичьей ручки будутъ въ отвѣтъ смѣльчаку. На этотъ счетъ бѣлорусскія дѣвицы очень щепетильны.

Интересенъ способъ выраженія взаимной симпатіи молодыхъ людей. Они незамѣтно пожимаютъ другъ другу руки, и это пожатіе, наз. «поданіемъ», равносильно клятвѣ въ любви.

Такъ проходитъ время до поздней ночи. Но иногда мирное теченіе вечера измѣняется. Дѣвушки приносятъ съ собой закуски: сало, хлѣбъ, крупу. Парни съ своей стороны прикупаютъ сладостей, водку, призываютъ «музыку», а иногда являются музыканты и изъ ихъ среды. Мало по малу мирная бесѣда смѣняется музыкой и танцами.

Вечорки кончаются поздно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заведенъ обычай, что дѣвушки, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя (напр. свояченицы хозяйки) остаются тутъ же на ночь, принеся предварительно сюда свою постель. Парней дѣвушки шутя изгоняютъ изъ избы, но, когда потушить лучину или лампу, они понемиго снова появляются въ избѣ и ложатся съ тѣми, съ которыми «любятся». Если дѣвушки расходятся по домамъ, то и тогда не отказываются отъ совмѣстнаго сна. Парень провожаетъ дѣвушку; она входитъ въ избу, гдѣ уже всѣ сняты, ложится поближе къ дверямъ и чрезъ нѣкоторое время, увѣрившись что всѣ крѣпко спятъ, выпускаетъ къ себѣ парня, который передъ разсвѣтомъ, конечно удаляется.

Разумѣется, родители дѣвушки и парня хорошо знаютъ объ этихъ подночевываніяхъ: домашнимъ не разъ приходится и слышать, какъ дѣвица выпускаетъ парня, и заставить его не успѣвшимъ уйти. Но они вовсе не препятствуютъ дочери, стараясь лишь предупредить послѣдствія. Нерѣдко встрѣтить, что и два, а не то и три парня разомъ ухаживаютъ за дѣвицей, подначевываютъ съ нею вмѣстѣ, если можно, или по одиночкѣ.

Но было бы большою несправедливостью думать, что это совмѣстное ночеванье ведетъ къ неприятнымъ послѣдствіямъ. Конечно, теперь порядки значительно измѣнившіеся, основы старой бытовой жизни сильно поколебались, и жалобы на потерю цѣломудрія дѣвушками раздаются все сильнѣе. Но это слѣдствіе уже новыхъ вѣяній. Но зато тамъ, гдѣ новыя вѣянія сильны, и сами вечерки измѣнили свой начальный характеръ. Такія открытыя подначевыванія вышли изъ обычая, преслѣдуются родственниками. Въ подгороднихъ селахъ, если парень ходитъ къ дѣвушкѣ по ночамъ, то

изъ этого ничего не выйдет хорошаго. Но описанный видъ вечерокъ я встрѣчалъ въ очень глухихъ мѣстахъ Минской губ., въ Рѣчицкомъ, Мозырскомъ, Пинскомъ уѣздахъ. Игью также аналогичныя описанія изъ Минскаго у. Дурныхъ послѣдствій отъ вечерокъ не бываетъ. Крестьяне смотрятъ на посѣщеніе ихъ дѣтьми вечерокъ какъ на обрядъ, установленный дѣдами и потому требуемый обычаемъ. Судя вечеромъ въ крестьянской избѣ, можно подмѣтить, какъ сейчасъ послѣ ужина или даже до него мать всунетъ въ руки дочери «кудзелю», кусокъ хлѣба и сала и выправитъ на вечерки. Хожденіе дѣвушки на вечерки считается однимъ изъ требованій обычая, столь строгимъ что нарушить этотъ обычай рѣшаются лишь въ подгороднихъ селахъ. Мать будетъ серьезно огорчена, если ея дочь не хочетъ посѣщать вечерокъ, если къ ней не ходятъ спать хлопцы; напротивъ, будетъ польщена вниманіемъ ихъ.

Наши вечерки, какъ великорусскія посидѣлки, бесѣды, малорусскіе вечерники въ своемъ обрядовомъ значеніи сводятся къ переживаніямъ этого первобытнаго гетеризма. Послѣ того, что сдѣлано въ наукѣ объ этомъ вопросѣ, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ такомъ этнологическомъ значеніи и бѣлорусскихъ вечерокъ и).

Въ практической повседневной жизни вечерки игють не менѣе важное значеніе. Вблизи отношенія молодыхъ людей обоего пола препятствовали развитію взгляда на женщину, какъ на существо низшее, подчиненное мужчинѣ. На вечеркахъ и играшкахъ оба пола не только равны, но дѣвушкамъ отдается предпочтеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Парень обращается съ дѣвушкой, какъ съ равной себѣ; женившійся онъ сохраняетъ то же отношеніе и къ своей женѣ. Въ самомъ дѣлѣ, женщина въ бѣлорусской семьѣ занимаетъ очень высокое положеніе.

Но не вѣрно было бы думать, что сближенія молодыхъ людей обоего пола всегда ведутъ къ браку ихъ. Въ послѣднее время, конечно порядки измѣняются: парень требуетъ, чтобы бабки слали сватовъ къ той дѣвушкѣ, съ которой онъ «любится». Въ малой семьѣ, гдѣ всякій работникъ очень дорогъ, гдѣ чувства родителей къ дѣтямъ игють больше простора въ своемъ развитіи, молодые люди достигаютъ своихъ требованій. Но въ большихъ семьяхъ, гдѣ общій режимъ стоитъ выше чувствъ, гдѣ подчиненіе отдѣльнаго члена «хозяину» (большаку) сильнѣе, — тамъ еще и теперь парня женятъ, а дѣвушку выдаютъ замужъ, мало справляясь съ ихъ желаніями. Обрядовое значеніе вечерокъ выступаетъ и въ этомъ случаѣ: въ болѣе глухихъ селахъ, гдѣ сохранилось еще много большихъ семей, семейныхъ общинъ, вечерки, какъ и всѣ обряды, строго выполняются. Но именно здѣсь то бракъ всецѣло находится въ рукахъ старшихъ членовъ. Напротивъ, въ подгороднихъ селахъ, гдѣ народились уже новыя условія жизни, гдѣ вечерки потеряли обрядовое значеніе, гдѣ на совместное спанье смотрятъ восо, потому что оно добромъ не кончится, — здѣсь то бракъ совершается по желанію молодыхъ людей.

Я всегда интересовался вопросомъ о свободѣ выбора брачной пары и при всякомъ случаѣ разспрашивалъ особенно старухъ и пожилыхъ, объ ихъ выходѣ замужъ. Бывали счастливыя совпаденія, когда сваты приходили отъ парня, съ которымъ дѣвушка «любилась», но и это объяснялось сторонними соображеніями родителей обѣихъ сторонъ. Но болѣею частью мнѣ приходилось встрѣчать обратное: вопроса о желаніи или нежеланіи не только никто не подымалъ изъ родныхъ, но и самимъ молодымъ людямъ онъ не приходилъ въ голову.

И старухи и пожилыя выражаютъ удивленіе по поводу современныхъ порядковъ, по поводу требованій молодежи. «За насъ того ня було», говорятъ онѣ.

Послѣднія наблюденія даютъ возможность утверждать, что еще лѣтъ 20 — 30 тому назадъ заключеніе брака, выборъ жениха или невѣсты, находился всецѣло во власти родителей и старшихъ въ семьѣ.

Въ заключеніе прибавлю нѣсколько словъ о взглядѣ народа на цѣломудріе до брака. Въ настоящее время, конечно, народныя воззрѣнія на этотъ счетъ сильно пошатнулись. Но все таки цѣломудріе отъ дѣвушки требуется безусловно. Посадъ невѣсты во время свадьбы исполняется повсемѣстно. Дѣвушка не сядетъ на посадъ, не осквернитъ этого священнаго мѣста (дежа или «услонъ», скамейка, застланная вывернутымъ

кожухомъ) и обряда, если потеряла цѣломудріе. Даже если женихъ здѣсь же объявитъ себя виновникомъ несчастія, то и тогда невѣстѣ не избѣжать упрековъ, брани, слезъ матери, увѣсистыхъ, прощальныхъ побоевъ отца. И все таки только время смыываетъ позоръ съ самой невѣсты и ея семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ посадъ бываетъ до церковнаго вѣнчанія (болѣе древній видъ его), въ другихъ—послѣ. Въ первомъ случаѣ, если дѣвушка не съѣла на посадъ, женихова сторова немедленно уѣзжаетъ (если, конечно, женихъ не принимаетъ на себя вины) съ бранью и криками, съ требованіемъ возвращенія убытковъ, платы за потерянное въ проводочкахъ рабочее время и пр. Если посадъ бываетъ послѣ вѣнчанія и дѣвушка не сядетъ на посадъ, то всѣ свадебные обряды прекращаются и гости расходятся. Въ рѣдкихъ случаяхъ женихъ, если онъ не виноватъ, забирваетъ молодую тотчасъ къ себѣ. Гораздо чаще, что забирваетъ онъ ее только черезъ нѣсколько дней, послѣ долгихъ переговоровъ, увѣщаній. Часто этимъ случаемъ пользуются, чтобъ вытребовать у стороны невѣсты побольше подарковъ, приданое, денегъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда повѣнчанные молодые люди начинали сожительство лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ, даже полгода послѣ вѣнчанія, когда уляжется взаимная вражда.

Очень замѣчательно, что цѣломудріе до брака требуется и отъ парня. Посадъ жениха еще сохранился въ свадебномъ ритуалѣ болѣе части Вѣлоруссіи; женихъ также не имѣетъ права сѣсть на посадъ, если не цѣломудренъ. Въ Минскомъ, Игуменскомъ, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рѣчницкаго у., а вѣроятно, и во многихъ другихъ мѣстахъ Вѣлоруссіи (точныхъ свѣдѣній не имѣется), требованія на этотъ счетъ очень строги. Въ Минскомъ у., напр., невѣста можетъ отказаться отъ вступленія въ бракъ, если женихъ не сядетъ на посадъ (свѣд. изъ Ново-Свержевской вол.). Въ Игуменскомъ у., записывая пѣсни, я сталъ спрашивать моихъ рассказчицъ объ этомъ.— «Цяперъ ня вельми на гэта глядзяць, але, якъ бы даунѣй, дыкъ ня навязли бѣ невѣсту да церкви»,—получилъ я въ отвѣтъ.

Таковы взгляды болѣе консервативной части населенія Минской губ.

10) «П р и п ѣ ў к и» во время танцевъ и игръ. Ниже я привожу небольшой сборникъ припѣвковъ которые поются крестьянами во время танцевъ и игръ. Такихъ припѣвковъ въ Вѣлоруссіи очень много. Онѣ не имѣютъ опредѣленнаго времени или обряда, при которыхъ-бы пѣлись, но поются во время лѣтнихъ танцевъ, хороводовъ, веселыхъ игръ, не имѣющихъ своего круга пѣсенъ, изъ обрядовъ—на родинахъ, крестинахъ, послѣ брачной ночи на свадьбахъ. Поютъ ихъ преимущественно замужнія женщины.

Подобнаго рода пѣсенокъ мы находимъ не мало въ уже изданныхъ сборникахъ (Романова, Шейна, Радоски и др.), но я старался выбрать изъ моего собранія лишь такія которыхъ нѣтъ среди изданныхъ. Особенность ихъ та, что всѣ онѣ не лишены фаллизма. Конечно, это непріятно дѣйствуетъ на слухъ читателя, но для исследователя подобнаго рода пѣсни (къ сожалѣнію, ихъ часто пропускаютъ собиратели) должны представить важный матеріалъ.

№ 1.

Бхау, бхау,—	У мене сѣни, хата,
Чаму ка мѣ ні забхау?	У мене жинка зуховата.

№ 2.

Ахъ, ты Сидоръ макакѣръ!	Якъ паверня, баба пердня;
На парози бабу цѣръ.	Якъ пацисня,—баба дрысна.

№ 3.

Грай, грай, музыка,	Купи, мила, чаравичкп,
Капъ я поסקала;	Капъ я патаптала.

№ 4.

Рани, рани!
Перья ни драги!
На што мнѣ драги,
Кали не съ кнѣ спади.

Икѣ я была мала,
Зѣ мамаю спала;
А циперь я велика,
Треба мнѣ чалавѣка.

№ 5.

Стары, стары!
Гани валѣ,—
Стары растагнауся.

Стары, стары!
Лѣзь на бабу,—
Стары разсмяуся.

№ 6.

Икѣ я была мала,
Мине мама калыхала;
Я икѣ стала подрастаи,
Стади хлопци калыхади—
Ту у калысци, ту у каробцы,

Ту у гуменцы на саломцы.
Альбо шѣ мине калышеца
Альбо шѣ замужѣ вы меня вазьмеца,
Альбо шѣ на паперы выпишеца.

№ 7.

Гопѣ, маѣ таукачыки,
Гопѣ, маѣ дубовыѣ!

Семѣ гопѣ ваялился,
Накиль у ступи сабралися.

№ 8.

Икѣ хадзили тры—чатѣры,
Да кѣ ничога ни зрабили;

А циперь жа адзинѣ ходзиць,
И спадница ни сыходзиць.

№ 9.

Ка мнѣ дзѣкѣ прыхадзиу,
Рѣшата пѣрагоу прынасиу;

А я яму дала гаршокѣ масла,
Капѣ палавау часта

№ 10.

Ка мнѣ напоу сынѣ прыхадзиу,
Патѣ крысомѣ чаравнички прынасиу
А я дурна была,
Яму ганьбу дала,
Кагѣ я ганьбы ни давала,

Ту я пѣ за имѣ панавала:
Енѣ бы торбы насну,
Енѣ бы хлѣба прасну;
А я пѣ вѣя надавала,
Сабаками пѣ заскавала.

№ 11.

Паскакала пѣ казачка,
Да баюся мужычка,

Мой мужѣ ня великѣ,
Да скакаць ня велиць.

№ 12.

Паненачка, маѣ сѣрца!
Падыдзи падѣ акенца,

Падыми кашульку,
Пакажы зязюльку.

№ 13.

Добры вечарѣ! гаспадыньки, прашу васѣ,
И ни зайшла мая курачка да васѣ?
У маѣй курачки жоута перья п чубокѣ
И на ношцы касмычокѣ.

Да хадзила мая курка па начѣ,
Да злавили яе пѣвичы,
Да загнали у кутокѣ,
Абарвали жоута перья п чубокѣ.

№ 14.

Дзяўчата!
Катора зь вась пачата?

Катора нѣ,
Нясеця миѣ.

№ 15.

Выскачыла зь лябяды—
Здрастуйца, дзяўчата!

Семь готъ была у лябядзѣ
И ще ни пачата.

№ 16.

Па саломі качалася,
Миѣ нічога ни сталася

Я но шѣ томъ сѣна
Мине зьѣла,
Маѣ цѣла папаунѣла.

№ 17.

Паненачки, мае милы!
Падрантвѣли мае жылы,
Ни такъ жылы, какъ суставы.

Скину штанэ, лягу зь вами,
Скину штанэ и сарочку,
Лягу зь вами у халадочку.

№ 18.

Пасѣю я рѣпку
Ни густу, ни рѣдку:
Расьца, мая рѣпка,
Ни густа, ни рѣдка!
Пайду я рана,

Мая рѣпка рвана;
Пайду я па начы,
У маѣй рѣпцы паничы;
Пайду я ёще,
У маѣй рѣпцы цѣца.

№ 19.

А я роду ни такога,
Какъ любила абы якога;

А я роду ацецкаго,
Люблю сына купецкаго.

№ 20.

На вулицы скрыпка грая,
Мине маці гуляць ни пуская.
—Пусьца, маці, погуляци,

Будзяшѣ сабѣ зяця маці, (и ѣць)
Ни такога, ни сякога,
Кавалера маладога. ¹⁾

№ 21.

Свиньпа ў рѣпи (2),
Парасята, у граеццы;—

А музыка плязъ языка
Каля дзяўчатакъ мнѣца.

№ 22.

Антонъ харошаньки
Казу вядзе за рожаньки;

Каза ни дзецца,
Антонъ валачецца.

№ 23.

Антонъ харошаньки,
Мантонъ кароцяньки;

Вѣцерь падзимая,
Мантонъ падзимая.

¹⁾ (Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 549, № 682).

№ 24.

Казаў тата: казу дамъ
И зъ маленькымъ казенямъ;

Будзямъ казу дапци,
Будзямъ хлопцаў панци.

№ 25.

Зъ Богамъ, хлопцы, зъ Богамъ,
Заткнуўшы сраку рогамъ,

Той рогъ съ табакаю,
А вы бягайця за сабакаю.

№ 26.

А мой жа стары нябожа!
Капъ ты памёръ, дай Божа;
А я пъ пашла гуляци,
Маладога шукаци.

А на што мнѣ малодшы,
Кали стары харошшы:
Енъ павдзи, пакнина,
Прыгхаушы, абдымя.

№ 27.

Стары старычокъ,
Пашыў баби каўпачокъ!

И пашыў, и надзѣў,
И на бабу паглядзѣў.

№ 28.

А мой жа Антончыку!
А што ў цѣбе на кончыку?

Залатая булавачка,
Для паненачакъ забавачка.

№ 29.

Я гарэлки ни пила,
Мнѣ меду дайця;

Я на сына заступила,
Мнѣ паважайця.

№ 30.

Дзяўчыначка липиначка,
Харошага стану!

Няхай цѣбе хлопцы любяць,
А я пярэстану.

№ 31.

На ганку стаю,
Слѣзы котяцца;

Дзяўке замужъ идучъ,
И мнѣ хочацца. ¹⁾

№ 32.

Ци я такая урадзилася,
Ци мая такая доля?
Пашла пъ замужъ за старога,
Варадою коля;

Ой найду я за такога,
Што ни мал вуса;
Енъ мнѣ пацалуя,
А я засмяюся.

№ 33.

Кали любишь, люби разья;
А ня любишь—идзи, блазья—

Ня задавай сэрцу туги,
Ня возьмашъ ты—возьма други.

№ 34.

Ой, той жа мнѣ ни да души,
Што ходзиць у кажуси;

Ой, той жа мнѣ спадабаўся,
Што ў гузички ушпиляўся.

¹⁾ Ср. вар. Шейнъ, Мат. I. 548, № 673).

№ 35.

Кароцяньки Станислаў
Тыкаў, тыкаў, ни достаў,

Калодачки ни знашоў,
Заплакаў ды нашоў.

№ 36.

Скачы, скачы, кульгавы,
Ать прыпячка да лавы;

А вы дзяўко, знайця,
Кульгаваму дайця.

№ 37.

Причитываніе дѣтей надъ навозн. жукомъ.

Жучку!

Падай миѣ ручку,
Падай миѣ другую—
Я цибѣ ратую.
Прыляциць маці,
Будзя гадаваці.
Дзѣ твой домъ?

Пады гаўномъ.
Бѣху панъ,
Растаптаў,
Прышли дзѣци
Паглядзѣци;
Прышла маці
Паплакаці.
Бздынь, бздынь!

№ 38.

Бусяль—клекли:
Твоя маці у пекля.
Малилася Богу,

Ды зламала ногу;
Палацѣла на тую,
Ды зламала другую.

М. Давнара-Запаляскій.

Примѣчѣнїи.

а) О волочобникахъ см. Шейнъ, Матерьялы и пр., ч. I, р. 133 и сл. и въ примѣч. тутъ же и литорат. вопроса.

б) Ср. подобный обычай въ Витобекской губ.; закапываютъ кости передъ поѣздомъ, Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, р. 172.

в) Въ др. мѣстностяхъ сохраняютъ первый снопы, ср. Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 174.

г) Въ другихъ мѣстн. оставляютъ охапку ржи, Радченко, Гомельскія пѣсни, р. XXXI, или же кладутъ также и краюху хлѣба, Шейнъ, Матерьялы, ч. I, 266, 270, ср. «завиваніе бороды», Шейнъ, Бѣл. п., 176.

д) Бѣлорусскіе варьянты игры см. Шейнъ, Матерьялы, ч. I, р. 111, пѣсни вар. у Беронова, Бѣлор. пѣсни, р. 81; отдаленный великор. вар. у Терещенки, Быть русск. нар., IV, 290—1; о принятїи «ящера» ср. Потебня, объясн. мадор. и нѣкот. сродныхъ пѣсней, р. 27 и сл.,—здесь же указ. сродныхъ мадор. и великор. вар.

е) Бѣлор. вар. ср. у Шейна, Мат., ч. I, 546, Киркоръ, въ Вѣстн. Русск. Геогр. общ., 1857 г. кн. IV, р. 286, Романовъ, Бѣлор. сборн., в. I, р. 285, № 240, великор.—у Терещенки, Быт., IV, 185. Въ указ. вар. пѣсни кончается словомъ «подарую».

ж) Ср. у Радченко, Гомельскія пѣсни. р. XXVIII и 45; великор. вар., Терещенко. IV, 27.

з) Приведенныя игры относятся къ переживаніямъ первобытнаго гетеризма; съ этой стороны празднованія «подушечки» на Дону разсматривалъ проф. Смирновъ, Очерки сем. отнош. по обычному праву русск. нар., Юридич. Вѣстн., 1877; № 1, р. 62—63. О знач. игры и танцевъ съ этой стороны см. Kulischer. Die geschlechtliche Zuchtwahl, въ «Zeitschrift für Ethnologie». 1876, и 2, р. 142 и слѣд.

и) Этнологическое значеніе посидѣлокъ основывается на выводахъ о первобытномъ гетеризмѣ Леббока, Сиенсера, Летурно, Жиро-Телона, Ковалевскаго, Вилькена, Поста и др. Ср. Ковалевскій, Первобытное право, II, 28—29, Сопоставленія изъ русской жизни приведены у Якушкина, Обычное право, в. I, Ярославль, 1875, р. VII, Смирновъ, Очерки. Юридич. В., 1877, и 1, р. 52 и слѣд., «L'Anthropologie», см. Волкова, 1891 г., р. 174—5 (т. II, № 2), Сумцовъ, Досвѣтки, Кіевск. стар., 1886, январь и др.